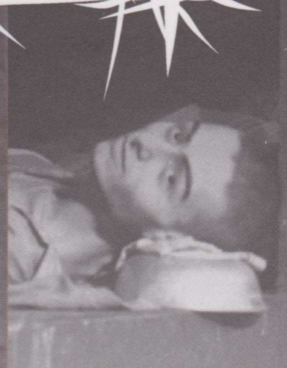
ДЕТИ – ВОЙНЫ

НАШ ДОМ

Дети войны

Книга вышла благодаря труду этих людей:
Елена Борщевская, Ольга Карач, Александр Погорельский,
София Таболо, Ольга Шпаковская

Проект гражданской кампании «Наш Дом»

Борщевская Е., Карач О., Погорельский А., Таболо С., Шпаковская О.
Дети войны

Борщевская Е., Карач О., Погорельский А., Таболо С., Шпаковская О.– 2009. – 128 с.

В книге представлены воспоминания бывших узников фашистских лагерей и детей, насильно угнанных на работы.
В этих воспоминаниях нет привычной для официоза ретуши. В них – правда войны, увиденная детскими глазами.

СОДЕРЖАНИЕ

Память нельзя запретить

Есть в жизни моменты, о которых приходится глубоко сожалеть. Не успел, не спросил, не остановился… Вот и я глубоко сожалею о том, что не заставила своего дедушку, Воина-Освободителя, участника финской и Великой Отечественной рассказать о войне. Рассказать не то, что нам говорили с высоких трибун высокие чиновники в норковых шапках, и не то, что пишут в официальных воспоминаниях официальные победители. Теперь я хотела бы узнать, что было на самом деле. И очень жалею, что так и не уговорила своих бабушек – одну, которая была сначала в подполье, а потом в партизанах, и вторую – прошедшую всю войну от начала до конца – поделиться пережитым.

Сейчас мне кажется, что я упустила что-то очень важное и дорогое. И я понимаю: упущена Память моих родных о тех событиях, которые играли в их жизни ключевую роль. Мои бабушки и дедушки ушли, оставив мне самое ценное, что они могли мне дать, – свободу. Я свободный человек в свободной стране. Я понимаю, что их Память отличалась бы от той фальшивой «памяти», которую нам предлагают раз в год на 9 Мая чиновники, произнося «правильные» слова, но делая не совсем правильные дела. Потому что после правильных слов отбирать у ветеранов и узников льготы – вот их настоящие дела.

С того времени прошло 65 лет. И оказалось, что победить фашизм легче, чем добиться у белорусских чиновников решения какой-то проблемы. Фашизм мы всей страной победили меньше чем за 4 года, а вот ремонта своего дома с нашими чиновниками будешь добиваться все 15. Позабыв страшные уроки войны, мы получили новую напасть: с нами чиновники стали обращаться, как оккупанты. Так, наверное, обращались бы фашисты с населением на оккупированных территориях. Уничтожена Площадь Победы, на месте бывшего фашистского концлагеря, где лежат десятки тысяч белорусов, строят жилые дома. Людей, которые выступают за строительство Мемориала на месте бывшего фашистского концлагеря «5-й Полк», запугивают сотрудники КГБ и чиновники на иномарках. Удивительно, но факт: белорусская власть делает все, чтобы уничтожить Народную Память о преступлениях фашизма на белорусской Земле. Но разве можно уничтожить Память?

Самое страшное, когда свидетелями войны становятся дети. И в этой книге собраны страшные свидетельства тех, кто был ребенком. Их детство закончилось в один день. Они потеряли близких и родных. Им пришлось не только внезапно взрослеть, но потом и восстанавливать страну, лежащую в руинах.

Эта книга не подвергалась цензуре. Все факты изложены так, как они есть. Это трибуна для тех, кто еще помнит Войну, чтобы они успели рассказать нам, потомкам, об уроках, которые забывать нельзя. Иначе прошлое вернется.

Ольга КАРАЧ
Внучка Воинов-Освободителей

АНТИПЕНКОВА
Анна Лукьяновна
1922 года рождения

До войны мы жили на Смоленщине. На всю жизнь мне запомнился тот летний день 1943 года, когда на нашу лесную деревню Юрченки налетела немецкая облава. До этого дня немцев не было. Партизаны приходили часто: они находились всего в пяти километрах от нашей деревни.

Мы знали, что немцы сжигают деревни, и собирались спрятаться в лесу, но не успели. Один из немцев хорошо говорил по-русски. Он-то и сказал нам, что не собирались они ехать в нашу деревню, наткнулись случайно, а дорогу им показали местные полицаи.

Вместе с немцами приехала девушка, она была из соседней деревни, работала в немецкой комендатуре. Согнав всех жителей деревни в одно место, немцы стали грабить дома. И Анна (так звали девушку) выбирала себе вещи «на подарок». Из нашего дома она взяла себе самовар.

Закончив с грабежами, немцы погнали нас в Ярцево, а там погрузили в вагоны-«телятники». Со мной были сестра Нина и мама. Я забыла название того городка, куда нас привезли, но было это где-то на границе между Польшей и Германией. Там нас продавали, как скот. Осматривали, обсуждали, только зубы не смотрели. Не верилось, что такое может быть вообще, что нас продают, как рабов.

Меня купила женщина, задав через переводчицу всего один вопрос, умею ли я доить корову. Я ответила, что умею. Оказалось, что купила она меня не для себя, а для пожилой семейной пары, которые жили недалеко от города. Только потом я поняла, как мне повезло. Мои хозяева оказались добрыми людьми. Работала я не больше, чем дома, а жила, как и они. Относились ко мне, как к близкому человеку. Ела за одним столом с ними, одежду мне дали, обувь и никогда голоса не повысили. Очень скоро я стала понимать их язык. Молодая была - память хорошая.

А вот моей маме хозяева попались плохие – зверье, изверги. Я помню, как увидела однажды такую «картину»: они запрягли ее в тележку. Мама везла, а те подгоняли кнутом. Короче, издевались, как хотели. Соседи их осуждали, но помочь маме никто не мог.

Отдушиной были встречи с мамой и Ниной, которая работала на ближнем хуторе. Моя хозяйка всегда старалась подбодрить маму, угощала хорошей едой, с собой всегда давала продукты, потому что мамины хозяева кормили её тем же, что и своих свиней.

У Нины, моей сестры, хозяева были тоже неплохие, но работы у нее было много: и в доме, и по хозяйству. Но Нину кормили хорошо и одежду с обувью дали.

А потом мои хозяева взяли к себе пленного француза. Он ругался с хозяином и даже попытался напасть на него. Но я удержала его. Разъяснила, что, если он хочет жить, как человек, а не мыкаться в лагере, пусть одумается: может, все не так и плохо. Позже он поблагодарил меня и к нашим хозяевам стал относиться уважительно.

Так мы и жили до освобождения.

Когда нас освободили солдаты Войска Польского, они расспрашивали меня, как к нам относились хозяева. Я им рассказала, но маминых хозяев пожалела, не рассказывала про них всего, не хотела ничьей смерти. Пусть их Бог судит.

Домой, на Смоленщину, мы не поехали, а решили ехать к родственнице, которая жила в Шарковщине. Там я устроилась работать в пекарню, Нина пошла в

школу, а вот мама всё время оставалась дома: подорвала здоровье в Германии.

Постепенно мы обжились, получили жилье. Нина вышла замуж. А я с ее семьей так и живу. Помогала, чем могла, но сейчас уже старость подошла. Мне 87 лет, а, кажется, совсем недавно заходила в вагон-«телятник», и сердце сжималось от страха за себя, за своих близких, за людей, что были рядом со мной.

То время не забыть никогда.

АРЦЮШЭЎСКАЯ (БАРАНОЎСКАЯ) Валянціна Восіпаўна 1940 года нараджэння

Вёска Балаі, дзе я нарадзілася, была ў партызанскай зоне. Партызаны папярэдзілі людзей, што немцы збіраюцца паліць вёскі, і раілі хавацца ў лясах, але мае бацькі вырашылі, што нашу сям'ю не зачэпяць, ніхто ж з сямейнікаў у партызанах не быў, за што ж нас чапаць? Ды і немцы, нібыта, абяцалі, што вывозіць будуць толькі партызанскія сем'і. Так і атрымалася, што партызанскія сем'і пахаваліся. Восенню 1943 года карны атрад прыехаў у вёску. Людзей сагналі за вёску ў поле, а дамы падпалілі. Стрэхі саламяныя, суха было, агонь умомант знішчыў вёску. Нас у мястэчка Варапаева пагналі, там чыгуначная станцыя і тады была. Сталі сартаваць. З маленькімі дзецьмі не бралі. Тата мяне на руках трымаў, дык яго адпіхнулі, а маму ў вагон скіравалі. Тады тата, каб маму ўратаваць, мяне ёй перадаў. Як застаўся без дзіця, яго ў вагон піхнулі, а мама са мной на руках следам за татам кінулася сама, як нітка за іголкай. Так, у рэшце рэшт, усіх вяскоўцаў у «цялятнік»і пагрузілі. З намі яшчэ дзядзька і цётка з дачкой былі і дваюрадная сястра Зоя Гушча. Бацькі яе да нас прывялі за дзень да таго, як нашу спалілі, і вярнуліся ў сваю вёску, каб якія рэчы забраць, ды спалілі іх разам з вёскай. Больш мы іх не бачылі, а Зоя з намі была ўсю вайну. Яна мая аднагодка, а другога дзядзькі дачка старэйшая за намі ўсю вайну і наглядала. У «цялятніках» тых столь з дошак была і вялікія шчыліны паміж імі. Калі дождж, дык на галовы цякло. Але я чамусці зоркі запамятала. У начы яны нам праз тыя шчыліны свяцілі. А прывезлі нас у Берлін. Мама з татам на фабрыцы працавалі, а жылі мы ў агароджаным калючым дротам бараку. Бацьку на працу раненька адводзілі, а мы, дзеці, самі сабой былі, самі сябе і займалі. Дзяцей малых было розных узростаў. Большыя хлапцы адарвалі дошкі з тыльнага боку барака, і мы таксама праз гэты лаз у горад на чыгуначную станцыю бегалі. Там вагоны з бульбай разгружалі, мы той бульбы стараліся нахапаць. Есці ўвесь час хацелася. У мяне нават торбачка была невялічкая, для таго, каб "дабытае" харчаванне ў барак прынесці, зноў жа праз лаз. Не заўсёды ўдавалася штосці раздабыць. Немцы-ахоўнікі каля вагонаў біць, праўда, не білі, але за шкварань нас малых адкідвалі. Аднойчы я на станцыі затрымалася і ўжо позна ў барак варочалася, і мама мяне ўбачыла. Іх з працоўнай змены таксама ў барак везлі. Пачала яна немца ахоўніка прасіць: "Там "kinder" мая "klein"; вазьміце яе, калі ласка, каб не згубілася дзе". Той спытаўся, каторая, саскочыў з машыны і ў ахапцы прынёс і кінуў мяне маме. Але я торбачку з бульбінамі не выпусціла з рук, і немец не адбіраў. А яшчэ расказвала, што на фабрыцы разам з немкай працавала на адным станку. Добрая была жанчына, і маме тайком бутэрброды прыносіла, падкармлівала яе. Брала нібыта сабе, перакусіць, а маме аддавала. А паколькі на выхадзе рабочых не абшуквалі, то мама і мне прыносіла. І тата разам з мамай працаваў на той фабрыцы ды на тыф захварэў. Яго ў шпіталь забралі, і больш мы яго не бачылі. Мама аднойчы ўпрасіла немцаў пусціць яе пра тату даведацца, але, калі давялі яе да таго шпіталю, тата ўжо

памёр. У 90-ых гадах мне прыслалі паведамленне пра месца захавання таты. Ды не езділа я. І якая там магіла? Памерлых ад тыфу ў крэматорыі палілі. Можа дзе і стаіць помнік на месцы крэматорыя...

А вызваліла нас Чырвоная Армія 25 красавіка 1945 г. Першыя дні ніякага парадку не было. Хто дужэйшы быў, ды без малых дзяцей, хадзілі па магазінах і пустых дамах збіраць рэчы. Мы з мамай неяк па тэлевізары хроніку бачылі, дакументальныя здымкі, дык мама пазнала мясціны ў Бярліне, дзе мы ў няволі былі.

А праз тыдзень - другі пачалася адпраўка былых палонных на Радзіму. Нас назад ў Варапаева прывезлі. А адтуль на кані да дзядулі прыехалі ў вёску Кусьні. Наша вёска Балаі спаленая была, не было куды варочацца. Пазней вёска адрадзілася.

Я ў школу пайшла ў суседнюю вёску Дуброва. Сямігодку скончыла на «выдатна». Але далей вучыцца не атрымалася: бедната, ды без таты... Школы той ужо няма, нават будынак разабраны. Пайшла ў калгас працаваць даяркай. У 1958 годзе замуж выйшла. Двух сыноў выгадавалі з мужам. Муж памёр, адна жыву. У вёсцы наогул ужо лічы адны ўдовы засталіся, як і пасля вайны.

БАГРОВА
Феадосія Мікалаеўна
1926 года нараджэння

Я з вёскі Сіпавічы, што на Браслаўшчыне. Там мяне вайна і застала. У 1943 годзе, ўлетку, наляцеў на вёску карны атрад і паліцаі і пахваталі ўсю моладзь. І я з брацікам Мішам у тую аблаву трапілі. Нас у Браслаў спачатку пагналі, потым у Відзы, а адтуль да чыгункі і павезлі эшалонам у нямеччыну. Прывезлі ў горад Хемніц. Там у гаспадара і пражыла з братам паўтары гады, там і свае 18-годзе сустрэла. Гаспадары неблагія людзі былі. У іх сыны на фронце былі, усё бацькі хваляваліся, ці жывыя? Адзін цяжка паранены дадому вярнуўся. Да нас добра адносіліся: не ў голадзе жылі, не ў холадзе, нават нейкія грошы плацілі, хоць і невялікія. Гаспадары за людзей нас лічылі, не здзекваліся, хоць іншым вязням не ўсім з гаспадарамі пашанцавала. Расказвалі, і звяры сярод іх былі. Але, дзякуй Богу, я з такімі не сустрэлася. Працавала я і на ферме, і ў полі. Сена сушыла - грабіла. Вызваліла нашу тэрыторыю Чырвоная Армія ў красавіку 1945 года. Мы са знаёмымі землякамі сабраліся і пешшу дамоў пайшлі. Дзе пад’ехалі, а больш пешшу ішлі. Можа праз тыдняў сем дадому дабраліся. Усю дарогу хваляваліся, што там дома? Як бацькі, ці ёсць куды варочацца? Шчасцем было ўбачыць, што ўсе жывыя: і бацькі, і вёска. Вярнуўшыся ў калгас, пайшла працаваць на паляводства. Бывала палю дзялку 30 сотак буракоў і гаспадароў нямецкіх успамінаю. Бо яны пару ведалі: прыйшла пара - ідзі дамоў, адпачывай. Не цяжэй у гаспадара было, чым у калгасе. Здароў’е страціла. Зараз у інтэрнаце дажываю. З родных пляменніца адна засталася, ды яна ў Амерыку пераехала, там жыве.

БАЙКОВСКАЯ (КРУПЕНКОВА)
Зинаида Ивановна
1937 года рождения

Война очень быстро подошла к нашей деревне Милютино, Пречистенского района, Смоленской области. Моего отца и старшего брата забрали на фронт, а мама и шестеро детей остались. Перед самой войной мы построили новый, до-

бротный дом, и, когда при отступлении русской армии фронт подошел к Милютино, в нашем доме расположили раненых бойцов. Мы всей семьей помогали ухаживать за ними.

Немцы наступали очень стремительно. Они были хорошо подготовлены к войне, а у наших бойцов не хватало ни оружия, ни боеприпасов. Когда раненых стали эвакуировать, начальник госпиталя сказал нам, что нужно уходить в лес.

Наступление немцев сопровождалось артобстрелами и бомбежкой. Земля содрогалась от взрывов, все небо закрывали самолеты. От нашей деревни не осталось ни одного дома. Все было разрушено и сгорело в пожарах.

Когда пришли немцы, мы остались в лесу. Там создавались партизанские отряды из местных жителей и попавших в окружение бойцов Красной Армии.

В лесу мы прятались до весны 1943 года. А в начале марта попали в немецкую облаву. Всех пойманных погнали колонной в поселок Ярцево. Попалось много людей, и особенно детей. Семьи были большие, по пять-восемь ребятишек. У нас самой старшей была Вера – 1925 года рождения, потом Валя - 1927, Таня - 1929, братья Тимофей и Володя - 1932 и 1934 годов соответственно.

В Ярцево пленных погрузили в «телятники» и повезли. Везли долго, почти месяц, многие по дороге умерли от голода. Выгрузили нас в Слуцке, где загнали в лагерь.

Слуцкий лагерь состоял из трех лагерей. В двух было гражданское население, в третьем - военнопленные. Два гражданских лагеря называли лагерями партизанских семей. Мы жили в бараках, которые напоминали колхозные коровники. А спали на трехъярусных дощатых нарах. Наш барак был вторым.

Это было страшное место. От голода и болезней ежедневно умирали сотни людей. Свирепствовал тиф. Вши расползались по всему лагерю, и скоро заболели две мои сестры Валя и Таня. Никто нас не лечил, и они вскоре умерли. Умерших складывали в огромные ямы, а когда их наполняли, присыпали тела сверху землей. Мне даже сейчас вспоминать страшно.

Мой братик Тимоша нашел лаз под колючей проволокой, иногда вылезал и ходил в город. Изредка ему удавалось принести кусочек хлеба, несколько картошин, морковку или яблок-опадышей. Он мог съесть все это сам, но приносил всё нам, и мы по крошкам делили между собой. Иначе все в тех ямах и оказались бы. На место умерших подвозили все новых и новых узников, пойманных в облавах.

В 1943 году, осенью, нас привезли в Поставы. Там разместили в здании школы. Навсегда запомнила, как нас кормили молочным супом. К тому времени мы уже забыли вкус нормальной еды. А потом перевезли в Шарковищину, где нас раздали хозяевам. Нашу семью взял Плоский (имени не помню) из деревни Григоровщина. Когда он привез нас домой, его жена начала кричать, зачем столько голодных ртов привез. Мама успокаивала ее, что мы все будем работать.

Старшую сестру Веру забрали в няньки по соседству. Тимошу взяли в соседнюю деревню Ручей пастухом, а мы с Володей остались с мамой. По сравнению с лагерем в Слуцке, здесь мы жили нормально. Западная Беларусь была богатым, зажиточным краем. Там еще жили «единолично». Хозяйства были крепкими. Мама жала зерновые, помогала убирать картофель и овощи с огородов. В деревне были и сады. Яблоки казались деликатесом. С братом Володей старались помочь ей, чем могли.

Так и дождались освобождения. Посоветовавшись, решили не уезжать из Беларуси. Она нас спасла от голодной смерти и стала второй Родиной. Сюда к нам вернулся и старший брат с войны. Весь израненный, в легких осколок от снаряда.

Вскоре от ран он умер.

А Тимошеньку нашего принудительно завербовали восстанавливать Ленинград. Он и умер там. Слабый братик был, никак от голодовки в Слуцком лагере восстановиться не мог. Мальчик еще совсем, а на стройке тяжело работать приходилось, вот и умер. Его бы подлечить, а не на стройку…

Так из большой семьи мы остались вдвоем: я и брат Володя.

БЕЛЯКОВ
Иван Иосифович
1930 года рождения

Свое детство помню с 1935 года. Даже чуть раньше. Жили в деревне. В то время жители деревни были рабами государства. Работали бесплатно. Ставили палочки, и только по истечении года. Если и платили 50 рублей, то это было хорошо. Разрешали держать одну корову, 50 соток огорода, кур, одного кабана и больше ничего. Теленка уже не разрешали. И вот для того, чтобы нас (троих детей) хоть как-то в школу отправить, мать собирала масло, яйца и за 15-20 километров на себе носила в Витебск. Продавала, а сами вдоволь мы ели это только на Пасху и Рождество.

За все нужно было платить. В колхоз загоняли добровольно-принудительно. У тех, кто не пошел в колхоз, забирали все. Не давали пахать, пользоваться садом. А работали они дотемна.

Я уже в семь лет нянчил младшую сестренку, пас цыплят, собирал траву для поросенка, копал картошку, чтобы к вечеру сварить ужин родителям. Нищета была жуткой. Босиком ходили в школу. Даже когда наступали морозы, обувать нечего было. В поле выгоняли тоже босиком. Утром будили, чтобы пасти коров.

В 1941 году объявили, что началась война. Пришли повестки. В том числе, и моему отцу. Вручали их в сельсовете. Сразу началось беспокойство, волнение. Мужики собрались и пошли пешком в Витебск, в военкомат, а там разброд и шатание. Им приказали идти на Городок. А там уже немцы. Вернулись, только двоих как-то успели забрать на фронт. Отец и остальные так и остались на оккупированной территории.

Над нашей деревней немецкие самолеты сбили самолет советский. Он упал в полутора километрах от деревни. Мы побежали смотреть, как горит, а там уже немцы. До этого мы их не видели. Нас потом прогнали оттуда, так как начали рваться патроны. Летчиков немцы забрали. Вся деревня была рада, что спаслись, мы ж не знали, что им еще хуже будет.

Установили новую власть. Землю колхозную раздали, разделили на полосы и раздали в частную собственность. В течение 1942-43 годов работали на себя. Говорят, что немцы грабили, забирали все – неправда. Сдавали им только определенную часть, а большую оставляли. Зимой 1942-го с появлением партизан, начали появляться и каратели.

Ночью от партизан прятали все. Даже детскую одежду. У меня, например, они сняли с ног валенки вместе с коньками. Пришел домой в одних носках.

Забирали последнее. В том числе и корову, которая давала молоко.

В 1943 году стало слышно приближение фронта. Немцы начали «выселять» Городок, Лиозно, Шумилино. Нас погнали из Заронова через Борщовку, Хотиничи и Зайцево в «5-й Полк». За колючую проволоку. До этого там находилось около 74 тысяч военнопленных. Кстати, когда в 1941 году мы приходили в Витебск за

горелой солью и горелой патокой, нам сказали, что в «5-ом Полку» можно найти своих. Думали, там с нашей деревни кто-то есть. Тогда охрана была не очень. Сильная жара. Без воды и еды военнопленные смотрели на всех из-за колючей проволоки, как на потенциальных спасителей. Им советовали разбегаться, но немцы внушили, что скоро всех отпустят. К сожалению, не нашлось в то время в этом «5-ом Полку» организатора, чтобы поднять какое-то восстание и разбежаться. Там десятки тысяч было, если б они разбежались, пусть бы тысяча или две погибли, а остальные убежали б. Они этого не сделали, а потом уже появилась проволока в два ряда. А когда мы сидели, то она уже была в три ряда.

Полгода кормили примерно так – буханка хлеба на десять человек (если это можно назвать хлебом) и кружка баланды. Больше ничего. Я, Миша Кузьмин и Толя Беланович (они уже в раю) подошли к немецкому охраннику, который был пожилым человеком, и попросили пустить за колючую проволоку. Рядом с лагерем, на 2-ой Загородной, еще стояли частные дома. Он отпускал. Раза два мы лазили по погребам, находили там картошку, бураки. Приносили в лагерь и на костре варили.

Ежедневно было два или три раза построение. Эсэсовцы шли вдоль строя и кого-нибудь выбирали. Военнопленных, когда мы там находились, уже не было. Их почти полностью уничтожили. Мертвых выбрасывали за проволоку, в ямы-могильники. Есть акт специальной комиссии от сентября 1944 года, в котором засвидетельствовано, что было обнаружено более 300 могил. В одной яме обнаружили более трех тысяч трупов военнопленных. Больно, что сейчас об этом никто не думает…

Когда нас выгоняли с «5-го Полка», немцы вспахивали эти ямы, чтобы было незаметно. Некоторые говорят, что не было бараков, были там бараки. Многие без окон, дверей, не отапливались, нары в три ряда. Умирали люди по 10-20 человек каждые сутки. Трупы выносили и бросали в овраг. Мы на нары не лезли, сидели на куче мусора. Потом нас перевели в другой барак. Он назывался заразным. В начале апреля пригнали колонну крытых машин, погрузили. В каждую, наверное, человек по сто. Сколько можно, столько и набивали. У кого был какой мешок, то его отбирали и бросали в сторону. Вывезли за Бешенковичи, но никого не убивали, а просто, как мусор, выкинули.

Пошли по деревням. Нас приютила одна женщина, царство ей небесное. У нее было три дочери. В этом доме было две семьи, наша и еще женщина с сыном из деревни Прокуды. Заболели все тифом и лежим на полу, сын этой женщины заболел и умер. Наша семья переболела три раза. Выжили, а хозяйка умерла. Как сейчас помню, она умирала и проклинала нас, потому что три девочки оставались сиротами. Там нас и освободили. Правда, немцы отступали долго.

Говорят, что списков узников нет, но я как сейчас помню, что когда нас пригнали в «5-й Полк», то каждого заводили в какую-то комнату и все записывали. Немцы - щепетильный народ. Думаю, что и военнопленных они тоже всех фиксировали. Когда в 1948 году я приехал учиться в 8 класс, то брат жил на 2-ой Загородной. Он был прорабом в воинской части и ломал эти бараки. Тонны бумаг ветер гонял, но никому в голову не пришло собрать их и прочитать. Ничего не сохранилось, никаких архивных документов и фотографий. В 1944 году на том месте была делегация из США, и они видели эти могилы. Установлено, что там уничтожено более ста тысяч человек, сейчас даже называется цифра сто пятьдесят тысяч. И в память тех жертвах в 1964 году был установлен обелиск, в перспективе создания мемориала. Обелиск стоит в стороне от мест захоронения. Хоронили дальше. Когда едете по

улице Титова, не доезжая «5-го Полка», стоит магазин. На костях. Кощунство творится и сегодня, построили там гаражи и дома.

… В 1944 году кончились наши муки. В начале июля вернулись домой. Пепелище кругом. На огороде стоит большая заряженная немецкая пушка. Видимо, выстрелить не успели. В оврагах, в километре от нашего огорода, были землянки. Там и поселились. Отец и брат сразу на фронт ушли. Остались я, мать и сестренка. Есть нечего было. Выросла рожь, что посадили в 1943 году. Рожь эту убрали и поделили. Днем убирали, а ночью молотили. Мука и спасала. Пироги, суп, кашу и хлеб часто ели совсем без соли.

От батьки получили письмо, где он писал, что лежит в Омске госпитале. Его тяжело ранило в голову. Шесть месяцев лечился. Чтобы мне было, что одеть, мать ездила на товарняках в город, меняла там что-то на горох и постное масло. Так и перезимовали.

Когда приехал батя (инвалид), я уже ходил в четвертый класс. В третью смену, нас было 8-10 человек классе. Вечером было два урока. В гильзах керосин горел, нам давали по кусочку хлеба и по полторы ложки повидла на этот хлеб. Темно. Дороги нет. Осень, грязь. Сидим - ждем, когда светать начнет. Потом идем домой, а вечером опять в школу. Брат вернулся из армии в 1950 году.

Родители хотели, чтобы мы учились. Батя ботинки мне купил, хлопчатобумажный костюм по дешевке, какую-то телогрейку.

В 1948 году я закончил семь классов. Батя немного окреп, начали огород пахать. Родители хотели, чтобы я учился дальше, а у нас в деревне восьмого класса не было, пришлось ехать в Витебск. Жил возле «5-го Полка». Беда была в том, что в деревне учебники были на белорусской мове, а в городе – на русском языке. Проучился два с половиной месяца и бросил, но в документах записал, что закончил восемь классов. В 1950 году устроился в сельсовет финансовым агентом. Там платили 460 рублей.

В 1951 году забрали в армию. Там мне, прямо сказать, повезло. На восьмой день попал в штаб старшим писарем, потом заведующим хозотделом хозчасти. Платили 300 рублей. Работу делал хорошо. Отпуск дали. Приехал домой, мать и отец рады были.

… Сколько было мин снарядов после войны! Сколько ребят подорвалось на них! И никто о них не вспоминал и не помогал никогда.

БИБИН
Анатолий Александрович

В конце лета 1942 года, во время немецкой карательной операции против партизан Суражских лесов Витебской области, я был схвачен вместе с родной тетей и другими беженцами и отправлен в концлагерь, находившийся по Суражскому шоссе в деревне Хомутовка, который располагался около деревни Мишутки. Моя мама, вместе с партизанами и двоюродным братом погнали весь партизанский скот, находящийся в лесу, за реку Западная Двина в Щелбовские леса. В этом лагере, находившемся посреди поля, огороженном колючей проволокой и вышками, я находился с моей тетей до глубокой осени. На зиму нас отправили немцы в деревню Желяи для работы. Улучив момент, мы с тетей убежали весной 1943 года. Опять в Суражские леса к партизанам.

Во второй раз я попал в концлагерь ранней весной 1943 года. Во время карательной экспедиции был схвачен немцами и вместе с матерью вывезен в город

Витебск, в концлагерь «5-й Полк». Эту карательную экспедицию немцы проводили с помощью наших советских предателей, военнопленных. Из числа советских военнопленных, фашистами был сформирован кавалерийский 825-й полк и переброшен в Суражские леса для борьбы с партизанами. К концу осени 1943 года был вывезен в Сиротинский район деревню Бубны. Нас освободили советские разведчики, и мы вновь перебрались в партизанскую зону. Эта местность и сам город Сураж к этому времени были освобождены советскими войсками.

Третий раз я попал в концлагерь «5-й Полк», ранней весной 1944 года, при попытке вместе с матерью перебраться через линию фронта в г. Витебске. По ул. Стадионная у нас был до войны свой дом. При подходе к городу мы были схвачены немцами и отправлены вместе с жителями в концлагерь.

В конце мая месяца 1944 года, фашисты погрузили всех узников на поезд и вывезли на передний край своей обороны. Мы находились в лесу, огороженые колючей проволокой и охранявшими нас фашистами. При окружении немцев под Витебском Советской Армией были освобождены советскими разведчиками. Так как город Витебск ещё не был освобожден нашими войсками, мы с матерью опять перебрались в Суражский район. После освобождения, в июне 1944 года, вернулись в город Витебск.

БЛЫШКО (АДАМОВСКАЯ)
Надежда Ивановна
1934 года рождения

У нас была большая семья: папа, мама, дедушка, бабушка, три сестры и брат. Мы жили в деревне Освея Верхнедвинского р-на. В 1943 году немцы начали военные действия против партизанских отрядов, которые базировались в наших лесах. И в феврале, во время облав, меня схватили немцы. В облаву вместе со мной попали дедушка и бабушка. Пленников заперли в церкви. На следующий день туда пригнали моих родителей и сестер. И когда собрали полную церковь, так что даже сесть было сложно, людей погнали в лагерь Саласпилс, располагавшийся на территории Латвии. И до сих пор, когда я слышу это название, меня начинает трясти. Это был огромный лагерь с рядами бараков, обнесенный колючей проволокой в два ряда. Через каждые 10 метров охранник с огромной собакой. Я до сих пор не люблю больших собак. В глазах стоит картина, как собака буквально рвала на части девочку, которая хотела подбежать к маме. И до сих пор слышу прерывистое дыхание-хаканье тех огромных овчарок.

Когда нас пригнали в лагерь, то заставили раздеться для дезинфекции. Потом повесили на шею дощечки с номером и фамилией. А затем началось самое страшное. Стали разлучать семьи. Людей разделяли по возрасту и полу. Грудных детей отрывали от матерей и бросали на нары, а матерей выталкивали из барака и отправляли в другой барак. Избивали при этом людей беспощадно. Когда «сформировали» наконец лагерь по немецкому порядку, мы, дети, остались одни в бараке. Малыши умерли очень скоро, кричали, потом пищали и, наконец, затихли. Через несколько дней я увидела, как к печи крематория гонят стариков. Среди них был и мой дедушка. Его сожгли заживо. Как и всех старых людей. Печь крематория стояла напротив «детского» барака. А кормили нас каким-то силосом. Я как слышу это слово или прочту в газете, сразу вспоминаю Саласпилс. А потом у детей стали брать кровь. И умирать стали десятками в нашем бараке. Ляжет ребенок на нары и больше не встает. Но началось наступление русской армии, и хоть еще до

освобождения было не близко, наверное, задумались политики. К латышам обратился архиепископ с призывом: «Спасение русских детей». И нас не сожгли, а погрузили в грузовики и стали возить по хуторам. Хозяева подходили к машине рассматривали нас, как рассматривают поросят на рынке, и выбирали тех, которые им приглянулись. Меня выбрал хозяин латыш. Он разговаривал на русском языке. Звали его Карлисом Гринертом. Он привез меня и ещё двоих детей на свой хутор «Нейланти», где мы и жили в качестве рабочей силы. Я и коров доила, и огороды полола, и в доме убиралась. Хозяин не обращал на нас внимания, а вот хозяйка с трудом нас переносила и была очень злой. По-русски она не знала ни слова, но когда мы стали немного понимать язык, то узнали, что она зовет нас свиньями. Но особенно запомнился один случай, вместе со мной хозяин взял еще пятилетнего мальчика, однажды ему приказали собрать клубнику с грядки, и он съел несколько ягод. За это хозяйка избила малыша до полусмерти, он несколько дней не мог встать на ноги.

Русский фронт уже подходил к Латвии, и лагерь решили вывезти в Германию. Мама приехала за мной на хутор и забрала. И мне кажется теперь, что после того как я снова была вместе с мамой, страх меня оставил. С мамой даже в лагере не было так страшно. Нас привезли в лагерь в Германии, в городе Мюнхене, где мы и были до конца войны. Только одна из сестер Василина попала в Польшу и умерла там, заболев туберкулезом. Взрослые работали на вагоноремонтном заводе, а дети оставались в бараках. Но в этом лагере мне не было так страшно. Голодали, но не опухали от голода. Умирали здесь не так много, как в Саласпилсе. А в конце апреля 1945 года нас освободили американцы. Этот период я запомнила потому, что солдаты угощали нас вкусной едой и очень хорошо к нам относились.

Через некоторое время нас передали русским оккупационным властям. Родителей и старшую сестру допрашивали и разрешили нашей семье вернуться на Родину. Хотя не все вернулись домой, некоторые уехали в другие страны по предложению американцев.

Наша семья потеряла за время пребывания в плену у немцев двоих – дедушку и одну из трех сестер. Но некоторые семьи погибли полностью. Папу направили работать в город Глубокое. Здесь мы и остались. Я закончила школу, потом техникум. Все время работала на Глубокском сельхозхранилище в отделе кадров. Оттуда и ушла на пенсию. Много раз после войны меня приглашали съездить в Латвию, но я так и не смогла. Все пережитое прячу где-то в уголках своей памяти, но совсем забыть не могу. Да это, наверное, и невозможно.

БОГДАНОВА (КРУТЕНКОВА)
Раиса Николаевна
1937 года рождения

Мы с мамой и с сестрой Ниной жили в поселке Вилейка. Когда начались бомбежки, мы перебрались в деревню Пеклавичи Суражского района к бабушке. Там же жили и две маминых сестры. Суражский район называли партизанским краем. И в нашу деревню Пеклавичи часто наведывались партизаны.

В 1943 году немцы, чтобы покончить с партизанским движением и лишить «лесных братьев» любой поддержки со стороны местных жителей, предприняли карательную экспедицию. Жгли деревни, часто вместе с людьми. В течение нескольких налетов фашистов на нашу деревню мы прятались в лесу и не попадали в облавы. Помню, как сестренка Нина говорила маме: «Вот была бы у нас малень-

кая лопатка, мы бы вырыли себе ямки и спрятались от немцев. Но однажды никто не успел уйти в лес, немцы приехали рано, на рассвете. Всех жителей согнали в школу, стоявшую в стороне от дороги, а дома подожгли. Все думали, что и мы сгорим в огне, но немцы погнали нас в Витебск, в лагерь «5-й Полк». Из нашей семьи гнали всех: и маму, и ее сестер, и нас с Ниной. В лагере «5-й Полк» мы были недолго. Я почти ничего не помню. Помню только какую-то землянку, мы там пытались ночью согреться. А потом нас погнали на станцию, погрузили в товарняки и повезли в Германию, в лагерь в городе Броншвай. По дороге я сидела у окошка, и помню, что подумала про страшные длинные постройки, которыми, казалось, была застроена и Польша, и потом Германия. Тогда я еще не знала, что это бараки многочисленных лагерей, которыми фашисты застроили пол-Европы. В такой же барак поселили и нас. Всех взрослых рано утром увозили на работу на танковый завод. Возвращались они поздно вечером, а мы, дети, оставались в бараке с немецкими надзирателями. Относились к нам неплохо. Но требовали, чтобы барак содержался в чистоте, и сами дети были опрятными. Если кто нарушал требование, его отправляли в карцер. Но бить не били и, если выполнялось распоряжение надзирателя, не издевались.

А вот суп, которым кормили нас, был из какой-то травы. В нем плавали жесткие стебли, которые долго нужно было жевать. А хлеба детям давали совсем мало, всего на два укуса. Мама не надеялась, что мы с сестрой выживем. Об этом она нам уже после войны сказала. Во время партизанской блокады я переболела тифом, скарлатиной и корью и была очень слабой. К тому же желудок не «принимал» немецкий суп. Но видно нам нужно было еще жить. Вся семья дождалась освобождения. В апреле 1945 года пришли американские войска, и через месяц в городе Штэтен на Эльбе бывших узников передали советским оккупационным властям. Месяца два или три мы ждали отправки домой. В это время взрослые проходили проверку и их допрашивали.

Там, в Германии, мама случайно встретилась с двоюродным братом. Колонна солдат шла в направлении Берлина, а мы шли навстречу. Солдат спросил: «Есть ли кто из Витебска?» Мама отозвалась: «Я», смотрит, а это ее брат. Радости было! Ведь дома не знали даже, живые ли мы? А мама ничего не знала про брата.

А потом мы вернулись домой. Жили в землянке, в деревне, а мама устроилась работать на завод (теперь часовой). Но когда узнали, что она живет в деревне, отняли продовольственные карточки. В деревне есть огород, вот и кормись с него. И мама пошла в колхоз. А я пасла скот у людей. Трудно было, как и в войну, только от немцев не нужно было прятаться. Весной мама ходила на колхозное поле и выкапывала мерзлую картошку. Из нее лепила шарики и варила их. Это «блюдо» называлось «тошнотики». Наверное, благодаря этим «тошнотикам» мы и выжили.

Я пошла в школу, а летом мама всегда определяла меня в пастушку, чтобы я не голодала, пастухов кормили хозяева скота. После окончания школы год проработала в колхозе и поступила учиться в Витебский строительный техникум. После окончания учебы направили в город Глубокое, в нынешнее СМУ. В этой строительной организации я и проработала до пенсии. С мужем вырастили сыновей, имею двоих внуков. Шесть лет назад овдовела, живу одна. Вспоминаю теперь прошедшее и понимаю, что пережили много тяжелого и страшного за ту войну, но, наверное, что-то забылось, потому что, если бы память не притуплялась, не ослабли бы пережитые боль и страхи войны, жизнь была бы невыносимой.

БОРЩЕВСКАЯ (РАЙЧОНОК)
Раиса Петровна
1936 года рождения

Мне было всего 5 лет в 1941 году, когда началась война. Но я помню, как в 1942 году в нашу деревню нагрянули немцы. Всех жителей повыгоняли из домов и окружили автоматчики. Я была с мамой. Папа погиб еще до войны. Зима, на мне кожушок не по росту. Мама говорила: «Пригнись доченька, чтобы тебя не заметили». Все думали, что нас расстреляют или сожгут. Такое уже было. Но немцы погнали нас в Шарковщину, погрузили в вагоны-«телятники». Они были в щелях, и я всё время мёрзла. Везли долго. Очень хотелось есть, ведь с собой почти ничего не успели взять, а в дороге не кормили.

Эшелон остановился в городе Кветлинбурге. Нас разместили в 4-х этажном здании корпуса бывшего завода. Помню двухъярусные нары. На следующий день взрослых погнали на работу на фабрику. Дети остались в корпусе-бараке. Но очень скоро нашли лазейку и делали вылазки в город. Я собирала окурки для мужчин. В бараке жили дружно, поддерживали друг друга, как могли. С нами был муж маминой сестры . Тётю не забрали в Шарковщину, она была беременна, а её мужа затолкнули в вагон, когда загоняли в эшелон. Его сначала не определили в наш барак, а куда-то забрали. Позже ему всё же удалось вернуться в наш лагерь, а вот его брат Терентий был в другом концлагере.

Однажды я случайно увидела его на работах, на железной дороге. Дети ходили туда в надежде раздобыть что-нибудь съестное. Подбежала к нему. Он очень обрадовался и попросил принести хоть что-нибудь поесть. Вернувшись в барак, я рассказала маме, что видела дядю. Односельчане собрали ему несколько кусочков хлеба, и я назавтра их отнесла. Через несколько дней понесла собранные корочки снова, но его уже не нашла. Узники, работавшие там, сказали, что его отправили в крематорий.

Мы бы тоже, наверное, умерли с голода. Но мама нашла себе подработку. После работы на фабрике ходила к хозяину латать мешки, и ей за это давали пшеницу. Она приносила её в барак и варила. Это было намного вкусней лагерной похлебки и спасло нам жизнь.

Особенно туго было семьям, где было несколько детей. От голода люди умирали ежедневно. И взрослые, и дети. Есть хотелось всё время. Я запомнила это на всю оставшуюся жизнь. Освободили нас американцы. И тогда мы первый раз за всю войну поели досыта. Нормальной и очень вкусной еды. Первыми американские солдаты покормили детей. Поначалу взрослые к ним нас не пускали, боялись. А потом еще и с собой всего надавали. Я как сегодня помню: несла в подоле платья еду маме и дяде.

Там были невероятные продукты: консервы, хлеб, белые сухари и даже головка сахара с пачечкой чайного напитка из фруктов. Это был, пожалуй, самый счастливый момент за всю войну.

Потом всех узников из бараков собрали в солдатскую казарму, накормили. И даже некоторым (тем, кто был абсолютным оборванцем) дали одежду. А потом перевезли за Эльбу, на распределительный пункт. Там была уже Красная Армия.

Домой добрались быстро. Ехали поездом. Вернулись в сожженную деревню. Родственник пустил пожить в свой дом. Закончила семилетку и пошла работать. Потом замуж вышла. Переехала в Латвию, в Даугавпилс. Там работала продавцом, а муж - строителем. Все как у всех. Муж, семья, дети.

После развала СССР, вернулись на Родину. И хоть прошло с войны много лет, пережитое не забывается.

БУЛЫГИН
Михаил Александрович
1932 года рождения

Родился я в Витебске. Отец с матерью познакомились на фабрике имени Клары Цеткин. Работали вместе. Потом отец поступил в танковое училище. Переехали в Борисов, в военный городок. Там находился танковый корпус. Однажды случилась трагедия.

Посадила мать меня около печки (мне было всего около года), а сама отлучилась. Из печки выпало полено, и все вокруг загорелось. Дом был на два подъезда, в нем жили офицеры с женами. Мать заскочила в огонь и успела меня ухватить, мои ноги уже обгоревшими были. А дом сгорел почти дотла. Отцу дали другую квартиру, уже в самом Борисове. Там жили до того времени, как я должен был идти в первый класс. Подготовились, а отца неожиданно перевели в город Прены, это в Литве. У отца уже было капитанское звание. Там я окончил первый класс русской школы, и отца опять перевели. Поближе к границе (18 км), в район Вильнюса.

Когда началась война, нас было уже четверо, и пятым была мать беременна. В четыре часа утра как раз над нашей крышей раздался гул самолетов. В семистах метрах от нашего дома, на берегу Немана, был аэродром советских истребителей. Приказ Сталина – до 12 часов дня с нашей стороны не должно быть ни одного выстрела. Эх, если бы его не было… Зенитчики сидели за своими орудиями, провожали глазами немецкие самолеты, но был приказ не стрелять. Один солдат не выдержал, выстрелил, а офицер пришел и застрелил его. Это на моих глазах было.

Немецкие самолеты без всяких помех подлетали к нашим и зажигали их. Только три последних истребителя (видно, в одном был сам командир эскадрильи) взмыли в воздух и ушли на Восток.

Утром отец ушел в свою воинскую часть, а в полдень вернулся домой. С ним три солдата и грузовая машина. Как комиссар, он должен был отправлять семьи других офицеров в тыл. И только после этого приехал за своей семьей. Нас быстренько погрузили в машину. Попрощались. Отца я видел последний раз.

Потом стало известно, что после этого он вернулся в бой. Немцы его, раненого, вместе с солдатами захватили в плен. Солдат не тронули, а его казнили сразу. Глаза выкололи, нос отрезали. Словом, издевались, как хотели. Как пишут в книгах, капитан Булыгин пал смертью храбрых.

Мы стали догонять тот эшелон, на котором ехали семьи офицеров, и догнали его на станции Вороны. Только сели, как немцы его подожгли. Вместе с людьми сгорели все вагоны. Кто-то наш отцепил. Спаслось тринадцать женщин и, наверное, человек двадцать детей. Вылезли и сразу в лесок. Как сейчас помню, мы сели возле большого валуна. Мать быстренько спрятала под него отцовский аттестат и фотографии, где он в военной форме. Рассвело. Она велела мне сбегать к вагону и посмотреть, целы ли наши вещи.

Пожитки были аккуратно сложены в большие ящики. Много всяких вещей. Надо ж было сверху положить портрет Сталина! Когда я подбежал, немцы уже его открывали. Как увидели этот портрет, давай его бить прикладами. Я бегом оттуда. Рассказал обо всем матери.

Потом немцы ушли, и мы забрали то, что уцелело. Мать собрала всех женщин

(она была старше) и говорит, что мы купим коня, подводу и будем двигаться на Витебск. Отсюда она родом. Так и сделали.

Малые дети ехали на подводе, а большие шли пешком. Я помню, даже сестренку нес на плечах. Так мы дошли до самого Минска. Весь город горел. Остановились у одной женщины, Она была минчанкой и тоже с нами шла из Ворон. Здесь уже разбрелись все.

Дальше с нами пошли только две женщины. Москвина (одна из них) жила на улице Фрунзе. В Витебске у нее с матерью был свой домик. Мою мать знало полгорода, так как на фабрике она руководила профсоюзом, и знали, что муж у нее офицер. Если бы узнали и немцы, то нас бы сразу расстреляли. Это бесспорно. К моей бабушке она сразу идти побоялась. Донесут. Пожили недолго у Москвиных. Но у матери уже приближались роды. Пришлось перебраться к ее матери, чей дом стоял на берегу Двины.

Помню: 7 ноября, она рожает, а тут такая страшная бомбежка началась – кошмар. Наши бомбили вокзал и попали как раз в тот эшелон, где были снаряды. Все начало взрываться. Летят бомбы, самолеты гудят. Родила пятого, Сашеньку. Он с месяц пожил (молока в груди нет, кормить нечем) и умер. А через два месяца опухает и умирает сестренка Рая. Ей было два с половиной года.

Одно время мать ходила в деревню менять вещи на еду. Так мы до зимы и дожили, а потом стало очень голодно. Оставшиеся брат с сестрой тоже начали пухнуть. А мать вообще еле ходит. Когда стало невмоготу, она попросила всех лечь спать. Дверь на крючок закрыли, дескать, утром никто не сможет встать. Это была бы голодная смерть. Все были раздутыми от голода, кроме меня. Я ходил на улицу Жесткова. Там стояли немцы, и их кухня была рядом. Там же деревянный мусорный бак. Из кухни выбрасывали мусор, и я там копался: то кость, какую пососу, то корку хлеба найду. Потому у меня организм и работал.

И вот легли все спать. Стемнело. Вдруг - стук. Мать попросила, чтобы я открыл дверь. Там стоит какая-то дальняя родственница и держит в руках тазик с житом и коровью ногу. Поздравляет с Рождеством Христовым. Растопили печь (она у нас в комнате была, в окно труба выведена), и давай парить это жито. А потом мать с этой тетушкой брату и сестре, Валентине и Борису, силой толкали его в рот. Утром они проснулись, как ни в чем не бывало. Отжили. Коровью ногу, посекли. Мать еще потом долго бульон делала...

В это время я тоже промышлял всем, что подворачивалось под руку. Например, собирал окурки.

Мы с матерью «вытирюшивали» из них табак. Потом она ходила в соседние деревни и меняла его на картошку. Однажды я копался в мусорном ящике и нашел небольшую луковицу. Слышал, что немцы любят лук. У меня был на полтора литра чайник. Пошел на кухню. Смотрю, там пацанов человек, наверное, пятнадцать. И все к немцу, что на кухне был. Я с чайником стою и луковицу держу в руке. Немец всех выгнал, подошел ко мне. Берет луковицу и кусает. Горько ему, но не разозлился. Взял мой чайник и налил туда горохового супа. С самого низа, с мясом. Бегом домой. Мать туда литров семь кипятка влила. Зажили!

А потом мать стала контактировать с партизанами из отряда «Моряк». Относила им разные сведения, а оттуда несла гранаты. Партизаны насыпали ей жита в мешок, прятали туда гранаты, и она приносила их в город. Естественно, больше не голодали. Кроме того, я стал постоянно к тому немцу наведываться. Ищу где-нибудь луковицу и бегу к нему. Кормил он нас месяцев семь. Хороший был человек.

Мать часто попадала в облаву. Однажды она отдала золотое кольцо немцу, что-

бы только к детям отпустили. Видел, как и партизан вели на расстрел. Как евреев возили в Туловский овраг и расстреливали. Гетто находилось возле моста Блохина, там раньше была пристань. Немцы определили время, когда евреи могли ходить по мосту, а после запретили вовсе. Дескать, как хотите, так и перебирайтесь. Или подгоняли лайбу, садили туда евреев и вывозили на середину реки. Лайбу эту топили. Кто мог плыть – плыли а кто не мог – добивали веслами. Видел, как издевались над ними. Например, заставляли двух мужчин брать тяжелое бревно, а немец сзади шел и с плеткой подгонял. Если кто падал, бил его, пока совсем не убьет.

… Потом приказ у немцев вышел: всем переехать на правый берег реки. Кого в «5-й Полк», кого в гетто – евреев уже всех расстреляли. Мы спрятались там, где сейчас редакция «Витебского Рабочего». Тогда там стоял горелый дом. В подвале и сидели. Картошка была, примус. Ночью вылезешь наверх и слышишь: «Ура!» В районе Крынок семь месяцев фронт стоял. Наши никак не могли прорваться. Это произошло в феврале.

Кто-то нас выдал. Пришли немцы, и стали кричать, чтобы мы вылезали, а то они взорвут подвал. Пришлось, вылезать. Там было три семьи. Одни женщины и дети, я самый старший мужчина. Погнали в «5-й Полк». Многоярусные нары, какая-то баланда для поддержки организма. Брюква и еще что-то. Пробыли, где-то до мая. Потом погрузили в «телятники» и повезли в район Крынок. Поезд остановился, немцы приказали быстро выходить, брать с собой только котелки. Сказали, что ведут на обед, построили в колонну и повели. Новый лагерь был в нескольких километрах. В районе Крынок есть деревня Марьяново. Там уже колючая проволока была подготовлена. Двенадцать тысяч человек привезли туда из Витебска. И сумасшедших, и с тифозных бараков. У немцев было две цели. Прогнать нас по минным полям и прорваться самим. Вторая цель (если кто- то останется жив) - заражать Красную Армию тифом и прочими заразными болезнями. Нашли там мамину сестру. Она попала туда с детьми. Только их привезли на машинах, а не поездом. Тоже с «5-го Полка».

Сделали шалашик из елочных веток. Болото. Вода ржавая, зачерпнешь, через тряпку процедишь и пьешь. Один раз дали хлеб, булку в одни руки.

2 июня немцы начали заставлять 125 (специально отобранных) молодых людей минировать лагерь. Мы об этом не знали. Забирают их, а куда – неизвестно. Как-то вечером бежит один и просит женщин его спрятать. Лезет в наш шалаш, а мать ему говорит, что если его найдут, то нас всех расстреляют. Посоветовала залезть на дерево. Уже стемнело. Высокие сосны. Быстренько залез и спрятался в ветках. Через несколько минут прибежали немцы и сразу к нам в шалаш. Никого нет. Побежали дальше.

Утром проснулись. Немцев нигде нет, даже в землянке, где жила их охрана. Идем, смотрим – ямка и лежит человек убитый. Чуть-чуть землей присыпан. Дальше еще одна ямка, опять убитый. Оказывается, что этих людей заставляли минировать лагерь. А после каждому приказывали выкопать себе могилу и расстреливали. Спасся только тот, кто залез на дерево.

… Начали просыпаться остальные. Как увидели, что землянка охраны пуста, побежали прямо на … мины. Взрывы, крик, гвалт. Тот, кто был на дереве, слез и сказал, что нас выведет. Построились по четыре человека в колонну, начали выходить. Он шел впереди, знал, где есть мины, а где нет. Дошли до мостика. Он остановил всех. Полез под мост, снял мину, и мы двинулись дальше. Полем километра два мы прошли. Смотрим, в маскхалатах навстречу нам идет несколько человек. Это были наши разведчики. Они сказали, что дальше убитой лошади идти нельзя

– минные поля, по которым немцы хотели нас прогнать. Разведчики пошли в лагерь, и сразу же начался обстрел из дальнобойных орудий.

Дошли до убитой лошади, сели. Те, кто был в хвосте колонны, не слышали предупреждений разведчиков. Давай разбирать проволочные заграждения. Нас они не послушали и начали взрываться. Пока не пришли разведчики, одному ребенку ножку оторвало и ранило других.

Завезли нас в Смоленскую область, Тёмкинский район, деревня Вторые Воробьи. Там организовали карантин. Витебск был еще у немцев. В Смоленской области тоже было плохо с едой. Колхозникам самим есть нечего было. Ночью мы забирались на деревья. Ловили грачей, откручивали им головы, потрошили, варили и ели. По вкусу грач, как и курица, только у курицы кожица беленькая, а у грача черная. Снимешь ее и варишь. Я помню, у одного тракториста попросил хлеба. Он достал из кармана кусочек, а тот черный такой и соляркой пахнет.

… Не дай Бог, кому-то испытать то, что пережито нами.

БУРТОВИЧ
Янина Антоновна
1925 года рождения

Я родилась в деревне Молонка-Люсорская Шарковщинского района. В 1943 году немцы ворвались в деревню и окружили ее. Из домов стали выволакивать молодых людей от 14 до 25 лет. Если кто упирался, били. Родителей, которые пытались защитить своих детей, тоже избивали прикладами. Всю деревню обыскали. Забрали всех, кого нашли. Погрузили в крытые брезентом грузовики и увезли. Некоторое время (около двух недель) держали в пуне в Шарковщине. За это время наловили молодежи несколько вагонов. Девчат и парней грузили отдельно. К нашей пуне приходили какие-то женщины и приносили нам еды. Я даже в вагон в дорогу взяла немного хлеба. Везли нас долго. Иногда часами, а то и сутками стояли на станциях. Через небольшое окошко узнавали, что едем через Польшу. Многие учились до войны в польских школах и умели читать.

Выгрузили нас в Нюрнберге. Меня и еще четырех человек купил один хозяин. Мы жили и работали у него на хуторе. Помню большие постройки. У хозяина было много земли и скота. У него до нас уже работали французы и поляки. Но жестокими хозяева не были. Кормили неплохо для военного времени, не издевались над нами.

Хозяин следил, чтобы все аккуратно делали. Если кто не умел, показывал, как нужно делать. Если у кого не получалось совсем, переводил на другую работу. Мы быстро научились говорить и по-немецки, и по-французски. Хозяйка спрашивала нас о доме, о семье. Видно было, что сочувствует нам. У нее тоже родственники были на фронте. А мужчин там осталось мало. В основном пожилые и дети. Войну они не приветствовали, как и Гитлера. Но на эту тему с нами не говорили. Может, не доверяли.

Один француз попросился домой проведать мать, и хозяин сам его отвез и привез обратно. Не хотел, чтобы человек попал в лагерь за побег.

Освободила нас Красная Армия. Когда пришли на сборный пункт, отобрали нас 12 человек из Витебской области и отправили гнать коров из Германии в Беларусь. Так с коровами мы шли с конца апреля до начала августа. Дошли и не потеряли ни одного животного. Одна даже отелилась в дороге, но мы и теленка не бросили. На телегах подвозили. А когда окреп, бычок уже сам шел.

Когда сдавали скот, начальник насчитал одну «лишнюю голову». Объяснили, в чем дело, и услышали: «А куда вы остальных телят дели?» Было обидно. Если б знали, что нас будут ругать за доброе дело, лучше бы того «лишнего» теленка отдали кому-нибудь. Позже другие «погонщики» рассказывали, что если в дороге корова подыхала и её недосчитывались, то людей судили и давали по пять лет лагерей, но уже сталинских.

Потом вернулась домой. Работала в колхозе на полеводстве. Вышла замуж и вырастила с мужем пятерых детей. Больше никогда из деревни не уезжала.

В памяти навсегда осталось чувство незащищенности и страха перед будущим…

БЫКОВА (ГОРБАТЕНКО)
Нина Даниловна
1933 года рождения

Мне не было и восьми лет, когда началась война. Моя семья жила в деревне Бродок Полоцкого района. Особенно запомнилось, как летели над нашей деревней два горящих русских самолета. Один из них упал около дома бабушки, и дом сгорел. Наутро следующего дня я с детьми побежала на то место, где упал самолёт. Там мы нашли погибшего летчика и, соорудив волокушу, затянули тело бойца на кладбище в деревню Светличеще. И похоронили там. Я до сих пор помню то место, и пока был жив мой брат, он ухаживал за могилой.

Когда пришли немцы, мой отец ушел в партизанский отряд. Мама осталась одна с пятью детьми: я, сестры (Мария и Феня) и два брата (Витя и Володя). Партизаны, чтобы не дать немцам убрать урожай, завязали бой, и наш дом сгорел. С тех пор мы стали жить в лесу, на болотах.

Ходили зимой с саночками попрошайничать, чтобы не умереть от голода. В 1942 году были сильные морозы, и болото замерзло, потому карательный отряд дошел до нашего убежища. Партизаны ушли вглубь, а мы не успели. Нас стали допрашивать, куда ушли партизаны. Мы все говорили, что не знаем. В тех боях погиб наш папа.

Мы снова пошли бродить по деревням, искать место, где бы дожить до весны. Все в округе знали, что мы партизанская семья, и никто не хотел нас пускать. Жили в банях, в сараях. Словом, где придется. Мама приказала нам называться фамилией Микешко. Это ее девичья фамилия. Но это не помогло. Полицаи «вычислили» нашу семью, и нас схватили. Пригнали в деревню Горяны. Там стоял немецкий эшелон, куда нас и погрузили.

Сначала нас привезли в лагерь, названия которого я не помню. Раздели догола и погнали по улице в другой барак. Это было в марте 1943 года, одежду вернули горячую и чем-то воняющую. Из этого лагеря после дезинфекции, перевели в другой лагерь, а оттуда в город Франкфурт-на-Майне. Там нам выдали уже лагерную одежду, полосатую робу с надписью на рукавах и груди «ост».

Меня определили работать на лагерную кухню. Никогда не забуду тяжелых бидонов с баландой, которые возила на тачке. Как выжила, не знаю. Видно, Бог помог. В 1943-1944 годах нас уже бомбили. Было очень страшно. Немцы в укрытия прятались. А мы за колючей проволокой, окруженной собаками, сидели и ждали, когда бомба на нас свалится. С той поры я боюсь собак.

Немцы разные были. Некоторые сочувствовали нам. Помню, как один сказал, что скоро мучения кончатся, американцы уже близко.

Однажды утром всех работниц кухни, а нас было 18 человек, куда-то повели два немца. Они вывели за город, и, постреляв в воздух, отпустили нас. Мы решили прятаться в небольшой роще. Там встретили пленных французов, которые тоже прятались. Так мы стали свободными.

Я вернулась в лагерь и нашла свою семью. Больше месяца мы ждали отправки к русским. Нас хорошо кормили, разместили в пустующих домах. Мы помогали расчищать дороги и завалы. А потом перевезли поближе к Берлину, где были русские войска. Они праздновали победу, и мы с ними вместе и плакали, и смеялись. Мама хотела скорее вернуться домой: «Хоть на голый кол, да на свою землю», - говорила она.

Домой мы вернулись летом 1945 года. Погоревали после войны, ведь приехали на пепелище. В 15 лет пошла я работать: старшей в семье была, нужно было помогать маме. Работала в колхозе, потом на торфопредприятии.

Создала свою семью. Мой муж Быков Михаил Филлипович был очень хорошим человеком. Он еще подростком ушел в партизанский отряд и провоевал всю войну. Вместе четырех детей растили, делили пополам все горести и радости. И хоть тяжелым было послевоенное время, никогда не забуду ужасов лагерей, то, что пришлось пережить. Какими бы ни были трудности, их легче преодолеть под мирным небом.

ВАШТАЙ
Василий Васильевич
1927 года рождения

Я родился и всю свою жизнь прожил в Шарковщине. Уехал отсюда только раз в жизни в Германию, да и то не по своей воле. В 1943 году, уже в декабре, устроили немцы облаву на молодежь и увезли в «телятниках» на принудительные работы. Везли долго, иногда по полсуток сидели запертыми. Наши вагоны отгоняли в тупик.

Почти не кормили, но хуже, чем голод, мучила жажда. Воду давали только раз в сутки. Всем не хватало. Как-то снег мокрый с дождем пошел. Так подставки приспосабливали, чтобы капли воды собрать через дощатую дырявую крышу вагона.

В Дрездене нас выгрузили и распродали хозяевам. Не скажу, что тяжело было работать. Работа - везде работа. Мой хозяин был хорошим человеком. Нас не били, кормили для военного времени неплохо, не издевались.

Простые немцы тоже в масле «не купались». Да и мы дома не вдоволь ели. Война всем «паек» урезала. Работа была обычная, на земле, я к ней привычный. Так мы и дождались освобождения в 1945 году. Немцы, такие работяги, как наш «бауэр», тоже войну не любили. Скорее, наоборот. Освободили нашу местность американцы.

Через неделю война закончилась и нас передали русским. Сначала были в распределителе. Иногда ходили разбирать завалы, когда саперы снимали мины. В конце войны бомбили страшно. Ощущение было такое, что война не кончается, а только начинается. Даже в 1941 таких бомбежек не было. Вернулись домой, когда сформировался поезд в нашем направлении.

Всю жизнь работал кочегаром в ЖКХ. Оттуда и пошел на пенсию. Сейчас, по прошествии времени, кажется, что все произошедшее было сном. Ярким и кошмарным, который запомнился на всю жизнь. Потому что смерть ходила рядом каждый день.

ВЕРТАШОНОК (СКОВЫРКО)
Галина Ипполитовна
1927 года рождения

Корница – моя родная деревня. Это в Шарковщинском районе. Моя семья жила там до войны. До 1943 года я немцев в нашей деревне не видела. Знала, что они приезжали и назначили солтаса. А потом установили налоги каждому двору. До войны мы жили «единолично», колхозы уже после войны организовали. Я работала с мамой по хозяйству, помогала нянчить маленькую племянницу.

В октябре 1943 года в деревню приехали немцы и полицаи. Солтас созвал всех якобы на собрание, на которое жители должны были явиться всей семьей по списку. С собрания я уже не вернулась. Забрали девять человек из деревни и даже с родными попрощаться не дали. Мама принесла мне кое-что из вещей и попросила передать. Узелок полицай мне отдал, а вот увидеться с мамой не позволил. Нас держали в закрытом сарае. Слышали, как плакали и причитали мамы. А что сделаешь?

Мама мне вложила в узелок торбочку сухарей. Как я была ей благодарна, когда полицаи завезли нас сначала в деревню Иоды, потом в Шарковщину, а оттуда в Глубокое, на железнодорожную станцию. Там уже стоял эшелон, и молодежь загоняли в «телятники». Вагоны закрыли, и до города Кепинск никто нам (кроме воды) ничего не дал. Немецкие конвоиры тоже ехали с эшелоном, но в пассажирских вагонах.

А в Кепинске загнали в лагерь и определили на работу на резиновой фабрике, которая называлась «Фронзгумаверк». Работали в две смены. Первая смена с 8.00 часов до 16.00, а вторая с 16.00 до 24.00 часов. Наш мастер, немец, был очень хороший человек. К сожалению, не помню его имени. Мастеров было два, один, с нашей смены, носил серый халат, и мы называли его «серым мастером», а другого, соответственно цвету халата, «желтым».

И переводчица тоже была хорошей. В городе в основном остались женщины, старики и дети. Они относились к узникам по-человечески. Даже тайком делились едой, хотя и у самих ее не густо было. Знали, что в лагере нас кормят очень плохо.

До сих пор не могу слышать слово «кольраби», потому что весь наш плен, а это полтора года, раз в день давали щи из кольраби и 100 граммов хлеба. Есть хотелось постоянно. Сначала два раза в неделю нам вечером давали баланду желто-оранжевого цвета. Что там было сварено, я до сих пор не знаю. Но однажды украинки, работавшие вместе с нами на фабрике, устроили забастовку и не вышли на работу. Пришел мастер, а они и изложили свои претензии. Дескать, чем это нас кормят?! Мастер сказал, чтобы все шли на работу, а завтра придет комиссия и разберется.

Комиссия, действительно, пришла и «разобралась». Баланду перестали давать. Осталась «кольраби» и 100 граммов хлеба в день. За работу нам платили 26-28 марок в месяц. Но была карточная система, а без карточек продуктов нельзя было купить. Местные подсказали место, где продавали свеклу. Делали салат или варили. И лягушек тоже ели - голод не тетка. А осенью ходили на железнодорожную станцию. Там военнопленные мужчины разгружали картошку. Они, незаметно от конвоиров, подсовывали картофелины к краю платформы и сбрасывали, а мы потом подбирали, пекли или варили ее.

В бараке была печка-буржуйка, и на ней можно было что-то приготовить. Де-

лали еду из продуктов, которые удавалось добыть. А от холода мы не страдали, барак был теплый, но донимали клопы.

Когда фронт подошел ближе, нас стали бомбить, фабрика сгорела и бараки тоже. Нас тогда поселили в какой-то подвал и стали гоняли рыть окопы. Питание стало еще хуже. Паек выдавали на два дня. Хочешь сразу ешь, хочешь, дели на два дня. Каждую ночь мы видели зарево и все ближе слышали канонаду.

Однажды, прячась в подвале, мы услышали родную речь, но вылезать боялись. И тогда один из солдат загнул матом. Мы сразу поверили, что это русские. Радости было!!! Обнимали их, целовали и плакали «в три ручья». Мне ведь к концу войны только 18 лет исполнилось. Даже и не верилось, что вернусь домой.

6 мая 1945 года привезли нас на специальный пункт, где я прошла допросы и медицинский осмотр. Даже концерт посмотрела, перед бойцами выступали какие-то артисты. Кормили обычной солдатской едой 3 раза в день. Но я все насытиться не могла, и солдатская перловая каша после «кольраби»-баланды казалась очень вкусной.

Дороги домой не помню. Я не ехала, я на крыльях летела, ничего не замечая вокруг, одна мысль: увидеть родную деревню, маму с папой, всех близких и родных.

После войны работала на кирпичном заводе, потом вышла замуж, двоих детей вырастила. А теперь вот состарилась, работать не могу. Отдыхаю и часто вспоминаю свою жизнь.

И не верится, что все это пережила. И голод, и страх. И только об одном прошу Господа Бога. Пусть никогда не будет войны!

ВИНОКУРОВА
Валентина Гавриловна
1932 года рождения

Нас забрали в «5-й Полк» прямо из дома. Отец был очень больной, совсем не ходил. От него все не отходили. Помню, что кормили плохо, спали на нарах. Потом повезли в какую-то деревню и пешком погнали в лес.

Голова у меня болит сейчас. Память плохая совсем. Не всё уже помню.

Освободили нас русские. Мы были в лесу, потом подошли красноармейцы и помогли нам перейти озеро. Сильно бомбили, кругом летали пули. Я тогда так сильно перепугалась, что мучаюсь до сих пор. Помню, мать забрали на кухню бульбу чистить. Это уже наши. А когда бомбежка кончилась, все пошли. Кругом заминировано. Одна женщина наступила на мину, и мою мать ранило осколком.

ВЫСОЦКИЙ
Родион Иванович
1935 года рождения

Начало войны уже хорошо помню. Мне в 1941 году было 6 лет. Разрозненные части Красной Армии отступали без боев. Безоружные. Многие попали в плен. Гитлеровцы почти беспрепятственно продвигались вперед, захватывая города и поселки. Однако жизнь в нашей деревне Дражня, Светлогорского района, Гомельской области шла по-прежнему. Люди жали хлеба, копали картошку, сушили сено для скота. Словом, война войной, а жизнь продолжалась своим чередом.

Спустя десятилетия, понимаю, что, несмотря на официальные заявления, люди знали о приближении линии фронта и к этому готовились. Да и власти были в курсе, только мер не принимали.

В деревне росли большие сады. Такой был и у нас. Отец выкопал там землянку, тщательно ее замаскировал. Многие наши сельчане сделали то же самое. Предполагали, что скоро, чтобы спасти свою жизнь, придется прятаться.

Эти землянки пригодились осенью 1942 года. В конце сентября в нашу деревню и две соседние, расположенные у леса, ворвались фашисты. Они выгнали жителей на улицу и приказали построиться семьями около своих домов. Наша семья и еще двадцать не выполнили этот приказ. Спрятались в своих землянках, замаскировав ходы-лазы.

Сидели там долго, часов 5-6, уже смеркаться стало. Потом услышали голос соседа. Он уже не жил дома, а ушел в лес. В 1942 году в наших лесах начинало формироваться партизанское движение. Сосед сказал нам, что нужно уходить в лес, деревню подожгут, а людей уничтожат. Мама послала меня узнать, что делается в нашем доме, осталась ли корова в сарае. Я подполз и посмотрел в окно – все было разбито, разграблено. Но корова в сарае стояла.

Решили уходить. Корову взяли с собой и вещи необходимые, что смогли унести. Собирались на опушке леса. В каждой семье дети, старики. Семьи большие были. По 5-6 детей. И нас было пятеро: сестры Ульяна и Устинья, братья Гавриил, Василий и я, самый младший. Сосед повел нас в недоступные места лесными тропами. Когда уходили, увидели зарево над соседней деревней. Немцы сжигали дома. А через некоторое время запылала и наша Дражня.

Шли целую ночь. Мне запомнилась луна. Она светила так ярко, как будто помогала найти дорогу, уйти от беды. Только к утру, усталые, измученные, мы вышли на сухой остров среди болот. Отдохнув, начали обустраиваться. Все знали, что скрываться придется долгое время, и взяли с собой топоры и пилы. И через несколько дней появился лесной лагерь. Сделали шалаши, из камней очаги сложили, чтобы готовить еду. Вековой еловый лес был настолько густой, что скрывал даже дым от костров. Так лесные болота стали нашим убежищем, домом и защитой с сентября 1943 года по январь 1944. Молодежь посылали за продуктами в сгоревшую деревню. Там предусмотрительно в землю были зарыты зерно, картошка и другие продукты. Жители лесного поселка не ели досыта, но и не голодали. За продуктами ходили мои старшие брат и сестра вместе со своими ровесниками.

Или их выследили немцы, или тропу нашли к нашему убежищу, но в конце 1943 года и начале 1944 начались регулярные облавы. Партизаны вынуждали фашистов отвлекать часть своих сил и техники, и они решили уничтожить в тылу всех, кто мешал. На фронтах у них дела шли все хуже и хуже. Освобождение, хоть и медленно, с тяжелыми боями, но приближалось.

Наш остров обнаружили в начале 1944 года, где-то в феврале. Погнали в деревню Красная Слобода, в которой стоял немецкий гарнизон. Население жило в сараях, поскольку немецкие солдаты заняли все дома. В тех же сараях разместили людей, пойманных во время облав. Недели через две всех погнали к деревянной церкви на берегу реки Березины. Там отобрали всю молодежь старше 14 лет, погрузили в крытые грузовики и куда-то увезли. И нашу старшую сестру Ульяну затолкнули в грузовик. Только после войны мы встретились с ней, она была угнана в Германию.

А потом нам приказали заходить в церковь. «Мы покажем вам кинофильм», - с усмешкой говорил немец на ломаном русском языке. Никогда не забуду слезы,

крики, проклятия. Церковь была обложена соломой, и все готовились сгореть заживо, ведь такое уже было в наших местах. Церковь закрыли, и около часа загнанные в нее люди ждали, что их вот-вот подожгут. Но дверь открылась, и нам тоже приказали залезать в грузовики.

Везли целый день. Уже стемнело, когда нас выгрузили у лесной дороги и приказали идти. Шаг в сторону - выстрел. Если же обессилевший человек падал, его тоже расстреливали. Был февраль, но мороза не было, на дворе стояла оттепель и, наверное, это обстоятельство многим спасло жизнь. Потому что пригнали нас в лесной огромный загон, огороженный колючей проволокой, а по периметру стояли вышки. Кругом часовые с собаками. Костров разводить не разрешали, приближаться к ограждению тоже запрещалось. Иначе расстрел. У нас была с собой домотканая постилка. Всей семьей ложились рядом и накрывались, чтобы хоть как-то согреться. А вместо матраса еловые лапки и мох постелили. Кормили зерном гречки (раз в день) по ложке на человека. Мы это зерно жевали и запивали болотной водой.

Так прошло две недели. Стариков погрузили на подводы. Всю колонну пригнали в другой лес. Снова колючая проволока в два ряда, вышки, собаки. Разница лишь в том, что этот лагерь стоял в болоте, а не в сухом месте, как предыдущий. Это и был Азаричский лагерь. И умирали там ежедневно десятки, если не сотни людей. Трупы складывали штабелями, не захоранивая. Они лежали на виду у всех. Для туалета было отведено специальное место, тоже на виду у всех.

Раз в неделю привозили эрзац-хлеб, и фашисты устраивали для себя развлечение. Машина доезжала до ограждения и буханку хлеба бросали людям. Движимый голодом и отчаянием, каждый старался его схватить, и возникала свалка. А немцы, смеясь, разгоняли эту свалку автоматными очередями. Затем бросали следующую. Во время этих «обедов» кто получил хлеб, а кто пулю. Но выбора не было. Альтернатива – голодная смерть.

Согласно немецким документам, обнародованным после войны, в лагере в Азаричах находилось 50 тысяч человек. 20 тысяч из них умерли. Сюда сгонялись жители Брянской, Смоленской, Могилевской и Гомельской областей. Их использовали как «бактериологическое оружие». Узников инфицировали сыпным тифом и малярией, рассчитывая на то, что после освобождения они станут распространять эти страшные болезни. В том числе, и на армию. После освобождения меня и многих, кто дожил до этого часа, лечили и от тифа, и от малярии в военном госпитале.

А освободили нас в конце 1944 года. Однажды утром увидели, что охрана исчезла, а у ворот лагеря появились советские бойцы. Никогда не забуду этих молодых, в белых полушубках, солдат с яркими звездочками на ушанках. Они и объявили - свободны. Весь лагерь плакал и смеялся. Впервые за все время плена. Тут же предупредили, чтобы никто не пытался уходить, потому что вокруг лагеря - мины. Наша семья осталась ждать проводников, которые должны были прийти на следующий день вместе с саперами. К сожалению, те, кто был из близлежащих мест, видимо, не поверив в возможность гибели, попытались выйти самостоятельно. Окрестности сразу стали сотрясаться от взрывов. Тогда все поняли, что без помощи саперов из лагеря не уйти. Ждали до утра, на рассвете пришли солдаты, которые разминировали проход. Нас предупредили, чтобы мы шли след в след, ибо проход был узким. Саперов не хватало, потому что немцы, отступая, минировали все вокруг.

Увы, обессилевшие от голода и холода люди еле тянулись за солдатами и, ос-

тупившись, погибали. Дорога к жизни была не простой и опасной. Азаричский лагерь даже после освобождения все еще забирал свои жертвы.

Через несколько часов вышли к реке, и заминированный лес остался позади. Вывели к линии обороны. Там были наши солдаты, они покормили нас супом, приготовленным полевой солдатской кухней. Впервые с конца 1943 года мы ели горячую пищу. Потом грелись у костров, отдыхали. Большинство бывших узников нуждались в медицинской помощи.

Было объявлено, что необходимую помощь все получат в Калинковичах, и колонна пошла в направлении этого города. Шли туда дней 10, потому что зараженные тифом и малярией люди еле передвигались. Кроме того, по пути ослабевших добавлялось все больше и больше. Их помещали в повозки, умерших хоронили. Наконец дошли до Калинковичей. Там все были зарегистрированы, осмотрены медиками и прошли необходимую санобработку. Разместили нас в двухэтажных кирпичных домах. После лагеря все происходящее казалось чудом. Хоть еды было не вдоволь, делясь последним, подкармливало местное население. Кто блин давал, кто картошку, кто горстку клюквы. Любая еда казалась слаще сахара.

По мере выздоровления семьи размещались по домам Хойницкого, Брагинского, Лоевского районов. Наш Светлогорский (тогда Поречский) район был еще оккупирован немцами. По чужим дворам мы жили до сентября 1944 года. А в сентябре узнали, что «малая Родина» уже свободна. Пошли пешком. Пришли на пепелище. И стали там жить - рыть землянки, строить шалаши, сеять озимые, заготавливать дрова. После пережитого все трудности казались незначительными и преодолимыми. Раз в «аду на земле» сумели выжить, то теперь уже ничего не страшно.

А весной закончилась война. Стали ждать земляков с фронта, но их вернулись единицы. Вся тяжесть легла на плечи наших матерей и старших братьев и сестер. Тяжело было, но ничто не могло сравниться с тем ужасом, что пережили мы в лесном Азаричском лагере смерти.

Я пошел в школу. После окончания семилетки поступил в техникум сельского хозяйства. После учебы служил во флоте. Демобилизовался и снова пошел работать. Окончательно обосновался в Глубоком. 26 лет из 44-летнего стажа проработал директором местной типографии. Выпускали районную газету «Шлях перамогі». Оттуда ушел на пенсию. Есть семья, растут внуки. И когда я смотрю на них, вспоминаю себя в их возрасте, как беззаботным мальчишкой встретил войну. Она отняла у меня детство, потому что воспоминания о том времени застыли болью в душе на всю оставшуюся жизнь.

ГУКОВА
Фима Даниловна
1937 года рождения

Я была маленькой, запомнились только отдельные эпизоды. Очень боялась немцев. Они стреляли, убивали. Но были среди них и другие. Помню, один немецкий солдат подзывает меня к себе, а я прячусь, страшно. А потом он тихонечко подошел, погладил меня по головке и дал конфет. Может, у него остались дома дети. Ну а потом нас два раза пытались забрать. Один раз у них что-то не получилось. Может, вагонов не было или еще чего. В общем, все разбежались. Тогда мы всю зиму жили у дядьки по 10-ой Полоцкой.

А второй раз немцы нас уже предупредили заранее. Что б не смели убегать, по-

тому что деревня окружена, и они будут стрелять. Как сейчас вижу: мы находимся в спальне, комнатка маленькая, все стоят перед образами и молятся. Потом был «5-й Полк». Почти ничего не запомнилось, мы там пробыли, всего сутки. Помню, как немецкие самолеты налетели и бросали бомбы. Летели они со свистом. Казалось, что сейчас рухнет все. Жутко. Все детство задавала вопрос: зачем людям война? Как было бы без нее хорошо жить? Наверное, лет до десяти мне снились только бомбы и взрывы. Но потом все прошло. Когда началась война, мне было только четыре года. Наши войска, отступая, отстреливались, а мы бегали под пулями по дороге и не знали, что надо прятаться. Запомнилось также, какими немцы были после боя с партизанами. Злющие такие. Включат паяльную лампу и греются. Мне было так страшно!

В нашей деревне жили полицаи, но самый страшный из них был Симон, Жуткий человек.

Мама ходила в «5-й Полк» до того, как нас туда забрали. Там же военнопленные. Нужно было перекинуть через колючую проволоку что-нибудь поесть.

Потом нас посадили в вагоны и повезли в неизвестном направлении. Я сильно болела. Мама сидела и плакала. Думала, умру, но слава Господу – спас. Перевозили из лагеря в лагерь. Испытаний было немало. Я очень слабенькая. Соберут в строй и заставляют бежать. Видимо, такое было испытание. Мама давай ругаться с немцем. Ей, наверное, жалко меня было. А я уцепилась за нее и попросила не ругаться – застрелят. Кормили брючкой, но иногда для детей приносили что-то молочное. Детей было много, а они настолько мало приносили, что лично мне ничего, никогда не доставалось.

Ну а потом нас куда-то привезли, построили в шеренгу, ходили купцы, выбирали себе рабов. Точно как на ярмарке – проверяли зубы. Выбирали здоровых работников. И гнали бегом, чтобы слабые падали, и сразу было видно, кто есть кто. Нас взял пан Бугатынский.

Когда мы были в Австрии, деревенские жители часто говорили: хорошо было б, если б пришел капут Гитлеру и Сталину, тогда и войны не было б. Им ведь она тоже не нужна

Мой брат умел немного рисовать. Бывало, нарисует дом. Как наш тут в Бителёве. Сидим, смотрим, плачем. Заливаемся слезами, очень хотелось домой. Хозяйка нас часто уговаривала остаться. Мол, там все разрушено, будет плохо. А мама – ни в какую, только на Родину. Когда день Победы наступил, мы уже были в пути домой. Столько было радости!

ДЕГТЯРЕВА
Евдокия Григорьевна
1930 года рождения

Через несколько дней после начала войны немцы стали приходить и говорить знаменитое: «Матка, яйко, курка, млеко». Мать сразу же шла в хлев. Сколько там курица снесет яиц... Все отдает немцу. Страшно. Коровы у нас не было, а, значит, и молока. А куриц всех забирали. Наверное, обыкновенные солдаты были. Они говорили, Гитлера и Сталина нужно стукнуть головами, чтобы были поумнее.

А в конце осени 1943 года появились уже другие войска. Я их почему-то называла жандармерией. У них были необычные кокарды. Лощеные, сытые. Ходили по домам и - вэк, вэк. Наверное, переводчик с ними был. Не помню я уже, почти 70 лет прошло. Рядом жила наша невестка. У нее было трое деток, старшему

— пять лет. Нас забрали вместе с ней. На саночки усадили детей, закутали. Мешок картошки взяли, а все остальное осталось. Привезли в «5-й Полк». Там мы жили несколько месяцев.

В казармы, где располагались военнопленные (гражданских это тоже касалось) по ночам приходили немцы. Их строили. В руках у офицера была какая-то палочка. Ничего не говоря, он указывал на будущих жертв. Они выходили из строя. А утром мы греемся на солнышке за сараями, а земля вокруг так и дышит. Значит, там еще живые люди были. Ужас один! Наверное, их казнили на рассвете. Ни матери, ни отцу я про это не говорила, но они все и сами знали.

Так мы прожили до мая 1944 года. Есть давали какую-то баланду и хлеб с опилками. Помню, что он был очень вкусный. Иногда хочется того хлеба, но не приведи Господи, попробовать его еще раз.

Забирали нас глубокой осенью. На мне были какие-то бурки с калошами, зимнее пальто, завязанные матерью теплые платки, а тут - такая жара. Подогнали машины и давай нас сортировать. Молодежь и мужчин - отдельно, детей, стариков и женщин — отдельно. Привезли на железнодорожную станцию, посадили в товарные вагоны. Давка ужасная, людей набилось, как селедок в бочке. Поехали. Тогда я не знала, куда, а теперь, по рассказам взрослых, могу сказать, что нас везли на Оршу. Я уснула и проснулась на рассвете. Свежо. Двери открылись, нам приказали выходить. Ничего взять с собой не разрешили. Немцы объяснили, что вещи доставят в лагерь, а нас поведут вшей выгонять. Дескать, потом мы все получим. По сегодняшний день получаем...

Нас построили и куда-то погнали. Оказывается, это было где-то в районе Богушевска. Я не знаю, сколько мы шли, сутки или двое. Остановились под Крынками, недалеко от деревни Марьяново. Немцы приказали располагаться на земле. Рано утром подъем и опять куда-то гонят. Идем, идем, идем. Солнце поднялось, стало жарко. Кто упал - пристрелили и пошли дальше. Так было с неделю, наверное. В итоге нас пригнали на то же самое место, что и в первый раз. Наконец, переводчик сказал, что у кого есть возможность, то нужно строить себе шалаши из еловых веток. Папа сделал шалаш нам и еще одной женщине. Фронт был недалеко от нашего леса. Расположились под открытым небом, даже слышали звуки советского радио. Немцы начинали стрелять, чтобы их заглушить. Лес был разделен широкой дорогой. По ней ходили немцы с переводчиком и в рупор говорили: кто хочет записаться в рабочий батальон, просим выходить на дорогу. Всех, кто вышел, они в ту ночь расстреляли в овраге. Люди, потом узнавали своих только по приметам, потому что их расстреливали разрывными пулями.

Долго мы там не задержались.

Это было 3 июня. Просыпаюсь, а все вокруг заволокло дымом. Отступая, немцы заминировали и подожгли лес. Потом пришли советские разведчики. Где разминировали, они поставили красные флажки. Сказали идти строго след в след. Люди нетерпеливо стали обгонять друг друга и подрываться на минах. По глубокой и длинной (километров десять) траншее мы вышли из заминированного леса. Разрывов слышно не было, только над лесом, который обстреливали с двух сторон, стелился дымок. И на земле лежали вывезенные из инфекционной больницы тяжело больные. Я к ним не подходила. Они просили пить, а у нас ничего не было. Добывали воду так: нажмешь пяткой на мох, водичка набежит - попьешь.

Когда кончилась траншея, смотрю: стоят повозки с красными крестами. Это был какой-то медсанбат. Люди в белых халатах (медсестры и врачи) ходили и говорили: «Сегодня спать ложитесь на голую землю, подстилайте, что у кого есть, а

завтра мы вас отправим в советский тыл». Так и вышло. Нас погрузили в эшелоны и повезли. Забыла, что это было — Калуга или Вязьма. Теперь это Смоленская область. По дороге нам выдавали какой-то сухпаек. Распределили по деревенским домам. Нам, то есть 17-ти человекам, отвели недостроенный сруб. Притащили туда соломы, на ней и спали. Я заболела, меня перевезли в другую деревню. В деревенском доме там располагалась больница. Какое-то время пролежала. Потом выписали. Поправилась, наверное. Мама меня навещала, а папа ходил по деревням и что-то мастерил. Смоленская область была оккупирована немцами очень недолго. Их быстренько оттуда вытурили.

... Дали б нам эту компенсацию немцы сразу после войны, когда мы были голодные и холодные, я бы хоть платье какое купила, а то ходила в школу в матерчатых тапочках. В Райсобесе меня спросили: вы жили в каменных бараках или деревянных? Не помню, говорю. Наверное, и в тех, и в других. Неужели это самое важное?

ДОВГЯЛО
Анатолий Николаевич
1937 года рождения

Во время оккупации мы жили возле старого Смоленского рынка, на улице, которая теперь называется Грибоедова. Отец ушел в партизаны. Меня и сестру (младше на четыре года, то есть родилась в год начала войны) мать растила одна. Произошло все в 1943 году. Прямо на улице к нам подъехала какая-то большая крытая брезентом машина. Высокая такая. Похожа на «студебеккер». Нашу семью и всех, кто был вокруг, загнали в кузов и отвезли в концлагерь «5-й Полк». Хорошо помню тамошние двухъярусные нары. Мать сестрой спасли на первом «этаже», я на втором. Вскоре мама заболела какой-то инфекционной хворью (точно не помню названия) и умерла. Сестре было два года, мне пять. Кто-то из местных на подводе отвез нас в детский дом. Тогда он находился на нынешней площади Победы, где сейчас стоят «три штыка». Не помню, сколько мы в нем пробыли. Затем всех собрали и отвезли на железную дорогу, там загрузили в поезд. Кроме детдомовцев там было много «гражданских». Отвезли в район Крынок. Высадили в чистом поле. Некоторые вещи остались в вагонах, но поезд тронулся. Шли долго. Потом маленьких детей, помню, посадили на какую-то подводу. Привезли в лес. Это был прифронтовой трудовой лагерь, из окрестностей туда согнали двенадцать тысяч человек. Никаких построек там не было, жили под елками, как говорится, под открытым небом. Над нашими головами на восток летели немецкие снаряды, а на запад – советские. Иногда взрывались неподалеку.

Не могу точно сказать, сколько мы там пробыли, только в один из дней в лагерь пришли советские разведчики и приказали тихонько один за одним выходить.

В нашем городе есть третья гимназия, раньше она была школой №1. Там музей бывших узников. У них очень много материалов. Есть фотография освобождения нашего лагеря. Его называют прифронтовым лагерем-восьмитысячником. Никаких ошибок в цифрах нет. Поначалу в нем было 12 000, 4 000 там уничтожили, осталось – 8 000.

Но вернемся к освобождению. Оказалось, очередность выхода из лагеря не была случайной. Когда узники поняли, что перед ними советские войска, то от радости начали бежать в разные стороны. А все вокруг было заминировано. Очень многие тогда погибли.

Не помню точно, к какой деревне нас вывели. Сейчас там стоит небольшой обелиск, что-то типа небольшой каплицы. Кажется, Марьяново. Кстати, именно в ней родился витебский губернатор Андрейченко (потом он возглавил Палату представителей Национального собрания РБ – прим.автора).

Дальнейшее помню лишь отрывочными эпизодами. Стол под навесом от дождя, за ним мы обедали. Сестра Галя заболела. В одном из домов сделали изолятор. Солома, и на ней лежат абсолютно голые дети. Все лежали, только один мальчик на кухне сидел возле русской печи. У него отнялись ноги. Я часто туда приходил, пока не умерла Галя.

После освобождения Витебска в 1944 году наш детдом перевезли, кажется, в район Марковщины. В этот момент появилась моя тетя. Так меня нашли. Больной, чесотка, ходить не мог, в паху выросла какая-то большая шишка.

Жили на берегу Двины, а напротив нашего дома – семья, которая тоже была в лагере и видела там меня. Только не знали, что умерла сестра Галя.

Они–то потом это и подтвердили, потому что документов никаких не сохранилось.

Сейчас я член Совета несовершеннолетних узников Октябрьского района нашего города. У нас комната была на улице Толстого. Когда бывшие узники обращались, помогали им найти необходимые документы, советовали, как поступать. 10 апреля и еще трое из нашего Совета посетили Дом престарелых и инвалидов по Фрунзе. Там сейчас находится двадцать пять бывших узников «5-го Полка». У нас есть памятный знак, который изготовил фонд. Похож на медаль. Раздали. Все были очень рады. Ветеранскую организацию там возглавляет какая-то женщина-культработник. Очень много в этом Доме участников войны.

ДУДИНСКАЯ
Ольга Владимировна
1924 года рождения

... Из каждой семьи одного человека выделяли копать противотанковые рвы.

А тут объявление: «Немцы подходят к Старому Селу. Старое Село от нас через две автобусные остановки. У нас там были кони. Ночевали в палатках под соснами. А потом кто-то скомандовал: идем домой, раз уж немцы так близко. Вернулись. Но в тот же день немцы в нашу деревню не пришли.

Появились, наверное, только через два дня. Мы жили на одной стороне деревни, а немцы - на другой. Там сажалка была. В ней они мылись и купались.

С ней, кстати, связано и еще одно моё воспоминание. До того времени пока не пришли немцы, наши зенитчики стояли в Загорянах. Было объявлено: выкопать себе в огородах окопы. Так мы и сделали. Как-то в окоп я заходила последней и услышала, что нет воды. Взяла ведро и пошла на сажалку. Когда подходила к ней, увидела там белую машину. Оказывается, она была уже немецкой. Зачерпнула воды и пошла назад. Только оттуда отошла, как наши зенитки начали стрелять. Угодили в дом Наума Павловича, и он загорелся. После того как зенитки затихли, выбралась из нашего окопа наружу. Надо ж было посмотреть, что там творится. Немецкая машина уже уехала. Вскоре в нашу деревню немцев понаехало очень много. Нашу хату заняли солдаты, а нас переселили в другую. Жило там шесть человек. Поставили на огороде прожектор. Когда летит русский самолет, то они его ловят лучом света. Немцы в нашем доме сделали себе трехэтажные полати. Потом они подались куда-то под Смоленск, и мы вернулись назад. Стали поти-

хоньку вновь обживаться. Огороды разбили на десятидворки и начали сеять. Так было до 1942 года, когда начался тиф. А город горел. Тут у нас, в Гришанах, тоже была сильная жара. Кто его зажег, не знаю - то ли русские самолеты, то ли кто-то еще. Сами немцы еще ничего не палили. В «5-й Полк» нагнали много военнопленных. Пошли туда с сестрой. Посмотреть, может, в плен попали наши братья. К счастью, никого из них там не было. Колючей проволоки тоже. Некоторые военнопленные убегали. Приходили и к нам, и к другим, чтобы переодеться, просили одежду. Многие потом скрывались от немцев. Те это потом обнаружили, обнесли весь лагерь густой колючей проволокой.

Потом Велиж начали эвакуировать, и к нам одну семью подселили тоже. Как и во всех Гришанах. В 1942 году заболела тифом. Выздоровела, и в 1943 меня отправили в Германию. Было нас шесть девчат и парней. Все подходили по возрасту, могли работать. Везли на поезде, а к поезду мы дошли пешком. Посадили в вагоны. Привезли в Минск. Там уже было «пополнение». Вагоны набили битком, снаружи закрыли засовами. Довезли до Граево. Это Польша, в трех километрах от немецкой границы. Там раздели, построили в шеренгу. Всех проверили рентгеном. Больных отделяли, а здоровых вели в большой зал. «Сортировка» прошла очень быстро. Нашу одежду «выпаривали» часа два. Сколько там пробыли - не помню. В кустах стоял большой котел, где нам варили еду. Почти всегда кольраби или кузику, немного заправляли мукой.

А потом рано утром (еще темно было) подняли и вновь погрузили в поезд. Куда-то привезли, высадили и сразу опять повели в баню. Потом приехали будущие хозяева. Кто на машине, кто на открытой бричке. Позже я узнала, что это был Будслау. Всех разобрали, а мы (довольно много) остались. Повезли в Гайнов, это небольшой город.

Там был уже другой порядок. Мы стояли, а немцы с переводчиком сидели за столом. Подзывали к себе по два человека. Записывали, пальцы макали во что-то черное, делали отпечатки. Осталось пять человек. Из них к столу подозвали сразу троих - Ульяну, Надьку и меня. Погрузили на запряженную парой коней телегу. Я начала плакать, а подруги стали успокаивать. Дескать, ничего изменить уже нельзя.

Новый хозяин привез нас в свой двор, потом завел в дом. А там грязь, решетки на окне и три койки. Есть давали по четвертушке молока (если есть малые дети), а всем остальным наливали кефир или масленку (жидкость из-под масла). По кружке каждую субботу. Буквально сразу же нам принесли мельзупе (мучной суп). Отруби какие-то. У нас от него заболели животы. Тогда хозяева начали давать картофельный суп. Сильно густой, но постный. И горький кофе, в котором была ложка сиропа. Там мы грузили навоз, вязали и складывали снопы. Потом все немцы эвакуировались на Запад. Они русских смертельно боялись. Наш хозяин тоже уехал. Мы остались одни, и сами пошли пешком домой. На одном перекрестке (уже в Австрии) нас подобрал какой-то майор Советской Армии и привел в какую-то военную часть. Там всех переписали. В ней и остались. Я доила коров, варила солдатам еду. А когда война кончилась, нас перевели в «вольнонаемники».

ДУЛІНЕЦ (КОНЮХАВА) Марыя Іванаўна 1937 года нараджэння

Я не ведаю, калі нарадзілася. Урачы пасля вайны вызначалі 1937 г. І з свайго гаротнага дзяцінства мала што памятаю, тое што ведаю больш з расповедаў людзей, з якімі звёў лёс.

Ведаю, што мама трапіла ў Слуцкі лагер з вёскі Світы Смаленскай вобласці. Разам з мамай схапілі немцы і нас, трое яе дзяцей: старэйшага брата Пятра, мяне і малодшага Віцю. Што ў Слуцку было, амаль не памятаю, засталося толькі пачуцце жаху і голаду. А вось калі са Слуцкага лагера немцы перавезлі нас у Шаркоўшчыну, крыху засталося ў памяці. Вязнеў, прывезеных са Слуцкага лагера, выгрузілі з "цялятнікаў", і мясцовыя гаспадары сталі разбіраць нас у якасці працоўнай сілы. Маму ніхто не хацеў браць, бо дзяцей малых трое. Яна плакала, прасілася, бо баялася, што нас зноў у лагер вернуць, а ў Слуцкім лагеры большасць загінула. Гэта была фабрыка смерці, інакш не вызначыш тое, што там адбывалася.

Маму пашкадаваў стары гаспадар па прозвішчу Свяцкі. Узяў яе з дзвума малодшымі дзецьмі. А старэйшага брата Пецю забраў яго сусед Самановіч у якасці пастуха. Было гэта ў 1943 годзе ў в. Навасёлкі.

У гаспадара Свяцкага мы пражылі некалькі месяцаў. Мама працавала за траіх і цяжка захварэла. Самановіч, гаспадар, у якога працаваў мой старэйшы брат, павез яе ў Глыбокае, нібыта да ўрача. Вярнуўшыся расказаў, што каля хаты яго сваяка, які працаваў у немцаў солтысам, маму нехта застрэліў. Расказвалі мне, што ўсю тую ноч я праплакала, як адчувала, што больш ніколі не ўбачу маму. Так і адбылося.

А назаўтра старэйшага брата Пецю забралі ў Германію. Пасля даведалася я, што адпраўцы падлягала старэйшая дачка Самановіча, але замест яе ён завез у камендатуру майго брата. Больш я яго не бачыла, і дзе ён загінуў, не ведаю.

А нас, мяне и майго малодшага брата, наш гаспадар Свяцкі павез у дзіцячы прытулак. Але на дарозе нас сустрэў Юзэф Вярцінскі. Ен і забраў мяне да сябе ў якасці нянькі яго малой дачкі. Так і з малодшым братам Віцей мяне разлучылі. Яго ў прытулак завезлі, а я засталася ў спадара Вярцінскага. Пражыла я ў іх нешта каля году. А калі Чырвоная Армія падыйшла, Юзэф Вярцінскі з сям'ей эвакуіраваўся разам з немцамі, а мяне аддаў у сям'ю сваей сястры Ананіч Яўгеніі Рафаілаўны, якая жыла ў вёске Пялікі, таксама ў Шаркоўшчынскім раёне. У іх я і жыла пасля вызвалення ў якасці прыемнай дачкі. Падрасла і стала працаваць па гаспадарцы. Пасціла свінней, авечак, даіла карову, жала збожжа, палола агарод, мыла бялізну. У школе вучылася толькі два гады, больш не пусцілі. Іх дачка Ларыса вучылася, а я працавала. І гаспадыня ўсе пужала: "Не будзеш слухацца, зноў адпраўлю ў лагер". Гэтага я больш за ўсе баялася.

А калі стала дарослай, пайшла працаваць у пякарню. Там працавала восем гадоў. Пасля перайшла ў каўбасны цэх і працавала да пенсіі. Выйшла замуж, сына выгадавала. Такое вось жыцце гаротнае. А ўсе вайна… Адняла яна ў мяне сям'ю, увесь мой лес паламала.

ЖЕВЛАКОВА
Таисия Павловна
1931 года рождения

Мы спали. Немцы приехали на мотоциклах.

В «5-ом Полку» были в основном военнопленные. Их очень часто расстреливали. Это было на том месте, где сейчас стоит памятник, проходит дорога. А еще там сейчас маршрут автобуса №7. Раньше это была восточная сторона «5-го Полка». Рядом - тоже могилы. Сюда привозили и расстреливали евреев. Некоторых даже закапывали живьем.

Деревенские носили военнопленным еду. Как нас забрали в «5-й Полк», я забыла. Пробыли там очень мало, сразу отправили в Германию. Потом мы находились в том месте, где протекала река Эльба. Не работали на конкретного хозяина, а наш лагерь располагался в поле. Все огорожено колючей проволокой. По периметру - охранники с собаками. Взрослых, мужчин и женщин, гоняли работать на железную дорогу. Освободили нас американцы. Однако это было еще не все. Неожиданно на нас напали эсэсовцы с собаками. Кто убежал, а кого побили.

Сперва американцы отправили нас в русский пересылочный лагерь, а уже оттуда домой. Везли назад тоже в «телятниках». На границе был санпропускник.

В Германии из нашей деревни очень много деток умерло. И хоронили их за кладбищем. Я маленькая была, у немцев значилась в прислуге. Вот и не помню, как немку звали, которая хотела оставить меня у себя.

ЖЕВНИНА
Валентина Петровна
1951 года рождения

Я дочь Жевнина Петра Михайловича, военнопленного, убежавшего из «5-го Полка». Мама рассказывала, что утром пошла в туалет, а там стоит мужчина. Оказалось, беглый военнопленный. Мама привела его в дом. Переодела. Он убежал из «5-го Полка» Они с товарищем где-то под колючей проволокой сделали подкоп и ночью убежали. Попали сюда, в Бителёво. Он рассказывал, какие там были мучения. Мама его спрятала и спасла, когда немцы приходили искать. Он решил здесь остаться и стал с мамой жить. Хотя сразу же предупредил, что в России у него есть семья. Мама все время носила в «5-й Полк» еду и воду. Рассказывала, что таким же образом они спасли еще много военнопленных. Приводили в поселок, переодевали, прятали.

Меня крайне возмутило, что на месте «5-го Полка» построили гаражи. Память должна быть памятью. Для гаражей пусть ищут другое место. А насчет жилых домов я совсем ничего не понимаю. Как люди будут жить на человеческих костях?

Я не понимаю, как там можно вообще что-то строить?..

ЖИНЬ (АДАМОВСКАЯ)
Таиса Ивановна
1927 года рождения

Наша семья жила в деревне Освея. Вокруг леса, и к 1942 году там были организованы и базировались несколько партизанских отрядов. Когда началось на-

ступление Советской Армии в 1943 году, немцы бросили против партизан регулярные войска в помощь немецким гарнизонам и полиции. Партизаны подрывали поезда, повреждали железнодорожное полотно, разрушали мосты. Против них была предпринята карательная экспедиция. Наша семья пряталась в лесу, но немцы организовывали облавы, прочесывая лес. Так они и схватили всех. Сначала бабушку и дедушку с младшей сестрой Надей, через день маму, папу, еще одну сестру, брата и меня. Заперли нас в церкви, а потом погнали на территорию Латвии, в лагерь смерти Саласпилс. Страшное было место. Раздели догола, остригли – это называлось дезинфекция. Потом разделили: детей оставили в одном бараке, взрослых мужчин и женщин тоже развели по разным баракам.

Взрослых гоняли на работу, дети сидели в бараке, а старых людей сожгли. Наша младшая сестра видела, как к крематорию гнали и нашего дедушку. Сам вид лагеря был зловещим. Высокий забор, в два ряда колючая проволока, огромная труба крематория и черные злые собаки с охраной. В Саласпилсе я была недолго, может недели четыре. Потом молодежь, человек 300, перевезли под Новгород. Там мы валили лес и обчесывали его. А некоторые строили дорогу. На лесоповале мы работали с апреля по август 1943 года. Но началось наступление русских, и нас снова перевезли в Саласпилс. Из 300 человек в живых осталось меньше половины. Голодали, ели траву и умирали.

Меня поселили в рабочем лагере. Из него нас гоняли на работу к местным хозяевам. Так я узнала, что моя младшая сестра Надя живет у хозяина, а не в лагере. В Саласпилсе я была до сентября 1943 года. Потом нас снова погрузили в «телятники» и повезли в Германию. Семья снова была в одном эшелоне, но уже без дедушки. Сестра Василина попала в Польский лагерь, а вся остальная семья в Мюнхен. Там я работала на вагоноремонтном заводе «Фрайман». На работу привозили к 6-ти часам утра и увозили в шесть вечера. Я убирала мусор и делала все, что приказывал мастер.

И снова голодала. Кормили нас плохо: немного хлеба и суп кольраби с перцем. Есть хотелось постоянно. Однажды меня и мою подругу Валю Матвееву из Витебска послали в распоряжение немки, молодой, красивой женщины. Мы ездили с ней получать какие-то части и инструменты для завода. А когда вернулись, уже вечером, она дала нам булку хлеба. Мы боялись брать, всякие были провокации (могли, например, обвинить в воровстве), но она нас уговорила. Я до сих пор помню, каким вкусным был тот хлеб.

На завод нас возили в вагонах. Вместе с нами ехали пленные итальянцы и французы. Итальянцы дразнили нас «потата монжары», что означало «жареная картошка». Мы же дразнили их «макаронники». Также на завод привозили узников из лагеря «Дахау». Он был в 6 км от нашего лагеря. Однажды видела, как их кормили баландой, и один узник попросил добавки. Его жестоко избили, приговаривая по-немецки: «Вот тебе добавка!» Но к нам в лагере относились неплохо. Помню начальника барака, его звали Карл. Он был пожилым человеком. Всегда очень громко кричал, размахивая плеткой, но никогда никого не ударил, а к концу войны мы иногда даже притворялись больными. Хотя притворяться и не нужно было, мы все были худыми и бледными от голода. На работу, в случае болезни, Карл нас не посылал. И еще разрешал не работать в день рождения. Мы по очереди и отмечали «свои дни рождения». Откуда Карлу было знать, когда каждый из нас родился? Но он всегда громко ругался, что мы то больные, то у нас день рождения, но на работу «именинницу» не посылал.

А потом пришли американские солдаты, и мы получили свободу. Солдаты

были дружелюбными, вкусно и вдоволь нас кормили и переселили в пустующие дома.

Когда нас перевезли в русскую оккупационную зону, и меня, и маму с папой, допрашивали офицеры НКВД, старались запутать разными вопросами. Меня спрашивали, почему не убежала, пока работала «на воле» под Новгородом. Я ответила коротко: «Чтобы не застрелили на месте».

В середине лета мы приехали домой. Опасаясь, чтобы нас не отправили в советский лагерь, (ведь со многими так случалось, достаточно было одного ложного доноса), папа попросил перевести его на работу в Западную Беларусь. С тех пор я здесь и живу. Вышла замуж за любимого человека, но он погиб в 1957 году, утонул в озере. Двое детей поднимала одна. Сейчас уже дети взрослые, внуки растут. Жить можно, но уже некогда. Здоровье подорвано.

Одного желаю, чтобы никому и никогда не пришлось пережить то, что вынесло наше поколение. Слишком тяжелая у нас память.

ЗАГРЕЩЕНКО
Александр Николаевич
1934 года рождения

Нас забрали немцы где-то в конце апреля 1944 года. Точно не помню, какого числа. И отвезли в «5-й Полк». Там мы пробыли совсем немного. Где-то с месяц, наверное, потому что заболели тифом. Все держались вместе – мать, брат, я, естественно, моя двоюродная сестра, родная сестра моей мамы и ее сын Иван. Помню, как нас там кормили. В поселке Кировском наш барак был последним, а рядом стояло кое-то высокое деревянное здание. Может, костел?.. Там давали еду. У нас была полулитровая железная банка. Немец линул туда немножко какой-то бурды. А я не отхожу, думал, добавит еще. Тогда он половником мне «бац» по лбу. Хлеба давали со спичечный коробок. Не знаю, из чего его делали. Возможно, из опилок. Возможно, из ячменной муки.

Там был колодец, но подойти к нему было нельзя. Дело в том, что туалета не было, поэтому кто, где мог, там и оправлялся. Воду привозили грязную. Наверное, брали ее в обычной сажалке. Мы попили этой воды и заболели тифом.

Для тифозных была сделана палатка, метров тридцать длиной. В ней в два ряда стояли койки. Немцы нас даже лечили. Скорее всего, им нужна была рабсила, а, может, для разных опытов или еще чего. Ночью лягу спать. Температура большая. Все снились пожары. Потом нас вывезли на 5-ую Линию, что на Песковатике. Конвоиры все ходили и проверяли, чтоб никто не разбежался. Там уже было посвободней. Помню, ходили под Бабиничи. Там был небольшой бурт столовых бураков. Полакомились вдоволь. Наберем с братом где-то ведра по два. Нести тяжело, большой снег.

Потом всех выздоравливающих собрали вместе и поместили в свободный двухэтажный дом. Он стоял в том месте, где сейчас мост, по нему трамваи ходят на площадь Победы. Взрослых женщин и мою двоюродную сестру гоняли под Лиозно копать окопы. С едой там тоже было получше. Давали 10-15 граммов маргарина и более хороший хлеб. Немного веселей стало жить, но неволя есть неволя. Одно спасение – Двина. Рядом, метров сто от этого дома, немцы глушили рыбу, но больше глушилось во время бомбежек. Мы бегали туда с братом. Что-нибудь поймаем в заводи, а потом жарим на простой воде. Один раз нам очень повезло. По реке плыла «четвертушка». Оказалось, рыбий жир. Большое удовольствие!

Были и другие случаи. Там близко мост Блохина. Один раз смотрим, плывет мертвый красноармеец, Немцы с моста его, наверное, всего изрешетили. Спустя некоторое время плывет второе тело. К берегу там удобный спуск. Пришла какая-то машина, поймали труп и вытянули его на берег. Приехал немецкий офицер. Не знаю, о чем они там говорили, только потом солдаты выкопали на берегу могилу и похоронили тело.

Где-то в середине лета часа в три или четыре утра, всех нас выгнали из дома, построили в колонну и по Бешенковичской дороге гнали до самого обеда. Куда? Зачем? Не знаю. Немцы отступали, их видно сильно прижали. Все время над нашими головами летали самолеты. Вначале бомбили, а потом увидели, наверное, что идет много мирного населения и бомбить перестали. Только постреливали из пулеметов. Немцы и конвоиры разбежались. Кажется, там была деревня Песчанка. Прямо возле шоссе. В ней мы и остались. Нашли бункеры, забрались в них. А потом услышали: «Ура! За Родину! За Сталина!», пулеметные и автоматные очереди. Через некоторое время заходят к нам красноармейцы и выводят вновь на дорогу. Ужас! Прямо на ней лежат раненые солдаты: один кричит, другой просит пить, третий умоляет, чтобы его пристрелили. Господи! Разбитые немецкие повозки, разбомбленная полевая кухня. У коней оторваны ноги, мучаются бедные. Зашли в какую-то деревню. Глядим, немец лежит убитый, и курица у него под мышкой. Скорее всего, когда кого-то грабил, его и прибили.

Ну а потом уже приехали сюда, в Ананьино, Тут тоже все было поразбито. В Ананьино уцелело только пять домов, и все позарастало бурьяном. Жуткое дело.

ЗАЙЦЕВА (АЛЬХОВИКОВА) Мария Романовна 1932 года рождения

Осень 1942 года в нашу деревню, что была в Духовищенском р-не Смоленской области приехали немцы. Согнали всех жителей на край деревни, окружили автоматчиками и погнали в городской поселок Ярцево. Под видом борьбы с партизанами многие деревни в округе тогда сожгли, а людей расстреляли или согнали в лагеря. В Ярцево нас погрузили в вагоны на которых были надписи «Рус партизанен». И повезли в лагерь в Слуцк. В семье нас было четверо: моя старшая сестра с сыном, брат 15-ти лет и я. Муж сестры был на фронте. Слуцкий лагерь был страшным местом. Мы сидели в дощатых бараках на голых нарах. Голод, холод, вши, кругом горе. Вещи, которые успели взять из дома с собой, все побросали, потому что до Ярцева нас гнали без отдыха, и, если кто слабел, не мог идти, убивали на месте. Где уж тут что-то нести, только бы ноги держали. Кормили раз в день. Выдавали один литр баланды и 100 граммов хлеба, в котором почти не было муки. Сынок моей сестры скоро умер от голода. Счет времени мы потеряли, знали только пору года, а какой месяц, какое число? А не все ли равно, когда смерть ежедневно в глаза смотрит? Люди ежедневно умирали десятками.

А потом нас снова повезли. Сначала в Поставы, потом в Березвечский лагерь, что в Глубоком, а оттуда в Шарковщину. Сестру хотели забрать в Германию, но она стала выдавать нас с братом за своих детей. Определить по внешнему виду возраст, было невозможно. Все измождены, худые, ослабевшие от голода. В Германию, в первую очередь, брали одиноких, молодых людей. «Качественную рабочую силу», - как говорили немцы.

Из Шарковщины нас забрали в деревню Иоды. Нашим хозяином стал Алексей

Соколов. Он был немецким солтосам. Сестра с братом работали по хозяйству, а я пасла гусей - целое стадо.

Когда в 1944 году, летом, немцы отступали, наш хозяин тоже эвакуировался. Домой не поехали. Сестра уже знала, что муж ее погиб на фронте, а больше близких родственников у нас не было. Так и остались на Шарковщинской земле. Я вышла замуж. Вырастила пятерых детей. Сестра прожила с моей семьей всю жизнь. До самой кончины так и осталась всем нам матерью. А брат после службы в Армии вернулся на родину, на Смоленщину в Ярцево. После смерти мужа живу одна. Дети приезжают, заботятся. Уже 12 внуков имею и правнучку.

Все в жизни забывается, только время, проведенное в лагерях, особенно в Слуцке, осталось в памяти как страница ужаса, которую вырвать уже нельзя.

ЗДОЛЬНИКОВА
Леонида Викторовна
1935 года рождения

В «5-ом Полку» помню голые нары. На них все и спали. Четверо детей и мама. Кроме нас, в лагере была еще бабушка по папиной линии. Мама где-то узнала, что нас должны эвакуировать, и подошла к дежурному немцу. Все ему рассказала. Нас отпустили, а бабушку Аню нет, она была в другом бараке. Так там и умерла. Напротив была воинская часть. С большими такими воротами. Там сейчас улица Титова проходит. Нас погрузили в трехтонные грузовики и отвезли в Ушачи. У хозяина, где мы приютились, был большой дом. Собралось очень много детей. Партизанские края. Кругом леса. Когда бомбили окрестности, он прятал всех в подвал. Ели все, что дает хозяин. В основном картошку. Ее у него было много.

Пробыли в них до освобождения. Потом нас привезли в Витебск. Жили на хуторе Мопр. Наш дом заняли другие люди. Мать пожаловалась в военкомат (семья погибшего на войне, все-таки). Освободили половину дома. Прожили там до 1953 года.

Это настоящее безобразие, что на месте «5-го Полка» построили гаражи и строят жилые дома. Зачем было строить именно там, что мало места? Гаражи построили на костях. Ужас!

ИВАНОВА (ШАЛАШОВА)
Тамара Кирилловна
1939 года рождения

Приехали к нам в деревню Якушонки немцы и стали выселять всех жителей из хат, забивать досками окна и двери, подпаливать факелами крыши хат. Потом нас посадили в обоз. Запрягли, кто коней, кто коров и поехали. Я хотела взять с собой котенка, но мама не разрешила – неизвестно, где окажемся сами.

Доехали до Бабинич. Там на нас напал самолёт и стал бомбить. Когда это началось, мама первой покатилась с горы, а нам говорит: «Детки (нас четверо было) вы за мной катитесь, а то я вас тогда не найду». Мы покатились, а самолёт скидывал бомбы на обоз. Говорили, что одна женщина подняла белый платок и стала им махать перед собой, самолёт полетал и больше не стал бомбить. Улетел, мы стали вновь собираться к обозу, а один из сопровождающих нас немцев ударил эту женщину по лицу. Если б она не махала платком, то самолёт всех бы побил, и

немцам не нужно было гнать нас дальше. Вскоре мы оказались в «5-ом Полку». Что мы ели в лагере, я не помню. Помню, только, как нас «сортировали»: на левую сторону становились малые и старые, а на правую – военнопленные, которых потом гнали на работу. Построят шеренгой, и немецкие конвоиры сопровождают их с овчарками. А нас опять запирают в лагерь. Там прошло все мое детство. Помню, нары были в два этажа, дети спали на нижнем. И на этих нарах мы прыгали, так теплее, так как накрываться было нечем. Собаки охранников запомнились мне на всю жизнь. Большие, серые. Этого я не видела, но люди рассказывали, что расстреливали военнопленных много и в яму скидывали. Сколько мы там пробыли, не знаю.

Приехали в Якушонки – одни печки стоят. Нашли свою, наварили еды. Уже щавель был, когда мы приехали.

КАГУКИНА
Анна Ильинична
1934 года рождения

Родилась я в большой семье. Была четвертой, за мной шел еще младший братик Вася. Отца арестовали и расстреляли в 1937 году. Остались мы полусиротами. Жили в Первомайском районе Витебска (2-я Прибрежная д.6.), на левом берегу Западной Двины.

Когда пришла война, начались бомбежки, расстрелы, угоны в Германию. Фашисты грабили, уничтожали весь скот, всячески нас унижали. Прятались под пол. Света в доме не было, освещались керосиновой лампой. Немцы светили фонариками, искали партизан. Мама брала маленького Васю на руки, у него были глаза красные, и говорила, что это тиф. Немцы быстро уходили из дома.

6 марта 1943 года нас и соседей посадили в машину и увезли в «5-й Полк». Там было двухрядное ограждение из колючей проволоки. На проволоке висели консервные банки. Немцы с собаками охраняли ворота. Выгнали из машины - и в барак. Мама посадила нас на какие-то саночки. Во второй половине дня уже пересчитали. Запомнилась женщина с малым ребенком на руках. Немцы забирали его, отдавали какой-либо старухе в руки и пихали назад. А молодую мать грузили в машину и везли копать окопы. Грязь хлюпала под ногами, люди кричали, плакали, просили хлеба. Я думала, что попала в сумасшедший дом. Когда стемнело, фашисты нас снова загнали в машину и повезли на вокзал. Погрузили в товарные вагоны, посчитали, бросили по буханке хлеба и закрыли дверь. В нашем вагоне ехала переводчица с забинтованной головой. Ее часто машинисты вызывали, поэтому дверь немного открывалась – могли дышать воздухом. Сесть было негде. Когда поезд тронулся, сверху послышались какие-то выстрелы. Наверное, стреляли с самолета. Одна крупнокалиберная пуля пробила в полу у моих ног довольно большую дыру. Чтобы я не упала, мама держала меня возле себя. Воды не давали. Не кормили. Везли девятнадцать суток.

Привезли в Германию, в город Хамм, за Берлином 625 км. Вначале эшелонов было шесть. Сосчитала по звуку. Потом пять, четыре, три, два. Наш поезд очень долго шел. Горы, скалы, туннели. Встретили старики-полицейские, построили по четыре человека и вновь погнали в лагерь. Колючая проволока там была какая-то зигзагообразная. Переписали. Украинцы, русские и белорусы. А потом пригнали поляков и итальянцев. Американцы начали бомбить. Транспорт перестал ходить. Налеты стали все чаще и чаще. Самолетов тучи. Когда они летели, земля вокруг

дрожала. Образовавшиеся после бомб воронки быстро заполнились водой, столетние деревья переворачивались кверху корнями.

В том лагере было восемь бараков. Он значился рабочим. Обували на ноги деревянные колодки, надевали на нас черную одежду и загоняли на завод. Зимы там не было. Утром выпадет снег, к обеду уже расстаял.

Матери оставляли в лагере малых детей. Трех-двух лет и старше. Мне было уже девять, помогала маме, которой поручали их смотреть. Нужно было этих деток кормить, одевать, убирать за ними, ходить в столовую за зеленой баландой. Кормили один день шпинатом, второй – стельмаком. Стельмак это сурепица обыкновенная, несеченая, немытая, длинная. А в воскресенье кормили гнилой брюквой. Это был уже вкусный суп. Когда дети не ели, мама им говорила: кушайте, сегодня этот суп, а завтра сварят вкусного… Дети ее слушались, но все равно были очень худыми.

Еще давали лусточку хлеба, а на нее клали кусочек маргарина. И один кусочек сахара. Когда фронт стал приближаться, мы слышали, как гремели орудийные выстрелы, как били «катюши», но расстояние до них не уменьшалось.

Американцы начали бомбить почти постоянно. Превратили город в смесь кирпичей и ям. Когда начиналась бомбежка, сначала гудела предупредительная (редкие), а потом боевая тревога – частые гудки. Нужно было бежать в бомбоубежище, которое находилось за нашим бараком. В нем можно было спастись только от трассирующих пуль. Американцы обычно использовали «фугаски». Это такие небольшие бомбы в виде карандашей. Они горели и трещали. Если она упадет на рельс, то тот плавился. Если упадет в пяти метрах от человека, через два часа он умирал. Вот такое у них было оружие.

Бомбы сыпались, как дождь. Мы прятались в бомбоубежище и днем, и ночью. 31 мая в первой половине дня вся смена на заводе погибла, потому что люди не вместились в бомбоубежище и были хорошо видны американскому летчику. Осталась живая украинка Варя из Полтавы. А Полину Загрещенко из Витебска (Лучёсы) отбросило в сторону взрывной волной. К сожалению, она была уже не живая. Не повезло и Вале Матюшечкиной из Смоленска. Очень красивая девушка, с высокой такой прической. У нее был гвоздь в бедре. Положили в госпиталь, и мы ходили с мамой проведать. Встретила нас сидя на больничной постели. Больше мы ее не видели.

Та бомбежка принесла очень много горя. Например, у одной женщины погибли три дочки. Они ходили в одинаковых платьях в горошек – Надя, Вера и Люба. Фамилия их Борисевич. Мать потеряла сознание, и ее приводили в чувство водой из ведра. У Щегловых погибла мама, у них осталось двое деток Олечка (1941 года рождения) и Вовочка (1940 года рождения). А отец их остался жив, он был на второй смене. У Литвиновых погибла мама Ольга Алексеевна 1916 года рождения, и Мишенька остался сиротой. Остался сиротой и мальчик Коля. У него были родители артисты, очень красивые. От рождения он был немым. Когда шли с работы, он у проходной встречал маму, а ее уже не было в живых…

В кирпичной стене для нас сделали калитку, полицаи открывали ее только тогда, когда была боевая тревога. Пускали в многоэтажный бункер. Он находился примерно в 70 метрах от лагеря. Купол крыши у него был круглым. Когда падали бомбы, то отскакивали. Окон не было, только люк и маленькие отверстия для воздуха. Старики жили там постоянно, а нас запускали в кочегарку.

Когда в апреле 1945 года нас освобождали американцы, то они сперва с самолета сбросили десант. Шестнадцать человек. Наши ворота и открыли. Накор-

мили сухим пайком, построили в колонну. Почти все шли пешком, только самых маленьких сирот посадили в тачку от мусора. Ее использовал какой-то украинец – убирал в концлагере.

Потом нам сделали справки. Брали отпечатки пальцев и фотографировали. Предлагали переехать в Америку. Мама отказалась. Затем нас рассортировали и погрузили в машины, снабдили в дорогу коробками с сухим пайком и повезли через Эльбу. Металлический стационарный мост лежал в воде, переправляли по понтонному. Перевезли к русским войскам и распределили по поездам.

В Витебске жили мы у тети. Я окончила семь классов. Ходила в школу за четыре километра. Уроки делала на подоконнике. К столу, где стояла керосиновая лампа или свечка, по очереди ходили читать книжки. Очень хотели учиться.

В 1960 году вышла замуж и родила двух детей. Дочери сейчас сорок семь лет, а сыну сорок шесть.

КАЛАИДА (ФЕДОРЕНКО)
Галина Ивановна
1935 года рождения

Наша семья к началу войны жила в деревне Луговое Невельского района Великолукской области. До 1943 года немцы нас не трогали, но, решив уничтожить партизан, к ним отнесли и все мирное население. Начались облавы. В округе запылали деревни. Одна за другой, иногда вместе с людьми. Ворвались немцы и в наше Луговое. Сначала отделили молодежь, их увезли на машинах, потом объявили, что оставят в живых семьи тех, кто пойдет служить в полицию. Некоторые, чтобы спастись, согласились. Потом мы узнали, что, когда очень скоро Великолукскую область освободили, всех мужчин, которые остались в деревне и согласились (еще не служили!) пойти в полицию, расстреляли сотрудники НКВД.

А нас немцы погнали в Невель. Там посадили в два сарая - старики, дети, женщины. Утром на один из сараев полицай указал, как на партизанский, и его сожгли вместе с людьми. Наша семья была в другом. Всего восемь человек. Дедушка, бабушка, мама, папа и четверо маленьких детей. Младшему Коле был один год, а мне, самой старшей, восемь лет.

Из Невеля нас эшелоном повезли в Витебск. В лесу состав обстреляли советские самолеты. Поезд остановился, и все стали выпрыгивать из телятников. Пострадавших не было. Только в вагон с зерном угодил снаряд, и зерно рассыпалось по шпалам. Мы напихали его в карманы. Под этот шум многие сбежали в лес и не вернулись. С детьми далеко не убежишь…

Довезли нас до Витебска, а через несколько дней отправили в Слуцкий лагерь. Это было страшное место. Люди знают об ужасах Бухенвальда, Освенцима, Дахау, Саласпилса. Слуцкий лагерь смерти стоит с ними в одном ряду. Там не было крематория. Зато были огромные ямы рядом с лагерем, в которые ежедневно сбрасывали сотни тел замученных голодом людей. Не знаю, сколько людей было там загублено (да и кто может это знать), но тот лагерь я до сих пор вспоминаю с содроганием.

Когда нас туда привезли, в лагере свирепствовали тиф, голод и вши. Очень скоро заболели и мы. Младший брат Коля умер, а мы выжили. Мама выползала в лаз под проволокой и ходила в окрестные села. Люди давали кусочки хлеба, картофелины или морковку, и она приносила их нам. Очень рисковала. Полицаи, если ловили пленниц за территорией лагеря, издевались над ними, а иногда и забивали до

смерти. Отец не мог никуда пойти, потому что мужчин расстреливали на месте.

Наверное, и мы оказались бы в тех ямах, но нас перевезли в Поставы. Это и стало спасением. Местное население приносило еду. Здесь жили единоличными хозяйствами, и люди не обнищали, как в наших краях. В Поставах мы могли свободно ходить и просить еду. Детям никогда не отказывали. И часто местные женщины приносили нам супы, кашу, молоко. А когда кто-то дал нашей маме меду в сотах, я помню, спрашивала старших, что это такое? За войну забыла, что бывает нормальная еда.

Из Постав нас перевезли в Шарковщину и раздали по хозяйствам. Нас взял хозяин из деревни Дубовка по фамилии Гридюшко. Здесь и встретили Советскую Армию. Больших боев не было. Мы стали свободными.

Обратно домой не поехали, решили остаться. Привыкли к этой земле, прижились. Я училась в школе. Потом работала на кирпичном заводе. Есть дети, внуки. И война уже забылась, стерлись те события в памяти, но воспоминания о месяцах, проведенных в Слуцком лагере, неизгладимы. Никогда и никому об этом вслух не рассказывала. Слишком страшно и больно. До сих пор…

КАРПОВА
Феклитина Зиновьевна
1936 года рождения

Где я сейчас живу, там и родилась. Выше нас стоял Австрийский конный полк. Австрийцы были расселены по частным домам. Где более удобно, там они и жили. Это было лето 1943года. До этого времени нас не трогали. Хотя один раз чуть не расстреляли. Случилось это до того, как мы попали в «5-й Полк».

В нашем доме жили четыре австрийских офицера. Раньше дома были на две половины. Они открывали окна и уходили, а на столе как ели, так все и оставляли. Никогда не убирали за собой. А кот забирался туда и «хозяйничал». Австрийцы решили, что это делали мы, то есть дети. Нас было трое. Однажды зашли на нашу половину и один (он хорошо по-русски разговаривал) говорит: «Матка, твои киндер шайзе. Если еще раз туда пойдут, всем будет «пук-пук». Мама встала перед ними на колени. Давай просить. Она знала, что мы туда ни ходили.

Наверное, нам нужно было остаться живыми. Утром следующего дня они все ушли, а один что-то забыл дома. Вернулся, открыл дверь, а на столе «хозяйничает» кот. Он за этим котом бегал по всей улице. Даже из пистолета стрелял. Но где там кота поймаешь… Так ангел-хранитель нас спас.

Через некоторое время ночью услышали самолетный гул. В районе кладбища полетели ракеты. Видимо, наши подпольщики так указывали цели. Самолеты (советские, конечно) начали бомбить. Одна бомба попала в наш двор. Все снесло с лица земли. Как корова языком слизала. После бомбежки всех собрали в «5-й Полк».

Очень часто туда гнали военнопленных. Мы им раскладывали по откосам свеклу и морковь. У кого, что было. Один раз я замешкалась и не успела все разложить. Немец увидел это и давай по мне строчить из автомата. А там ямка какая-то была. В нее и упала. Пули просвистели над головой.

Взрослые всегда готовили побольше еды (у кого, что было) и нам поручали нести к «5-му Полку». Их не пускали, а детей не трогали.

Запомнился какой-то белокурый мужчина с голубыми глазами. Очень был приятный человек. По сегодняшний день перед глазах стоит. Всегда приносила ему еду.

Расстреливали их всегда к вечеру, а хоронили там, где сейчас стоит овощной магазин и церквушка рядом. Дальше - здание в несколько этажей. Оно стоит на человеческих костях. Мама один раз взяла меня с собой, и мы видели, что земля ходит ходуном. Больше она меня не брала с собой никогда.

Знаю, что несколько человек даже спасли. Мама рассказывала, как она с кем-то пришла и видит – в земле рука шевелится. Солдата вытащили, переодели.

Пробыли мы в лагере все лето и зиму. Я простудила уши и потеряла слух. Помню, как какой-то немец схватил меня за ногу и швырнул в сугроб. Может, сделала ему что. По сегодняшний день болит колено.

В «5-м Полку» было четыре больших барака. Каждый разделен пополам, получалось восемь. Вход был с двух сторон. Масса народу. Родителей выгоняли на работу. Что они делали, не знаю, но, когда возвращались в барак, были выжатыми, как сок с лимона. Ели картошку, свеклу, репу. Кормили два раза в день. Тем, кто жил рядом, некоторые соседи приносили кое-что поесть. А так еда была никудышней.

Холод страшный. Кругом колючая проволока. Стояли вышки, на них немцы с автоматами.

Не хватало воды. Хорошо, что там ниже был обнесенный колючей проволокой родник. Можно было хоть водички набрать. Страшно вспоминать.

Я собственными глазами видела, как возле каланчи наших партизан вешали. Как евреев топили в речке напротив ресторана «Двина». Немцы плавали по ней в лодках, и, если кто-то пытался спастись, били веслами. Такого ужаса не видели даже фронтовики.

И еще. Пока наших полицаев не было, жили сносно. А как они появились, стало невозможно. Полицаи издевались над нашими людьми, больше, чем немцы. Это даже один из тех австрийцев заметил.

У моего брата были голуби. Видимо, один очень ценный. Однажды к нам пришел полицай и попросил его отдать. Брат отказался. Полицай молча ушел, потом вернулся, забрался на чердак и всем голубям оторвал головы. Если им даже птицы мешали, то о людях не может быть и речи.

Весной 1944 года нас погрузили в вагоны и повезли в сторону Полоцка. Между Шумилино и Ловшей советские самолеты разбомбили железнодорожные пути. Несмотря на красные кресты на вагонах, они строчили из пулеметов, погибло много людей. Естественно, никуда дальше не поехали. Рядом была деревня Прыгуново. Там и дождались освобождения.

Когда освободили Витебск, сразу же сюда вернулись. Ничего у нас не было. Добрые люди кое-чем поделились. Благо, такие были, есть и будут всегда.

Хорошо, что на кладбище была сторожка. Там и поселились. Потом из бункеров построили себе дом. Жили в нём, пока не встали на ноги.

В ту войну у меня погибли два дяди и двоюродный брат. Родной, правда, раненый пришел. Папа очень больным был. В 1947 году он умер. Мама «подняла» троих детей. Выросли все нормальными. Не добились, так сказать, высоких должностей, однако рабочими были хорошими. От власти было только одно нарекание. Когда мой средний брат работал на заводе имени Кирова, он на 10 минут опоздал на работу. За это отсидел 6 месяцев в тюрьме. Суровыми раньше были законы.

Больно смотреть, как относятся сегодня к старым людям. Раньше такого не было, стариков уважали.

Молю Бога, чтобы наши дети, внуки, правнуки не видели такой страшной войны и страшной той разрухи.

КОВАЛЕВ
Родион Данилович
1934 года рождения

До войны я окончил первый класс. Всей семьей мы выкопали бункер, прятались там, когда начинались бомбежки и всякая стрельба. Дело в том, что рядом проходила линия фронта. Помню, как через наш поселок ехали немецкие войска. Конечно, было тяжело. Голод, холод, страх. У нас был поросенок. Пришли немцы, закололи его, а нам с пятилетней сестрой дали по «Бом-Бому». Были такие конфеты.

Чтобы как-то прокормиться, жители Бителёво ходили в Чепино, где были сгоревшие склады. Приносили оттуда все, что удалось найти. Один раз отец принес семена клевера. Попытались сделать из них хлеб, не получилось.

Много было объявлений, в которых говорилось, что за содействие партизанам и прочим врагам рейха, наказание только одно – расстрел. Однако всех запугать не получалось. Мы тогда работали в Мишково. Смотрим, идет состав, а один вагон горит. Это витебские подпольщики засыпали в буксы песок. Часто приходили разные беженцы. Посторонних пускать в дома строго запрещалось, однако люди помогали им, как могли.

У нашей соседки родня жила в деревне Застаринье. Как-то приходит и почти с ужасом рассказывает: кругом немцы, идет война, а там прошел партизанский отряд, с красными лентами и песнями. Демонстративно и очень опасно.

Многие мужчины пошли в полицаи. Папу тоже уговаривали, но он все время отнекивался. Кроме этого, посылали копать немцам окопы. А это значило обязательное долгое расставание с семьей. Отец этого не хотел. Он был отличным валёнщиком. Свалял валенки и понес их бургомистру. И говорит: «Вот это вашей жене презент, вы только помогите, чтобы меня не забрали копать окопы». И бургомистр в ответ: «Ковалёв ты дома спрячься так, чтобы тебя никто не нашел». Так он и сделал. И, правда, пронесло.

Мой отец всегда считал: немцы придут и уйдут, а наш народ останется. Ко всему относился честно. Особенно к работе.

До войны он проработал 10 лет кладовщиком. И 20 лет – после. Дело ответственное. Прожил 96 лет. Вспоминаю о нем только хорошее. Благодаря его труду, мы выжили во время войны. Когда она почти кончилась, его призвали в армию. Никаких притеснений по поводу жизни «под немцами» не было, ибо до войны у него был «белый билет».

В 1943, кажется, пришел к нам староста и приказал собираться в эвакуацию. Дескать, бежать нам некуда – кругом немцы. Тогда у нас была корова Малина. Большая такая. Папа запряг ее (он приучил животное тягать плуг и телегу), мы погрузили свои вещи, сели сами и поехали в Витебск, в заразные бараки. Там переночевали. Утром люди стали выходить на улицу и увидели, что никто нас не охраняет. Пошли на 10-ую Полоцкую. Там жил дядя Афанасий, троюродный брат моего отца. Остановились у него на всю зиму. Потом вернулись домой.

Ближе к весне 1944 года всех бителёвцев стали собирать в кучу. Было слышно, как голосили люди и орали полицаи. Кого-то избивали до крови. Затем большой обоз погнали в «5-й Полк». Подробностей помню мало, только нары. Бывших солдат содержали отдельно от гражданских и условия у них были гораздо хуже. Мы с мамой носили нашим военнопленным какую-то еду, а немцы грозили оружием и не подпускали близко. Но мы все равно умудрялись что-то передать. Содержали

их очень плохо. Мне запомнилась одна лужа: вся трава вокруг поедена, прямо из нее солдаты пили грязную воду. За сережки и золотые кольца женщины, привезенные в лагерь из Бителёво, иногда их выменивали, брали к себе и таким образом спасали жизни.

Когда нас гнали на вокзал, мимо проходила колонна русских военнопленных. Очень ослабевшие. Один упал в изнеможении, и немец его тут же сразу пристрелил.

У некоторых брали кровь, но нас Господь Бог миловал. Моя мама в районе «5-го Полка» ходила через поле и видела, как детей, женщин и стариков ставили у края ямы и расстреливали. Говорила: волосы дыбом становятся от такого ужаса. И так каждый день. Я помню с «5-го Полка» зимой замерзших, как кочерыжки, военнопленных грузили на санки, везли в ров и там закапывали. Мы рядом жили. Очень хорошо было видно и слышно, как каждый день кого-то расстреливают. Однажды советский самолет сбросил бомбы и сделал штук семь воронок. Немцы все заполнили трупами. Теперь там построены гаражи. Нехорошее это место. «5-й Полк» был самым настоящим лагерем смерти.

Пробыли мы там недолго. Затем была железнодорожная станция и товарные вагоны. Закрыли и повезли неизвестно куда. Несколько лагерей проезжали, помоему, это была Пруссия. Видел, как дымились печки. Говорили: там в крематориях сжигают людей. Затем нам провели санобработку, остригли всех наголо, потом смазали каким-то дегтем голову, руки, ноги. В бане дали по маленькому кусочку мыла. Мы думали – конец, но, слава Богу, остались живы. Потом опять были вагоны. Повезли дальше. Через Польшу Румынию, через альпийские горы – в Австрию. Попали к пану Бугатынскому, он был фабрикантом в городе Граце. Своей земли у него не было, и он посылал моих родителей работать к соседям. Австрийцы нас не обижали: они люди хорошие. Были там и мадьяры, и хорваты. Помню, был хорват, который нам очень помогал. Он был в плену в России и немножко умел разговаривать по-русски.

В 1945 году нас освободила Советская Армия. Радость была до слез, обнимались, целовались. Папа попросил соседей, и они отвезли нас на станцию. Его забрали в армию, а мы вернулись в Беларусь. Дома было, конечно, трудно и голодно. Мама ходила на работу. Косила и пахала. Мужчин не было, женщины тягали на себе плуги.

Вот такая жизнь.

КОВАЛЕВА
Анна Матвеевна

Я хочу рассказать о своем детстве. До войны я почти ничего не помню. Когда началась война, ходила в садик.

Это было воскресенье, мама с отцом пошла на базар, мы остались дома. В это время по радио сообщили о том, что напали фашисты. Город стали бомбить немецкие самолеты и обстреливать его. Поднялась паника, люди с мешками метались по городу. Мы стали собираться уезжать из города. Но до вокзала не дошли. Немцы обстреляли с самолета, и состав наш сгорел.

Вернулись дамой. Дом наш тоже горит, и вся улица в огне. Куда идти, не знаем. Жили мы возле Двины, и мама нас ввела в речку подальше от берега, чтобы мы не сгорели и не задохнулись от гари. Горел весь город. Мы стояли до тех пор, пока не кончился пожар. Только мы вышли из воды, показались немецкие мотоциклисты.

Всех, кто остался жив, взрослых и детей, собрали вместе и погнали в Тирасполь. Нам сказали, что начнутся бои с отступающими частями, и вы будете им мешать. Так закончилось мое счастливое детство, и наступило другое детство – «хождение по мукам».

Начался голод, магазины не работали, света не было, кругом сновали голодные люди, рылись в пепелищах. Мы вырыли землянку и стали в ней жить. Мама ходила по деревням, чтобы прокормить нас, меняла одежду на еду. Я, брат и сестра сидели дома. По ночам бомбили самолеты. Однажды засыпало землей. Мама нас постоянно куда-нибудь прятала. Но однажды нас немцы нашли и вывезли в концлагерь «5-й Полк». Поместили в бараки. Там были двухъярусные нары, на которых мы и сидели. Не разрешалось ходить по территории. Сколько там прожили, я не помню, но мы были в зимней одежде.

Однажды немцы подогнали к баракам машины, погрузили нас и повезли на вокзал. Там загнали в товарные вагоны. Нас было очень много, стоять было негде, закрыли и повезли, неизвестно куда. Потом нас высадили и гоняли по лесам. Мы были голодные, изможденные. Идти не было сил. Что было с собой, побросали по дороге. Кто отставал, расстреливали на месте. Так мы дошли до какого-то леса. Большая территория была обнесена колючей проволокой, здесь находилось болото. Это был лагерь под открытом небом.

Люди сидели и ждали смерти. Умирали, как мухи, от голода и холода. Бабушка моя уже не вставала, она лежала на холодной земле. Так и умерла. Мама все время молилась Богу, просила спасения, у нее была икона Божьей матери. И однажды случилось чудо. К нам в лес пришли разведчики и сказали, чтобы мы выбирались из этого проклятого леса, только чтобы мы шли по узенькой дорожке, которую они разминировали. Люди плакали, целовали освободителей. Потом нас накормили, «обшили» и повезли в тыл, так как Витебск еще был занят немцами.

В тылу я заболела тифом в тяжелой форме, не могла ходить. Но, слава богу, выжила и дожила до наших дней. Никогда не забуду, что я пережила в детстве.

КОВАЛЕВСКАЯ (БРУЕВА) Нина Федоровна 1935 года рождения

Родилась я 22 апреля 1935 года в деревне Белыновичи. В семье было 5 детей. До войны мы имели свой большой дом, хозяйственные постройки. В хозяйстве было много животных, большой сад. Отец был музыкантом, поэтому в доме находилось много музыкальных инструментов. Когда началась война, фашисты заняли нашу деревню. В нашем доме оборудовали прачечную, а нас выгнали в хлев, где раньше находился скот. Немцы всех животных забрали. Нам для пропитания ничего не осталось.

Маму заставили стирать белье. Отец и его брат Иван, который был инвалидом, возили и пилили дрова. Мы, малые дети, носили и складывали их на улице. Вырубили весь наш огромный сад. А за этим «порядком» все время наблюдали немцы, если что не так, то били отца. За работу нам давали небольшое количество еды, оставшейся после их обеда.

Наша деревня находилась около леса и считалась партизанской зоной. Если немцы подозревали связь с партизанами, сгоняли жителей деревни и расстреливали. Перед казнью сами себе копали могилу.

В ноябре 1943 года всех оставшихся в живых жителей согнали в одно место и

погнали пешком в сторону Витебска. Гнали как скот. Взять с собой ничего не разрешили. Так мы всей семьей попали в лагерь «5-го Полк». Моего отца и его брата фашисты расстреляли в лагере в 1944 году.

В лагере мы были до мая 1944 года. Затем нас загрузили в вагоны и отправили, неизвестно куда. Оказались в пересыльном лагере «Крынки». В июне 1944 года войска Красной Армии нас освободили.

После освобождения мы (мама и четверо детей) вернулись в родную деревню. Вся деревня и наш дом, в том числе, были сожжены. Мы поселились в бункере, который остался от немцев. Жителей в деревне не было, разъехались, кто куда. Нам пришлось голодать, попрошайничать, не было одежды, обуви. В бункере солома служила кроватью и одеялом. В школу мы не ходили, так как нечего было обуть и одеть, остались малограмотными. А сестра Анастасия вообще не умеет читать и писать, все время болела.

В 1946 году мы вынуждены были оставить свою деревню и уехать в Литву, чтобы найти там пристанище и кусок хлеба. В 1950 году снова вернулись на свою родину, только не в деревню Белыновичи, а рядом, в деревню Сеньково.

КОЗЛОВСКАЯ (ШИШКОВА) Валентина Ефимовна 1924 года рождения

До войны мы жили в деревне Павловичи Поставского района. Мне было 18 лет. Я только что вышла замуж, когда в нашу деревню нагрянули фашисты. В то лето (1943 год) они сожгли шесть деревень в округе - наша была седьмой. Кого поймали во время облавы, погнали в Воропаево, и нас с мужем тоже. Из Воропаево перевезли поездом в Глубокое. Там мы несколько дней ждали расстрела. Никто не давал ни есть, ни пить. Что имели с собой, съели и выпили. Воду брали их рытвин и луж. Местные подходили к пленникам и бросали хлеб. Расстреливать нас не стали. Погрузили в вагоны и повезли дальше. Из нашей семьи ехали трое: мама, мой муж и я.

Выгрузили пленников в Бранденбурге. Загнали в лагерь. Работать гоняли ежедневно. Не было ни выходных, ни праздников. Мы с мужем работали в цехе по изготовлению зениток, а мама в плавильном цехе. Ей было особенно трудно, но поменяться со мной она не согласилась. Сказать, что над нами издевались, не могу, но голод мучил постоянно. Если удавалось добыть картофелин, то это был праздник. Муж поддерживал меня как мог. Если бы не эта взаимовыручка, не знаю, как бы мы выжили. Да иначе и нельзя было. Молились, ждали своих. Да и немцы не скрывали, что войну проигрывают. Счастья она им не принесла.

Как-то в апреле 1945 года выдали нам паек и отпустили прятаться. Сказали, что будут бои и что завтра сюда придут русские. Так и получилось. Только с одной стороны пришли русские солдаты, а с другой американцы.

Домой ехали, не замечая невзгод. Терпеливо ждали составов на Беларусь, шли пешком, питались, как попало. В Бресте допрашивал офицер НКВД и дал распоряжение моему мужу явиться через 18 дней в часть. Потом нам выделили лошадь, и мы поехали дальше. 9 мая приехали в Гродно и вместе со всеми радовались победе. Мужа моего в армию не забрали. Оставили, потому что война закончилась. Ну а потом мы отправились в родные места.

Самой большой радостью для меня стало рождение сына. Он родился не узником, а свободным человеком, на Родине, в июне 1945 года.

Сначала мы работали в колхозе и жили в деревне, а потом переехали в Шарковщину. Родились еще двое детей. Обжились, растили детишек, работали. Словом, все как у всех. А сейчас уже и внуки выросли, и правнуки есть. Скоро ожидаем еще одного. Молюсь, чтобы у внуков и правнуков наших в жизни никогда не было войны. Все остальное пережить можно.

КОЛОСОВА
Елена Ефимовна
1930 года рождения

Сама я со Смоленщины, из-под города Велиж. Там проходила передовая. Город четыре раза переходил из рук в руки. Погибло очень много людей. И наших, и немцев.

Деревню нашу всю разбомбили. Мы остались живы, только благодаря тому что жили возле леса. А кто жил в начале деревни (и беженцы) все погибли.

Нас немцы «эвакуировали» в Беларусь. Мне было только двенадцать лет, но я уже была рослой и сильной. Во всем помогала маме. И лен поднимала, и клюкву собирала, и заготавливала для сдачи кору лозы. Смоленщина всегда была очень бедной.

У немцев в лесу было две кухни. Туда меня и забрали. Работали там пять девчат, я самая младшая. Двое чистили картошку на одной, трое были на другой кухне. Повар был пожилым, называл нас дочками. Когда выпадало меньше картошки, то мы штопали немецкие носки или штаны. Жили в подземных бункерах.

Потом немцы начали отступать, и нас забрали с собой - гнать коров. Прошли километров сорок, в районе Бабинич стали попадаться стога сена. Коровы начали его есть. К осени дело было. Вокруг - партизанщина. Дошли почти до Витебска. Видим, рядом нет ни одного немца – сильно они боялись партизан, и где-то в два часа ночи мы убежали.

За Суражем я встретила маму с братом. Мы с ним близнецы. Мама сказала, что там, где они были беженцами, их всех немцы собрали и погнали в сторону Витебска. Я решила идти с ними. Вскоре подъехали две машины. Людей уже было много. Немцы отобрали одних детей, посадили в машины и повезли в Минск.

В памяти остался только лагерь и еврейское кладбище. Еще помню двухэтажное здание, обтянутое колючей проволокой. Детский плач. Родителей с нами нет. Из еды давали только булку хлеба на неделю. И больше ничего. Позже машины вернулись и забрали всех оставшихся. Так я вновь встретилась с мамой.

В Минске нас загрузили в «телятники». Ехали долго. Поезд двигался то в одну сторону, то в другую. Однажды он остановился у кучи сахарных бураков. В нашем вагоне была печка-буржуйка, на ней их и варили.

Привезли в Австрию, в Вену. Разместили на голых нарах. В основном были люди из Ленинградской, Смоленской и Рязанской областей. Пробыли мы там около месяца. В обед давали похлебку из редьки и какой-то шелухи. Слабые умирали. Не знаю, куда их потом девали.

Площадка в лагере была большой, как стадион. Однажды всех построили и отсортировали. В одну сторону - малые дети, в другую – большие. Со мной рядом оказалась и моя старшая сестра, на тот момент у неё было трое малых детей. Когда проходила сортировка, то их поставили отдельно от нас. Помню, сестра очень плакала.

Позже она заболела тифом и умерла. Ее детей немцы распределили по хозяе-

вам, а когда война кончилась, то их определили в детдом.

Нас посадили в легковую машину (маму, брата и меня) и привезли в столовую. Все были очень худыми, а работа по разгрузке продуктов предстояла тяжелая. Словом, нас опять вернули в лагерь. Там уже не было ни одной живой души, всех разобрали будущие хозяева. Я начала плакать, а мама нет. Сидим и не знаем, какой будет конец. Смотрим, идут двое. Позднее выяснилось, что это наш хозяин и чех, который был у него работником. Нас снова забрали и повезли на трамвае. Привез хозяин к себе домой, а у нас – чесотка, вши, Как они не побрезговали?!

Дом был большим, многоэтажным, со стеклянным лифтом. Работники занимали целый этаж. Кроме этого у хозяина было еще и кафе. Оно размещалось рядом и работало круглосуточно. Меня и маму определили там мыть посуду. Меня - с пяти часов утра и до двух часов дня, а мама работала с двух часов дня до трех часов ночи.

Не буду врать, относились к нам нормально. Некоторые рабочие даже полюбили. А одна фрау (она была бездетной) попросила, чтобы мама меня ей отдала. Ну, разве мать отдаст свое дитя!

У хозяина было еще одно дело. Это предприятие, где памятники изготовливают и венки. Мой брат помогал там одному рабочему в кочегарке. Конечно, нам было полегче, чем тем, кто попал на заводы. Хотя бы не голодали.

Например, одна немка любила выпекать все кондитерское, и я ей очень понравилась. Всегда мне булочку сделает. Честно говоря, я даже поправилась.

Пробыли там полтора года, пока не освободили наши. Война кончилась 9 мая, а 10 мы уже выехали, и лишь 11 июня мы попали домой.

… Долго были на перроне, все с «клумками» и торбами. В «телятниках» нас довезли до границы, а там пересадка была. Не хочется это вспоминать, но людей запихивали в вагоны, как селедку в бочки. Советские солдаты отбирали многие вещи, то есть банально грабили. Довезли до Рослова, а до Витебска каждый добирался уже сам по себе.

КОТОВА
Ефросинья Александровна
1931 года рождения

Вначале забрали мамину старшую сестру. Поначалу мы не знали, куда, а вскоре и сами оказались в «5-ом Полку». Нас привезли туда на машинах Мама, конечно, могла работать, а я, естественно, нет. Моя младшая сестра тем более. Она еще младше, с 1932 года рождения. Это и стало причиной того, что пробыли мы там очень мало. Было очевидно, что для угона в Германию не подходим. Подогнали телеги. Наверное, март еще был, потому что лежал снег, но уже начинал таять. Пригнали людей из деревень Зайцево, Ляхи, Дымовщина. Может, и из поселка Бителёво были. Остальных подбирали по пути. Погнали в сторону Бешенкович. Ехали только дети. Напротив деревни Хотиничи, перед самой Двиной, был деревянный мост. У него и заночевали. Разожги костер. Спали прямо на подводах. К слову, наша была запряжена конем женщины, которая когда-то жила в нашем доме. На нее мы погрузили все, что взяли с собой. Из еды какие-то сухари и несколько бульбинок. После ночевки среди охранников появился жандарм. Вторая ночь была в деревне Озерки, это перед Бешенковичами. Мороз был большой. Многие спали в сараях, а утром увидели, что оставленные на подводах вещи, украдены. Собрали все, что осталось. В этом момент подогнали машины и начали нас грузить. Много

машин. Семьи тогда были большими – пять, семь детей.

С нами вместе попала семья Романовых из деревни Лесовые. Их отца призвали в Красную Армию, но попасть в нее он не успел. Военкомат призвал, а к назначенному месту они шли пешком. Где-то под Невелем их догнали немцы. Велели возвращаться домой.

Там заставили работать. Для того, чтобы отеплять Витебск, нужен был торф. Его они и заготавливали.

Глава семейства Романовых был на нашей машине. Когда через речку проезжали деревню Верховье, одна машина прошла, а сразу за ней сломался мост. Остальные ехать дальше не могли. Высадили нас прямо на снег. Сидели там почти до самого вечера. Потом пригнали несколько подвод.

Как только мы въехали в Малую Выдрень, сразу началась стрельба. Партизаны, наверное. Немцы нас выгрузили прямо на снег. «Освободители» собрали в одну кучу все наши торбочки и забрали все, что им было нужно: нитки, соль и т.д. День-другой прожили у одной женщины, потом какой-то староста расселил нас по хатам. Вскоре всех освободила Красная Армия.

КОЧЕРГИН
Геннадий Иванович
1931 года рождения

Дедушка мой был потомственный железнодорожник. Знал грамоту, даже работал в канцелярии. Умер в 1914 году, похоронен был на Михайловском кладбище, которое при Советской власти снесли и построили Орловский парк. Деда перезахоронили на Старо-Семёновское. Бабушка на железной дороге работала проводницей. Я с ней жил до войны, так как моего отца в 1937 году репрессировали и сослали на Колыму. А мать умерла в 1933 году, тогда мне было только два года.

Когда немцы входили в Витебск, бабушку убило, соседи ее похоронили прямо в огороде. Меня определили в детский дом (киндергайм), который находился по улице Фрунзе, и я там был до 1943 года.

Иногда приходил на улицу Подгорную, где жила моя московская тетя. Она с сыном Юрой приехала отдыхать к бабке (сад у нас был очень красивый), но не успела уехать назад. До самого прихода немцев каждый день ходила на вокзал. В вагоны грузились партийные и советские работники, со всей своей мебелью. Ей попасть туда было невозможно. Только восьмого числа погрузилась в «телятник» и доехала до Рудни, где их разбомбили. Бомба попала в вагоны, всех поразорвало. Ей, правда, посчастливилось выжить. Пешком вернулась в Витебск. Она работала у русских парбригад, какую-то баланду им варила. А мы с ребятами шастали в вагонном парке. Открываешь вагон, а там немецкие мешки с орлами. Разрезаем, насыпаем себе овса и везем его молоть в Гришаны. Помню, зимой на саночках возили. Из этой муки потом варили кисель. Двоюродный брат говорит, что и сейчас, как вспомнит об этом пойле, то его сразу тошнит. Закормил я их этим киселем.

Хоть и детьми были, но немцев ненавидели по-взрослому. Немецкие офицеры в самом начале войны еще ездили к себе на Родину в отпуск. Вагоны были мягкие. Поезд придет, они выгрузятся, а мы бритвами плюш порежем, занавески. Чтоб хоть как-то навредить. И песок тайком в буксы засыпали. Ходили в Теплый лес, искали партизан, хотели у них магнитных мин достать. Часто, открывая вагоны, мы видели там ящики со снарядами и бомбами, вот и хотели устроить фейерверк. Только партизан мы не нашли.

Помню, один раз принес пересыпанные нафталином свиные шкуры. Тетка их осмолила, вымыла кипятком и сварила холодец. Крепкий такой, правда, нафталином попахивал. Но все равно вкусно было. Еще я ездил к эшелонам в Богушевск. Там возле переезда скорость малая. Мы на ходу цепляемся на платформы. Залезаем под брезент, а там – хлеб, консервы, одеяла, валенки сапоги, ботинки. Набиваем мешки и тихонько лежим. Поезд остановится, патруль ходит. Если бы нашли, то расстреляли бы сразу. Возле моста – стрелки, скорость замедляется, сбрасываем свои мешки и возвращаемся через поселок Красный Октябрь. А в детдоме дети пухли от голода, варили там щавель, какой-то с крапивой. Тому, кто, как я, часто сбегал из детдома, в наказание давали пять палок или оставляли без ужина. А что мне тот ужин, если я больше добуду воровством.

Осенью наш киндергайм стали вывозить, и я оттуда опять сбежал. Тетка жила в Витебске, на улице Подгорной. У нее и перезимовал.

Весной 1944 года власти объявили тотальную эвакуацию всех мирных граждан. В парке поставили вагоны и приказали всем загружаться. Иначе после определенного числа все, кто останется, будут вне закона и направлены в лагерь «5-й Полк». Тетя предложила мне ехать. Она с семилетним сыном и соседками так и сделала, а я остался в Витебске. Выкопал себе в горелом доме яму и думал там пересидеть, но случилось несчастье – у меня оторвало пальцы руки. Вынужден был обратиться в немецкий военный госпиталь, где мне сделали перевязку. Он находился возле костела, около Полоцкого рынка.

Вскоре немцы и полицаи стали ездить по городу на машинах и с овчарками искали в подвалах, на чердаках людей, которые не поехали в «эвакуацию». Силой доставляли их в «5-й Полк», а затем группами отправляли в Германию или куда-то еще. Когда шел по улице (было это в мае), возле меня остановилась эта машина, забросили в кузов и отправили в «5-й Полк». Собрать большую группу они уже не успели, где-то 118 человек. У нас был только один барак, охраняли его всего человек восемь немцев и один полицай. Мы там находились до 26 июня, когда началась операция «Багратион».

Что я еще помню по «5-му Полку»? Это лагерь, как сейчас говорят, пересыльный. Там было много наших пленных солдат. Их и убивали, и с голода они умирали. Сразу охраняло не СД, а солдаты вермахта. Немцы очень любили кур и яйца, и местные женщины за них выкупали пленных. Многих так спасли. А потом, когда пленных там не стало, присылать в лагерь начали подпольщиков, партизанские семьи из Витебска и области. Потом их увозили в Германию, в концлагеря.

В «5-ом Полку» был в лагере пруд с карасями, и один полицай их ловил. Как-то корзину с ними он оставил на ночь. Мы с двоюродным братом Леней тайком набрали полтора ведра. Утром все выяснилось. Чуть не расстреляли, но женщины начали громко голосить, и мы отделались только плетками.

В лагере варили какую-то баланду из сладких бураков.

… Разведчики освободили нас ранним утром. Разрезали проволоку, проникли в лагерь и приказали быстро его покинуть. Дескать, скоро здесь будет бой. Посоветовали выходить к Городокскому шоссе в районе магазина «Луч». Туда и направились.

Над нашими головами пролетали снаряды, с Городокского шоссе немецкое орудие стреляло по советским войскам, которые сюда двигались от поселка Тирасполь. А оттуда стреляли уже советские гаубицы. Шли по обочине дороги, видели много колонн пленных, вокруг лежали убитые, наши и немцы. В Тирасполе мы пробыли дней пять, пока зачищали Витебск.

После освобождения Витебска возле облисполкома разбирали взорванный кирпичный дом, и я увидел молодого пленного немца из нашей охраны. Так что далеко они не ушли.

В лагере я был со второй своей тетей, у нее потом и жил. Пять раз ездили в Восточную Пруссию за трофеями, так как еще шла война. Первым проложил туда дорогу я, а потом меня сопровождали все подростки нашей улицы. Затем ездил с женщинами в Западную Беларусь за хлебом.

В 1948 году мне было семнадцать лет, и друзья отца, которые знали его по депо, определили работать в депо кочегаром. От тети я ушел в общежитие, а в 1954 году пошел служить в армию. Служил в Свердловске, на военном паровозе был помощником машиниста. В 1957 уволился в запас. В 1959 на Новый год женился на Нонне Петровне, имею двоих детей Светлану и Юрия.

Активно участвовал в художественной самодеятельности, затем привлек туда и жену, в Народный театр при Дворце культуры железнодорожников.

После армии учился в вечерней школе. Закончил семь классов и поступил заочно в первый Московский техникум железнодорожного транспорта. В 1964 году закончил. В 1962 побывал в Гомеле на курсах, потом стал работать машинистом. Вначале на грузовых поездах, затем на пассажирских. В 1986 году ушел на пенсию, однако еще пять лет работал на паровозе в Оболи. Когда в 1991 году «сократили» депо, я устроился на КИМ, в теплопункт, старшим по смене. Работал там до 2000 года. Вот такая, вкратце, моя биография.

КРАВЧЕНКО
Екатерина Федосеевна
1923 года рождения

Помню, когда началась война, я была комсомолкой. Нам сказали, что ожидается немецкий десант, мы должны брать грабли, вилы и идти их убивать. Полный бардак творился в головах: они с автоматами, а мы с граблями…

Когда несла шерсть на валенки, видела, как везли мертвых военнопленных. На санях они лежали, как дрова. Везли их в ров, где сейчас хотят что-то строить. Помню, мы с мамой насобирали огурцов. Она наварила какого-то супа. Взяли буханку хлеба (с картофельной шелухой) и отнесли пленным. Они, бедные, бегут, хватают, а немец одного застрелил прямо у нас на глазах. Я говорю маме, что больше туда не пойду - не вынесу увиденное. Так и было. А мама ходила туда еще несколько раз.

Нашу хату заняли немцы, а нас перегнали в другую. Много там собралось несколько семей. Когда приходили немцы, мы с одним мальчиком прятались в яму, куда ссыпали картошку, чтоб не угнали в Германию.

Однажды ночью к нам пришел с «5-го Полка» земляк. Он оттуда убежал и рассказывал страшные вещи. Если человек умирал, то его разрезали, вытаскивали сердце, легкие, печень. Надевали на палочки, разжигали на территории лагеря костер, немного жарили и ели.

Помню, гонят военнопленных. Они чуть идут. С двух сторон - немцы с автоматами и собаками. А там ранняя капуста. Ее срезали, выскочили маленькие «пасыночки». Они хватают и на ходу едят. Немцы стреляют. Гады! Зверье!

Отец мой был на фронте, а брат сгорел в танке, брату было всего 16 годков. Был механиком-водителем, а до этого в колхозе на тракторе работал. Может, всего неделю и провоевал-то. Его фотографию («пятиминутку») нам принес какой-то парень.

Я бы ни за что не разрешила строить гаражи и дома на месте «5-го Полка». Там столько людей лежит! По телевизору видела, как нашли могилу одного неизвестного солдата. Всего одного, а там лежат тысячи. Об этом знают все. Там же есть кости - всё видно. Я не понимаю, почему подобное разрешают вообще…

В Германию нас все-таки забрали. Посадили на телеги, привезли на вокзал и перегрузили в «телятники». Приехали в Польшу. Нас там помыли, сделали дезинфекцию, чтоб мы заразу какую не привезли, постригли, побрили. Чуть пошевелишься - плеткой. Один вагон отцепили, а нас повезли дальше. Привезли в одноэтажный лагерь Нидервольштдм. Низкий такой, как баня. Двухэтажные нары, на них лежат матрасы и подушки. Говорили, до нас там были французские военнопленные. На их место и вселили 120 семей.

Утром немец кричит: «Ауфштейн!». Выгоняют на работу. На железной дороге мы забивали какие-то железные «костыли». Отработали - и опять в лагерь. Двери закрываются, у входа всегда стоит немец с автоматом, чтоб никто не вышел.

Потом нас забрали на какое-то сельхозпредприятие. Там выращивали огурцы, капусту, помидоры. Есть давали картошку, фасоль и капусту. Одного человека отправляли с работы пораньше, варить всем еду. Собака там была большая. Мы должны были ее кормить. Все ели так: с одной стороны стола сидят немки, а с другой – русские. Раскладывают всем по две картошки и на четыре человека по одной буханке хлеба. Хлеб был белый, хороший. Освобождали нас американцы. Проснулись - белый флаг, ворота нараспашку. Потом перевезли к «бауэрам», и приказали нас нормально кормить и не заставлять работать. Пробыли там недели две, может, три. Потом перевезли в город Дрезден, где были наши. Вскоре приехали в Минск, затем в Витебск. А там уже - мой папа вернулся...

КРАВЧЕНОК (ВАСИЛЬЕВА)
Ирина Павловна

Мне было семь лет, когда начали падать немецкие бомбы, мы не знали, куда спрятаться. Город Витебск горел сплошным пламенем, стояла канонада, страшный свист от зениток. Было очень страшно, так как я уже знала, что если снаряд звенит, то он полетит дальше, но когда он «шумит», то упадет где-то рядом.

В семье было пятеро детей, от одного годика до пятнадцати. В марте 1944 года нашу семью, как и всех жителей поселка Бителёва, немцы отправили в концлагерь «5-й Полк». Там было семь бараков. Каждый отдельно огорожен колючей проводкой, а между ними ходили часовые с собаками.

В бараке были нары в три яруса. Кормили очень горькой, жидкой баландой раз в день. Многие заболели дизентерией. Не знаю, по какой причине, но нашу маму отделили и поселили во второй барак. Она видела нас, плачущих, но перейти было нельзя. Однажды она сняла с пальца золотое кольцо и отдала немцу, который нас охранял, и он разрешил перейти к нам. Это была огромная радость, такого не забыть!

А через три месяца много тысяч узников, на закрытых машинах, отвезли на вокзал и погрузили в товарные вагоны. В вагонах было много людей - можно было только стоять. Поезд дергался то взад, то вперед. Ехали очень долго. Когда поезд остановился, дали команду выгружаться без вещей. Мы вышли, а поезд поехал дальше, увозя наши узелки с сухарями.

Всех выстроили в большую колонну, отобрали паспорта, погнали по грязной дороге Это был очень трудный, 10-дневный путь. Рядом с нами шла женщина и

несла годовалую доченьку. Немец заметил, что ребенок уже мертв, схватил его за ножки и сильно ударил об дорогу, а плачущую мать избил резиновой плеткой.

Кто не мог идти, тех расстреливали на месте. Много людей осталось лежать на дороге. Наконец нас пригнали в очень сырой, большой лес, огражденный в несколько рядов колючей проволокой. Вокруг – охрана с собаками. У конвоиров на груди были железные знаки на цепочках в виде полумесяца.

В этом лесу было очень сыро. Мы оказались недалеко от ворот. Однажды немцы-конвоиры ходили по лесу и забирали мальчиков 13-14-ти лет на работу, но потом их всех расстреляли, сбросили в большую яму и заминировали уже мертвых. Потом их матери подорвались на этих минах.

А перед освобождением дали всем отравленный хлеб. Наша мама, когда увидела, как люди корчатся от боли, не дала нам его. И этим спасла от неминуемой смерти. В этом лесу мы находились примерно неделю. И за это время погибло около 4 тысяч человек.

Никогда не забуду страшный вой снарядов, когда фашисты начали артобстрел нашего лагеря. Деревья падали, крики, стоны умирающих людей. Заключенные бросились бежать, кто куда, но стали подрываться на минах. Очень много людей погибло.

Но вот появился первый советский разведчик, он был в плащ-накидке и со звездочкой на пилотке. Обезумевшие от страха люди обступили разведчика, и некоторые стали целовать его сапоги. Он объяснил нам, что вокруг все заминировано и только узкая тропинка разминирована и отмечена ветками. И люди пошли по узкой тропинке, если оступались, подрывались на минах. Я помню, как лежали розовые мозги и кусок черепа, а на проволоке висела детская ручка. Не приведи Господи, видеть такой ужас.

КРАСОЎСКІ
Сяргей Канстанцінавіч
1932 года нараджэння

Я назаўсёды запамятаў дзень 14 кастрычніка 1943 года.

Была раніца і такая цёплая, што здавалася, зноў вярнулася лета. І такім вось прыгожым, цёплым ранкам маю маленькую Радзіму, вёску Алашкаўшчына, што ў Шаркоўшчынскім раёне, акружыў фашысцкі карны атрад. А наўкол ужо было знішчана шмат "партызанскіх" вёсак разам з людзьмі. І адной з іх была вёска Кушталі, дзе ў пуні спалілі немцы зажыва людзей, сярод якіх быў і мой дзядуля. Думалі мы, што і нас чакае той жа лёс. Але не... Немцы сагналі людзей каля крыжаванкі і загадалі сабрацца праз дзве гадзіны, з сабой прапанавалі узяць адзенне і ежу. Загад ёсць загад. Плакалі жанчыны, хмурыліся мужчыны, але збіраліся. І пайшла калона людзей спачатку да вёскі Антанова, потым да горада Паставы. Побач ахоўнікі з карабінамі, ды з аўчаркамі-ваўкадавамі. Пасля Пастаў – Гадуцішкі, і на чацьвёртыя суткі прыйшлі на станцыю Лынтупы. І з усіх бакоў да чыгуначнай станцыі гналі калоны нявольнікаў. Мужчыны, жанчыны, дзеці, неслі нават груднічкоў. Пазаганялі ў "цялятнікі", хто не ішоў, падганялі прыкладамі. У адзінаццаць гадоў свет успрымаем непасрэдна з дзіцячай даверлівасцю. І я яшчэ не зусім тады разумеў, чаму плача мама, прыціскаючы да сябе мяне і малодшага брата, ён быў з 1935 году, але было трывожна.

Мы ўжо бачылі "нямецкі" парадак, калі ў вёску прыбіўся амаль звар'яцелы чалавек, які выскачыў з агню, калі навокал палілі вёскі з людзьмі. І хоць невялікі я

яшчэ быў, адзінаццаць год, не чакаў ад прымусовага “падарожжа” нічога добрага, разумеў адчай нашай мамы.

А эшалон праз некалькі дзён прывёз нас у прыгарад Берліна. Наш лагер называўся Чыльтоў. Дарослых ганялі на працу, на ваенны завод, а мы, дзятва, заставаліся ў бараках, старэйшыя прыглядалі за малымі. Мама працавалі прыбіральшчыцай. Ужо зіма падыходзіла, лістапад падыхаў халадамі, а барак з дошак няшчыльны, добра хоць адзежу з дому ўзялі, у ёй і спалі. І голад мучыў пастаянна. На нас з братам пайку хлеба давалі раз у два дні. Побач быў барак французкіх палонных. Ім дасылалі пасылкі. Мама, прыбіраючы, аглядала памыйніцы, знаходзіла абрэзанае шалупенне яблыкаў і прыносіла нам. А яшчэ ў барак яна варочалася, дзе была ссечаная капуста, і ў зямлі заставаліся качарыжкі. Мама нам іх прыносіла. Іншы раз па дзве, па тры нам з братам выходзіла, і мы іх грызлі, як зайцы. І смачна было, і не так голадна. Там мы прабылі толькі паўтара месяца, а потым разбамбілі і завод, і барак.

На шчасце, вязні засталіся жывыя. І ў канцы 1943 года нас перавезлі ў Францыю. Там, у лагеры недалёка ад Парыжа, мы прабылі амаль год. Але адкрылі другі фронт амерыканцы, і зноў нас перавезлі ў другі горад Страсбург, потым у Чэхаславакію. І ўсюды лагеры падобныя адзін да аднаго. Там сустрэлі перамогу і вызваленне. З 8 на 9 мая, ноччу, нам паведамілі, што мы свабодныя. І рушылі мы ў адваротным накірунку дадому. Спачатку ехалі на павозках. Памятаю назву гарадка – Ліза. А вось у якой краіне, забыўся. Там у нас коней забралі і выдалі маме дакументы. Ехалі пэўны час на амерыканскіх “студэбекерах”. Праз ушчэнт разбураны Дрэздэн, праз Польшчу і нарэшце дабраліся на Украіну. Паселак называўся Рудэ Права. У дарозе нам выдавалі нейкія харчы, крупы. Мама гатавала дзе на кастрышчы, дзе ў якой хаце. Але ўжо так, як у лагеры, не галадалі. У Рудэ Права нас спужалі, што зноў пачалася вайна. Але нейкі ваенны растлумачыў, што гэта вайна з Японіей, і яна не надоўга. Так і адбылося. Амерыканцы атамную бомбу скінулі, пэўна так адпомсцілі за Перл-Харбар. А мы - зноў у дарогу. На гэты раз на цягніку. У вагонах везлі рыдлёўкі, шуфлі, цвікі, малаткі для нямецкіх ваеннапалонных. Вось на гэтым інструменце мы і даехалі да Варапаева. А там ужо і родныя мясціны побач. Пешшу дайшлі. Пачалі абжывацца. Бацька мой інвалід быў і мне прыйшлося “галавой” сям’і стаць у 13 год. Вучыцца не атрымалася. Я тры разы “спробы” рабіў. Першы раз за Польскім часам у першы клас пайшоў. Палякі у 1939 годзе адышлі, школа зачынілася. Прыйшла савецкая ўлада, школа пачала працаваць, зноў ў першы клас мяне залічылі. А тут Вялікая Айчынная пачалася, два гады лічы ў лагерах жыў, вярнуўся дамоў, зноў у першы клас бяруць. А я на рост высокі, вышэйшы за настаўніцу ўжо. Ну, за год тры класы скончыў, і ўся вучоба. Сям’ю гадаваць трэба, ужо 15 год мне было, якая тут навука? Так мая адукацыя і скончылася. Спачатку ў калгасе працаваў, потым на экскаватаршчыка вывучыўся і 40 год адпрацаваў у міліярацыі. Аднойчы працаваў у Лынтупах, акурат там, дзе мы пагрузкі ў эшалон чакалі. Нахлынулі ўспаміны, нават рукі задрыжэлі, спыніў машыну, а ў памяці тыя падзеі, калі заганялі нас, як скаціну, ў вагоны. Вайна, яна страшная, бадай што нічога за яе страшнейшага няма. Смерць нясе, голад, калечыць лёсы людзей. Нельга пра гэта забываць, ніколі нельга, каб не паўтарылася.

КРЕК
Михаил Васильевич
1937 года рождения

Войну я встретил четырехлетним мальчишкой и особенно хорошо запомнил, как летели самолеты. Их было много и летели они низко над нашими головами. Тогда я еще не понимал, что такое бомбежка, разруха, пожары. Просто интересно было смотреть на больших стальных птиц. Боев возле нашей местности не было. Немцы захватили наши места без сопротивления со стороны русских. Да и нас в начале войны не трогали. Жила наша деревня Михайловское, это в Калинковическом р-не, Гомельской области, обычной жизнью. Убирали хлеб, копали картофель – словом готовились к зиме.

Но зимой 1943 года положение изменилось. В округе, в лесах, базировались партизаны, совершая диверсии против немцев. Немецкое командование решило создать в тылу «мертвую зону», чтобы уничтожить партизан и лишить их возможности опираться на местное население.

Стояла холодная осень, уже подмораживало, когда однажды увидели жители нашей деревни идущих цепью немцев. Это была облава. Все, кто мог, побежали в лес. И наша семья: мама, сестры, старший брат и я - тоже побежали вместе со всеми прятаться. Потом мы узнали, что недалеко от нашей деревни партизаны подорвали немецкую машину, и немцы решили уничтожить деревню. Все, кто мог, спрятались, в домах остались только старые люди. Немцы сожгли и наше Михайловское и оставшихся в нем беззащитных стариков.

С той поры мы стали жить в лесу. Мама сделала шалаш-курень из еловых веток. Внутри жгли костер, чтобы согреться. За продуктами ходили в сожженную деревню. Жители заранее закопали зерно и картошку с овощами. Бандиты, под видом партизан, отобрали у нас теплую одежду и сапоги. Я ходила в папиной телогрейке, рукава волочились по земле. В феврале 1943 года снова налетела немецкая облава. Мы с мамой побежали и в лесу набрели на лесничевку, небольшую старую хатку без окон. В ней мы стали жить. Но и здесь нашли нас немцы. Это было в начале марта 1944 года. Когда немцы зашли в лесничий домик, где мы прятались, мама на коленях просила не расстреливать нас. И мы уцелели. Немец дал всем нам конфет и повел к машине, одних, без мамы. И всех, кого поймали, усадили в машину, ждавшую у леса, и завезли в Азаричский лагерь. А утром к нам пришла наша мама, она узнала, что нас увезли в лагерь, и пришла сама. Лагерь был расположен на болоте.

Вокруг колючая проволока в два ряда, вышки с пулеметами, охрана с овчарками. Мама нашла купину, где не было воды и росла небольшая сосна. Обломала ветку и сделала навес из домотканого покрывала, которое принесла с собой. В этом шалаше, мы сидели, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. В лагере было много людей. Только потом мы узнали, что немцы специально заражали нас тифом и малярией, чтобы мы стали живым бактериологическим оружием. Они рассчитывали, что при освобождении, а фронт уже подходил к Калинкавичам, мы станем источником заражения армии русских. А пока мы сидели в лагере, тиф, малярия и голод уносили жизни тысяч людей. Тела складывались в кучи тут же на территории лагеря. Вши разносили болезни. Немцы к нам не приближались. Даже хлеб с опилками, который привозили два раза в неделю бросали как собакам из-за ограждения. Люди бросались к булкам, хвали их, отбирая друг от друга. Возникала свалка, кто оказывался внизу, затаптывали насмерть. А сверху немцы стреляли

по этой куче-малой. После этой «раздачи» хлеба оставались десятки мертвых тел. Наверное, все бы мы там остались навечно, но проснувшись однажды утром, обнаружили, что охрана исчезла.

А вскоре мы увидели и красноармейцев. Нам сказали, что мы свободны, но предупредили, что все вокруг заминировано, и надо ждать саперов.

Но некоторые попробовали выйти из лагеря и подорвались на минах.

На следующий день пришли саперы и по коридору, где были сняты мины, вывели на освобожденную территорию. Разместили нас у местных жителей. Жилых домов не хватало, поэтому мы размесились в сарае.

Прожив там немного, мы с мамой пошли в деревню Капличи, где жила наша тетка

Но везде было голодно, продуктов не хватало, и мама решила идти с нами домой. Пришли на пепелище. Туда уже возвращались уцелевшие жители.

Мы жили в землянке. Спали на самодельных соломенных матрасах. Есть было нечего, но нашей семье выделили немецкую корову. Она и стала нашей кормилицей и спасительницей.

Но самой большой радостью стало возвращение отца с фронта после победы. Не многим выпало такое счастье. Папа срубил небольшой дом. Он и сегодня еще стоит. И пока была жива мама, я ездил туда, в деревню, каждый год. Но только через много лет смог сходить к тому месту, где был Азаричский лагерь смерти. У дороги стоит мемориальный памятный знак, напоминая, что в том месте начиналась дорога к лагерю смерти, где было замучено двадцать тысяч людей.

А я после войны пошел в школу, потом поступил учиться в Минский лесотехнический техникум. Прямо из аудитории техникума, даже домой не разрешили съездить, забрали в армию и повезли на целину на уборку хлеба.

Демобилизовавшись, работал в разных местах, по окончанию прижился в городе Глубоком, куда направили меня работать главным механиком леспромхоза. С этой должности в 2001 году и ушел на пенсию. С женой вырастили детей, внуков. Десятилетия прошли после войны, и притупились, померкли воспоминания о войне. Но память о времени, проведенном в Азаричском лагере, не стирается, все так же ясно вижу болото, усеянное телами людей. Всего несколько недель пробыл я в Азаричском лагере, а пережитый ужас уже не забудется никогда.

КРОНСКАЯ
Олимпиада Ильинична
1932 года рождения

Хочу вспомнить годы Великой Отечественной войны. До войны мы жили в Витебске. Наша семья состояла из четырех человек: папа, мама, я и брат. Когда началась война, папа ушел на фронт. Витебск уже обстреливали (так близко был фронт), но нас успокаивали, что ничего не случится. А мама, на всякий случай, детей отвела за город, к своим знакомым. Мало ли что? Перед тем как советские войска начали отступать, мама прибежала к нам. В это время начали взрывать Кировский мост. Ей разрешили его перебежать. Взрыв произошел прямо у нее за спиной.

Мне было девять с половиной лет, а брат был старше на два года. Летом все было. Мама кой-какое барахлишко взяла за плечи, и мы пошли вместе с отступающими войсками на Восток. Дошли до какой-то деревни и там остались: надо было передохнуть. А войска наши ушли дальше. Пока мы там несколько дней от-

дыхали, начал гореть Витебск. Оттуда километров пятнадцать – двадцать было, но мы видели зарево. Наверное, полыхал он целую неделю. Повернули обратно, ибо немцы нас уже догнали. Первые на мотоциклах проехали мимо. Нашего дома уже не было – сгорел.

Сейчас улица, на которой я живу, называется улицей Кирова. Раньше это была Вокзальная. Она была центральной, освещенной, красивой. Теперь же стояли только обгорелые остовы этих жилищ, и больше ничего. Нас приютили папины родственники, которые тоже жили неподалеку.

Поначалу ничего не предвещало плохого. Даже городская управа появилась, биржа и одна школа. Но это был только первый год немецкой оккупации. Потом все это закрылось. Ни один магазин не работал. Городское население выживало, как могло. Никого кроме, конечно, евреев, не репрессировали. А тех сразу отметили, приказали им желтые нашивки на грудь и на спину сделать. А если кто не подчинялся, расстреливали. Некоторые прятали их у себя, хотя за это тоже казнили. Добрее все-таки тогда люди были друг к другу. Потом всех евреев загнали в гетто за колючую проволоку.

Видела, как пленных советских солдатиков сгоняли в «5-й Полк» Изнеможенные все. Потом становилось все хуже и хуже. Спасибо нашим крестьянам, это кормильцы в любые времена. Мы ходили пешком в деревню, потому что никакого транспорта не было. Мама то пошьет кому-то, то погадает (умела гадать на картах) и принесет кусочек хлеба, сала или немного картошки. Так и перебивались.

Потом ходили на сгоревший кожевенный завод. Раскапывали пепелище и находили там свиные кожи. Эти кожи уже были обработанные. То ли нафталином, то ли еще чем вонючим. А потом не успели довести до ума. Завод сгорел, кожи засыпало пеплом. Женщины доставали их, несли домой, отскребали, вымачивали, еще раз отскребали и варили суп. Мы были настолько голодные, что радовались даже этому и ждали, когда будет, что похлебать и еще эту кожу съесть.

Точно так же и с мыловаренным заводом. Раскапывали пепелище, находили там мыло вместе с пеплом с углями. Очень нужная, кстати, была находка. Несли его домой. Потом люди сами научились варить мыло. Некоторые даже продавали. Вонючее, но мылилось неплохо.

В основном жизнь кипела только на толкучке. Она была там, где сейчас находится Смоленский базар. Обменивали какие-то вещи на хлеб и маргарин. В то время, к слову, мы впервые узнали, что такое сахарин. Сахара не было, а немцы привозили сахарин и торговали им. А потом наши люди расфасовывали его в маленькие пакетики и продавали на толкучке. Экономили. Маленького пакетика хватало, наверное, стаканов на десять чая. С помощью толкучки как-то и выживали.

Туда ходить небезопасно было, потому что довольно часто делали облавы. Полицейские всех сгоняли в кучу и молодых отправляли в Германию. Если у кого-то что- то было не в порядке с документами или кто- то вызывал подозрение, отправляли в гестапо.

Потом в центре города поставили виселицу и начали вешать людей. Говорили, что это партизаны. Детям страшно было смотреть, и меня туда не пускали. Ни мама, ни брат не разрешали мне ходить туда потому, что щадили детскую психику. Но однажды я прошла мимо. Ужас!

Город все время пустел, потому что все больше и больше людей угоняли в Германию и в концлагеря

Наступил 1943 год. Фронт приближался, и немцы поняли, что, вероятнее всего, им придется отступать. Был издан приказ (как я сейчас понимаю), чтобы ни-

кого из мирного населения не оставлять в живых, то есть прятать концы своих преступлений в воду. Однажды в городе вдруг появился такой смрад, такой запах, что нечем было дышать. Наверное, неделю от этого запаха нельзя было где-то укрыться. Я все время спрашивала, что это такое, но мне сначала никто ничего не хотел говорить, а потом объяснили, что это сжигают трупы.

Потом люди начали прятаться, потому что их, буквально, как зайцев вылавливали и куда-то отправляли. Ночевали мы дома, а днем скрывались в сгоревших домах. Однажды я решила сбегать домой воды попить. Бегу и вижу, как полицейский ведет мою маму. Я бросилась к ней. Нас посадили в машину и повезли. Везли по городу, потом где-то остановились. Мама начала говорить, что дальше никуда не поедет. Тогда какой-то немец выхватил ее из кузова, начал расстегивать кобуру и вынимать пистолет. Тогда уже я выскочила из машины, бросилась к немцу, схватила его за руки. Начала кричать и плакать. Он плюнул, махнул рукой, мама вернулась в кузов и больше возмущаться не стала.

Привезли нас в «5-й Полк». Выгрузили. Зашли в барак: там трехъярусные нары. Битком народа, дышать нечем. Я попросила маму выйти на улицу. Дескать, так будем лучше. Все равно лечь негде, зачем дышать этой вонью? Так и сделали. Помню, что моросил небольшой дождик. Сколько там дней пробыли – не знаю, но мы все-таки на улице были. Как-то утром всех собрали вместе. Мимо ходили немец с переводчицей, каждого опрашивали, что-то записывали и сортировали. Одних в одну сторону, других – в другую. Брата тогда с нами не было, с другом они прятались в сгоревшей церкви.

Не знаю, сколько нас было. Посадили в какую-то машину и привезли на берег Двины. Там позже было общежитие мединститута, а тогда стоял двухэтажный дом. Это был рабочий лагерь. Собрали туда всех молодых или среднего возраста. Все трудоспособные, как моя мама и такие подростки, как я. Мы решили, что раз тут не расстреливают и никуда не угоняют дальше, то нужно, чтобы брат с голоду не умер, надо его тоже сюда взять. Мама пошла к конвоиру и сказала об этом. Они ушли и вскоре привели их обоих.

Каждое утро нас гоняли куда-то за город. Отдельно везли на подводе лопаты, топоры, пилы. Потом их раздавали. Одни копали траншеи, другие рубили сучья, чтобы их маскировать. А дети носили сучья к траншеям.

До сих пор не могу слышать слово «соя». Недалеко был мясокомбинат. Наверное, все, что там было хорошее, забрали себе немцы. Их кормили отдельно, а нам варили на кишках, какую- то сою. Видимо, горелую, потому что варево очень сильно воняло. Хотя на вид вроде было густое и даже жирное. При всем голоде не хотелось это брать в рот. Кажется, еще и по куску хлеба давали.

Однажды решили помыться в Двине, но никто не решился. Дело было ранней весной, и вода еще не прогрелась. Иногда детей оставляли в лагере, чтобы мы туалеты убирали: мыли там все, дезинфицировали. Кроме этого, подметали помещения.

Канонада все приближалась и приближалась. Нас всех подняли, выстроили и погнали впереди себя прямо на линию фронта. Хотели от нас избавиться. Пригнали в какой-то лес, рядом болото. Было очень темно, и я очень хотела спать – все-таки ребенок. Фронт - это когда ничего не видно, а очень хорошо все слышно. Летят самолеты, гудят бомбы, пулеметы – та-та-та, кругом пули – вжиг-вжиг-вжиг. Трассирующие, как огоньки. Все это хорошо слышно, а мне хочется спать. Мама бегает от меня к брату, боится, попала в нас пуля или нет.

Когда рассвело, встречали наших солдат. Плакали, обнимались, целовались,

это было незабываемо. Они нас посадили на машину и повезли. Остановились в каком-то красивом место. Внизу – речка, в лесу – походная кухня. Они сварили пшенной каши с беконом, накормили, напоили чаем. Настоящий рай.

Затем мы пешком пошли в Витебск. В нашем доме уже жили другие люди. Для войны это обычное дело – все занимали свободное жилье. Пошли дальше, и по пути нам попался одноэтажный частный домик. Там жила бабушка с внучкой, и было пять маленьких комнаток. В каждой поселилась семья. Потом еще пришли наши родственники, которые были в эвакуации. У дяди Коли оказался туберкулез (открытая форма), и он вскоре в походном госпитале умер.

А потом начался тиф. И от него умерли дядя Павел и тетя Маша. Бабушка тоже заболела, но выжила.

Самое обидное, что нас потом преследовали, как побывавших в оккупации. Я лично все это прочувствовала. Перешла в пятый класс, начали избирать старостой, перед голосованием, одна девочка встала и сказала: «Она была в оккупации, и ее нельзя выбрать старостой». Меня все- таки выбрали, но было очень неприятно и обидно.

Потом я вступала в комсомол, и когда нужно было рассказать свою биографию, учитель мне сказал: «А, может, ты сотрудничала с немцами, ты же была в оккупации». Дома очень плакала.

Затем поступала в институт. Прошла по конкурсу, но нужно было принести справку и представить двух свидетелей, которые могли подтвердить, что во время оккупации я не сотрудничала с немцами. Помню, секретарь горисполкома подписывал эту справку и возмущался бездушием других. Потом, когда мне нужно было замуж выходить, моему будущему мужу, который был офицером, его родные писали – смотри, она же была в оккупации. Начальство его вызывало «на ковер».

Было очень обидно.

КРУПКО
Александр Федорович
1934 года рождения

Я родился в деревне Клещи Витебского района. В начале войны погибла вся семья, а деревня была сожжена при наступлении фашистов. Я остался беспризорником. В 1941 году мне было 7 лет. Во время облавы в Витебске, куда добрел после гибели родных, я попал в лагерь, который все называли «5-ы Полк». Там был отдельный загон и барак, где находились только дети. В этот загон, обнесенный колючей проволокой, загнали меня и других детей, пойманных во время облавы. Через несколько дней у большой группы детей, примерно человек тридцать, взяли кровь. После забора крови я ослабел, в глазах прыгали «мухи», кружилась голова. Я и до лагеря голодал, а в лагере совсем худо стало. Кормили черной баландой два раза в день и раз в день давали кусочек эрзац-хлеба. Он был такой маленький, что весь помещался во рту, и его хватало на один-два глотка. Через неделю у меня еще раз взяли кровь. Всех детей клеймили клеймом с цифрами, которые передвигались на круглом барабане, как почтовый штемпель, при этом это «приспособление» накаливали докрасна и прикладывали к руке - так номер выжигался.

Мне и еще нескольким детям удалось увернуться от этой «процедуры». Старшие мальчишки сделали подкоп под колючую проволоку и через три месяца пребывания в лагере мне удалось бежать вместе с другими детьми. Сбежало нас человек 70. А в бараке и в загоне было примерно двести детей, а может и больше. С той

поры я стал скрываться, таскал с огородов летом овощи, попрошайничал, помогал за еду одиноким женщинам по хозяйству. После войны таких, как я, беспризорников, собирали в детские дома. Меня определили в Бешенковичский район в деревню Бочейково. После семилетки учился в училище №32 по улице Димитрова. После учебы работал на целине, потом вернулся на родину, на Витебщину. Сейчас вот доживаю в Браславском доме-интернате для престарелых.

КУКАЛЕЎСКАЯ (ПАРЦЕШКА)
Таццяна Лук'янаўна
1925 года нараджэння

Я нарадзілася ў весцы Чашоры, Гарадоцкага раёна, ў сямі кіламетрах ад Віцебска. Там і сустрэла 1941 год. Калі пачалася вайна, мая сям'я вырашыла перабрацца ў Віцебск, да радні. Многія вяскоўцы спрабавалі схавацца ад немцаў ў горадзе. Але і там былі страшэнныя бамбежкі і вельмі хутка немцы захапілі Віцебск.

У 1942 г. немцы зрабілі аблаву на вуліцы, дзе мы жылі. Хапалі маладых людзей і адпраўлялі на работы. І я трапіла ў гэту аблаву. Яны ў дамы прыходзілі і забіралі ўсю моладзь ад 16-ці да 30-ці гадоў. Спачатку адправілі ў г. Докшыцы. Там мы будавалі вузкакалейную чыгунку. З Докшыц перавялі ў Беразіно, а з Беразіна ў 1943 г. пагналі ў Германію. Наш эшалон прывезлі ў Берлін. Тут мне ў нейкім сэнсе пашанцавала. І хоць жыла я ў лагеры, працу мне вызначылі ў нямецкай фабрычнай сталовай.

Паварамі былі немкі, добрыя жанчыны. Іх жа таксама гора не мінула. Яны, як і рускія маці, атрымлівалі весткі аб смерці сваіх дзяцей. І плакалі мы разам з імі, праклінаючы і вайну, і Гітлера.

У лагерах, і ў Докшыцах, і у Беразіно, я галадала, як і ўсе. І паміралі ад голаду многія. У Берліне не галадала. І калі была якая магчамасць, тое, што немцы недаядалі, насіла ў лагер, падкармлівала саслабелых. А ўспамінаць пра тыя гады цяжка. Ды і што ўспамінаць? Дні цягнуліся вельмі падобныя адзін на адзін. А думка адна, як выжыць? Смерці навакол хапала. Паміралі людзі кожны дзень. То застрэляць, то які няшчасны выпадак, а то проста ад голаду паміраў чалавек.

А вызваленне прыйшло неяк нечакана. Да кананады ды да бамбежак мы ўжо прывыклі. І аднойчы раніцай пачулі родную мову. Спаць клаліся вязнямі, а прачнуліся свабоднымі, хоць і ў лагеры.

Дарога да дому была няблізкай і доўгай. Нас, былых палонных, збіралі на эвакуцыйных пунктах, сартавалі па накірунках - куды каму трэба было ехаць.

Мяне спачатку скіравалі на Кёнінгсберг. Там чакала эшалона на Радзіму. І ўлетку 1945 г. вярнулася да цёці ў Віцебск.

А праз некаторы час пераехала ў Шаркаўшчыну. У райвыканкаме паселка працавала мая стрыечная цётка, яна і забрала мяне з сабой.

Замуж выйшла за Віцебскага хлопца, ён да мяне пераехаў. Але ўжо 13 год удава. Двое дзяцей выгадавалі мы: дачку і сына. Жыву з дачкой і ўнучкай, але і сын тут жа, ў Шаркаўшчыне жыве, дапамагае мне.

А той час лагерны ніколі не забуду, бо страшны гэта быў час, калі чалавечае жыцце не цанілася, і на кожным кроку можна было загінуць, так і не дачакаўшыся свабоды.

КУРУЛЕНКО (МАРТЫНЕНКО)
Ксения Петровна
1933 года рождения

Вывезли нас отсюда зимой. Очень сильный мороз, сугробы были. Немцы шли колоннами. У нас были лошадь, повозка и корова. Папа каким-то образом свернул в сторону стадиона. Оттуда нас в конце 1943 года тоже выгнали. Забрали лошадь и погнали в «5-й Полк».

Там пробыли до середины мая. Народу было очень много. Ходили строем получать баланду, куда-то километра за два. А баланда эта – один лист от капусты и больше ничего.

Наш барак был большой и высокий. В несколько этажей нары. А дальше в одноэтажном бараке жили военнопленные. У них головы были перевязанными, руки тоже. Мы с ними не общались, немцы туда не пускали. Нас разделяли два ряда колючей проволоки, наша и их. Было это, кажется, в мае. Однажды послышалась сильная стрельба. И папа сразу сказал: что-то тут неладное. Немцы построили нас колонной и погнали на железнодорожную станцию, посадили в вагоны и куда-то повезли. Где-то в районе Лычковского разъезда высадили и погнали по дороге в лес. По сторонам – люди убитые лежат. Видать, перед нами тоже шла колонна.

Пригнали в тот лес. Сразу же плотным кольцом окружили немцы, с автоматами наперевес и закатанными рукавами. Спать негде. Ломали лапки елок, на них и отдыхали. Питьевую воду не давали, а пили то, что добывали сами. Поближе к болоту станешь ногой на землю – появляется вода. Коричневая такая, тысяча «вертушек» в ней плавает. Но что-то надо было пить.

С нами был сосед, Петром его звали. Он воевал еще в Первую Мировую войну. Попал к немцам в плен и там выучил их язык. Понимал, что говорят охранники. И услышал, что стариков и малых детей хотят прогнать через минное поле, потому что немцам через него надо было прорваться. Это нас и спасло.

Сосед подошел к немецкому офицеру и о чем-то поговорил. Потом немец спросил, где его родня. Петр показал на нас и других. Дескать, свояков у него очень много. В одну машину все не влезли. Нас привезли к речке Лучёса. Наверное, неделю там жили. Ловили рыбу и на огне ее жарили. Больше есть было нечего. Правда, потом машину хлеба привезли.

Затем внезапно приехали машины и вновь отвезли на железнодорожную станцию. Один вагон весь кровью залит, другой – такой же. В третьем на полу было много пуговиц – вымели. Вечером поезд. Приехали в Витебск. Тут было объявлено, что, кому нужна вода, надо подойти к паровозу. Сразу же выстроилась очередь. После этого всех посадили на машины и повезли за Лепель (тридцать километров) в деревню Жары. В Жарах были еще целыми дома. В одном и поселились. Прожили там несколько недель.

Наши самолеты летали очень низко и строчили из пулеметов, а немцы двигались по шоссе колоннами. Естественно, их и поливали свинцом. Тогда немцы начали выгонять людей из дома и бросать в окна бутылки с зажигательной смесью. Мы убежали в лес, который был за огородом, там уже были люди.

Сидим тихо, боимся. В двенадцать часов ночи слышим треск сучьев: «Товарищи, мы партизаны, не бойтесь!» Это нас не успокоило, боялись провокаций. И не зря. Эти партизаны начали нас грабить. Пришлось убегать от своих.

Вернулись в Жары, здесь нас уже освободили по-настоящему и сказали: «Бегите на шоссе, там идут наши танки». Так и сделали, в темноте рвали цветы и

бросали на эти танки. Утром опять пришли в деревню. Папа нашел какую-то тележку. Погрузили на нее оставшееся барахло и двинулись в Лепель, чтобы оттуда добраться до дома.

КУХТОВ
Виктор Яковлевич
1937 года рождения

Я родом из Суражского края, где партизанское движение сформировалось к 1942 году. В Суражских лесах базировались партизанские бригады. Они часто появлялись и в нашей деревне Шухры. Иногда даже днем.

В 1943 году немцы устроили блокаду, и партизаны прорывались через известные «Суражские ворота». Шли бои с регулярными немецкими войсками. Как и следовало ожидать, при этом местное население уничтожалось или вывозилось.

В Шухры сначала приехали полицаи. Согнав жителей в несколько домов, они всю ночь грабили деревню. Когда утром мы вернулись в свой дом, то он был пустым, даже еду не было в чем приготовить. Кое-кто оказался мудрее нас и попрятал вещи заранее. После налета полицаев они поделились вещами с теми, кого (как нас) ограбили полностью.

А через несколько дней приехали немцы. Всех построили в колонну и погнали в Витебск. Уходя, мы видели, как загорелись наши дома. Крыши были из соломы. Они моментально вспыхивали, и вскоре в огне была вся деревня. По дороге к Витебску нас стали обстреливать с немецких самолетов. Женщины махали белыми платками. Одна из них упала рядом со мной. Пули изрешетили всё вокруг. Когда самолёты улетели, она встала. Была в прострации, вся бледная, только прошептала: «Лучше бы меня убили».

Не успела колонна подняться, как снова налетели самолеты. На этот раз русские. И женщины опять замахали платками. Как бы предупреждая: колонна мирного населения. Русские стрелять не стали, и мы снова двинулись дальше. Когда добрели до Витебска, разместились в землянках. Уходить никуда не разрешалось. А людей подгоняли все больше и больше. По-видимому, всюду шли немецкие облавы. Потом всех погрузили в «телятники» и повезли в Германию.

Ехали долго. Когда остановились, нас снова разместили в каком-то лагере. Не помню его названия, но того, что там пережил, не забуду никогда. Затем приказали раздеться и идти в «баню». В эту «баню» почему-то нагнали людей, как селедок в бочку. Каждому, кто заходил, в ладони наливали скользкую жидкость и говорили, что это мыло. «Баню» закрыли. Громыхнул тяжелый засов и пол начал наклоняться. Внизу горел огонь и люди, которые стояли впереди, стали падать в печь. Никогда не забуду того ужаса. То, что немцы назвали мылом, было смазкой, для улучшения скольжения. Потом мы узнали, что нас перепутали с партией евреев. Оставшихся в живых выгнали из «бани», окатили водой из шлангов и погнали в бараки. Многие в те минуты стали седыми. Я до сих пор переживаю те жуткие минуты, когда стоял в шаге от мучительной смерти.

Лагерь, куда нас поместили, состоял из двух зон. Наша зона называлась «ост», а напротив были французские пленные. Разделяла двухрядная колючая проволока. «Восточные» узники (так называли тех, кого привозили из Советского Союза) во всех лагерях, где я был, содержались хуже всех. А пересыльных лагерей мы по дороге «посетили» несколько. Не помню их названий, но помню чувство постоянного голода, холода и унижения. Со скотом в деревне обращаются лучше.

Лагерь с огненной «баней» я запомнил, наверное, еще и потому, что французы, которым присылали посылки, бросали нам через проволоку шоколадки, конфеты, булочки. Наши матери подбирали все это и делили между детьми.

Вскоре снова погрузили в вагоны и повезли. Наша семья попала в Югославию, где мы работали на виноградниках. Это было весной 1944 года. Летом перевезли в Австрию. Там мы жили у хозяев и работали в поле.

Освободила нас Красная Армия. Эшелонами вернулись в Витебск. Он был разрушен. Родная деревня, вернее пепелище, заросло травой и бурьяном. Родственница, которая жила в Глубоком, позвала к себе. Северо-западная Беларусь стала нам с тех пор малой Родиной. Здесь я окончил школу, потом техническое училище. Работал много лет монтажником по монтированию телевизионных центров. К 15-летию освобождения монтировал телевизионный цент в Сталинграде. Много поездил по всему Советскому Союзу. Перед пенсией работал в Глубокском узле связи.   Вырастил с женой двоих детей. Имеем уже двух внучек и внука.

Казалось бы, все хорошо, но никак не стереть из памяти, жерло открывающегося крематория, жуткие крики людей, голод пересыльных лагерей, войну, которая повсюду сеяла муки и смерть.

КУШНЕРОВА
Нина Никифоровна
1933 года рождения

Такой год рождения правильный, а после войны записали с 1935 года, потому что все документы и метрики остались в том в лесу. Дали прикладом по голове и выкинули сумочку, где были документы и все пожитки. Я только держалась за батьку и просила, чтобы нас вместе застрелили. Не могу сдержаться, нервы сдают, как подумаю, что мы пережили. В жизни не видели ничего хорошего.

Из Ананьино нас выгнали в город. Дома там были пустые, вот мы в одном и заселились. Затем – «5-й Полк». Там было очень тесно, нары в три ряда. Боже мой! Все кричат друг на друга. Оправляться, извините, было нечем. Голод. Потом нас погрузили в машины, а затем в вагоны. Приехали в какую-то деревушку. Прошли поле и под вечер вышли к топкому болоту. Народа в лесу аж кишело. Все плачут, шепчутся, мол, нам здесь будет конец. Неподалеку была какая-то горочка, немцы там в ряд выставили пулеметы. Помню, все плачут, говорят, что раз привезли нас сюда к ночи, то всех постреляют.

Потом немцы о чем-то между собой поговорили и самый старший (с кокардой на фуражке) объявил в рупор: кто хочет баланды, нужно нести документы. Какая там еда – темень уже, ничего не видно. К тому же все думали, что пришла наша смерть. Немцы с горки ушли, и стало тихо. Только волнуются люди. Мол, подогнали под пули в топкое болото. Назавтра проснулись и стали располагаться, делать шалаши. Сколько мы там пробыли, не буду говорить – не знаю. Немцы ходили по семьям, собирали мальчиков лет 12 и старше в рабочий батальон. А на следующий день одна баба отошла в сторону и увидела, что они все лежат пострелянные.

Когда высадили из вагонов, ничего не разрешили с собой взять. Поели вокруг весь заячий щавель. А потом нас с этого леса гнали конями и приказали, чтобы все молчали. Была там дурноватая Манька, закричала, и ее сразу же пристрелили. С обеих сторон шел бой, они из нас сделали для себя как бы прикрытие, живой щит. И так пригнали в другой лес. Переночевали там ночь или две, и потом освободили наши. Все были очень рады. Наши кричат, что вокруг заминировано и надо сде-

лать специальные проходы. Но где там! Люди побежали, и все вокруг начало взрываться. Потом тот лес бомбили немецкие самолеты, они не знали, что там никого, кроме тифозных и калек, уже нет.

Когда привезли тифозных, я встретилась со своей мамой, а до этого все время была с отцом. Отец старый, неграмотный, как и я теперь. Горя натерпелись немало. Когда такое показывают по телевизору, слезы льются рекой.

Была у меня самая младшая сестра, годов, наверное, пять или шесть. Потерялась она, прибилась к какой-то старушке в лесу. Слава Богу, нашли. После того, как мы вышли с минного поля, русские распределили всех по домам, дали сыра и по булке хлеба на семью. Люди радовались, целовались. Затем был Витебск и возвращение в родную деревню. Там уцелело всего несколько домов.

Не дай Бог, нашим внукам пережить нечто подобное.

ЛАЗОВІК (ШПАК)
Надзея Аляксандраўна
1925 года нараджэння

Радзюкі – мая родная веска. Тут я нарадзілася, тут пражыла ўсе свае жыцце, тут і дажываю. Мне ўжо 84 гады. І вайну я сустрэла дома. Памятаю ўсе падзеі, нібыта гэта было ўчора.

Мой тата Шпак Аляксандр Федаравіч дапамагаў партызанам. Працуючы на млыне, перадаваў у партызанскі атрад муку, збіраў звесткі, неабходныя партызанам. Хтосьці выдаў яго, і немцы арыштавалі тату. Больш мы яго не бачылі. Пасля вайны, калі судзілі паліцая Кляноўскага, мы з мамай хадзілі на суд і прасілі, каб ён сказаў, дзе пахаваны тата. Але Кляноўскі сказаў, што расстраляў тату не ён і дзе гэта было не ведае. Мы і дагэтуль не ведаем, дзе пахаваны мой тата.

А следам за татам арыштавалі мяне і старэйшага брата. Маму таксама схапілі, але пасля адпусцілі. А мяне з братам пасля допытаў адвезлі ў вёску Германавічы і зачынілі ў пуні. Там мы пераначавалі, а раніцай на машыне нас завязлі ў Глыбокае на чыгуначную станцыю. У той час і па Глыбокім ішлі аблавы. На станцыю сабралі многа людзей для адпраўкі ў Германію. У вагоны-“цялятнікі” нагрузілі мужчын і жанчын асобна і забілі вагоны цвікамі. У Крулеўшчызне вагоны расчапілі, выбралі маладых, здаровых мужчын і іх павезлі пад Ленінград, капаць нямецкія акопы. У гэту партыю трапіў і мой брат. Але ён здолеў уцячы адтуль і вярнуўся ў партызанскі атрад. Калі Савецкая Армія вызваліла Віцебшчыну, брат пайшоў на фронт і дайшоў да Берліну. Быў узнагароджаны дзвума ардэнамі Славы. А мне пашанцавала менш - нас павезлі ў Германію. Выгрузілі ў горадзе Франкфурт-на-Майне. Там у перасыльным легеры я прабыла чатыры месяцы. Прайшла медыцынскі агляд і дэзінфекцыю. І мяне адправілі ў працоўны лагер “Арбазонд” у горадзе Дамштадт. Адтуль мяне забраў немец Кароль Келлер. Ён меў вялікую гаспадарку. Два рэстараны і дзве крамы. У яго я і працавала. Працы хапала, але кармілі мяне добра і не здзекваліся. Гаспадар праклінаў і вайну, і Гітлера. Яго сын, таксама Кароль Келлер – гэта была дынастыя: і дзеда, і бацку і сына назвалі адным імем, быў паранены ў горадзе Невель і гаспадыня ездзіла ў шпіталь даглядаць – выходжваць сына, а калі ен стаў на ногі, прывязла дамоў, каб той памацнеў. Калі ён вылечыўся – зноў забралі на фронт. Пры мне ён дадому не вярнуўся, і звестак пра сына бацькі не атрымлівалі.

А нашу тэрыторыю вызвалілі амерыканцы ў канцы красавіка 1945 года. Былых вязнеў збіралі на зборным пункце Вембах і на машынах адвезлі да рускіх. У

амерыканцаў кіроўцамі машын было многа афраамерыканцаў. Ставіліся да нас, былых вязнеў, добрзычліва, частавалі шакаладам і цукеркамі.

Мяне дамоў адправілі не адразу. Прызначылі ў працоўную брыгаду, якая дэманціравала і адпраўляла ў Савецкі Саюз рознае абсталяванне з заводаў і фабрык. Спачатку ў горадзе Лейпцыгу, потым у Дрэздане. І толькі ў студзені 1946 года я прыехала ў Беларуь, у Крулеўшчызну, а адтуль пешшу дадому, ў Радзюкі. Дома была адна мама, якая ўжо і не спадзявалвася, што я вярнуся. А пазней вярнуліся і браты. Яшчэ адзін мой брат быў танкістам.

Здавалася ўсе скончылася, ды дзе там! Яшчэ доўга цягалі на допыты ў Шаркаўшчыну, у аддзел НКВД. Колькі раз выклікалі павесткай і дапытваліся адно і тое ж, можа каб зблыталася дзе ў сваім расповедзе. А што тут блытаць? Тату немцы забілі, браты вайну прайшлі, а я нямецкі палон, былі моманты, калі не спадзявалася, што вярнуся. Было гэта несправядліва і крыўдна.

А потым ад мяне адчапіліся. Я пайшла працаваць. Выйшла замуж за добрага чалавека-франтавіка, выгадавалі дзяцей, унукаў, ужо праўнук ёсць. Я вось распавядаю пра своё жыцце, але есць яшчэ адзін момант, пра які няможна распавесці словамі. Бо няма тых слоў, якімі можна расказаць пра страх семнадцацігадовай дяўчыны, якая адна, сярод чужых людзей, трапіла на чужыну. Няможна словамі перадаць адчай, які адчуваеш, калі бачыш вакол смерць і гора людское. Адно, дапамагала вера ў Бога, якая давала надзею, што вайна калі-небудзь, але абавязкова скончыцца.

ЛАПИКОВА
Мария Ивановна
1926 года рождения

В лагерь «5-й Полк» меня завез полицай Симонов. Пробыла там три дня. Какая-то женщина взяла за руку и выкинула за ограждение. Кустарником шла домой. Жили мы в этом самом доме, где и сейчас живу. У нас забрали лошадь, кур. Все позабрали. Пришла домой, а дом пустой. Ничего не осталось.

Потом нас забрали еще раз. Меня взяли полураздетую. Женщина какая-то одевала в вагоне. Повезли в Освенцим. Там раздели, помыли, но у них там, что-то испортилось в крематории, и нас опять посадили в вагоны. Отправили в Германию, где был лагерь Экинсберг.

Есть ничего не давали. Только какую-то баланду с червяками. А потом снова загнали в вагоны и повезли в неизвестном направлении. Никто не знал, куда, вагоны ж все закрыты. Если кто умирал, останавливали поезд, выносили трупы и сразу же их закапывали. А нас везли дальше. Доехали до Австрии. Там были какие-то бараки. В них жили русские военнопленные. Помогали приспособиться.

Когда женщин гоняли на работы, меня забрасывали матрасами, то есть прятали. А потом приходили, матрасы разбирали и выпускали в столовую. Давали нам есть то, что не ели их собаки. Так и жили. Сколько пробыли в тех бараках, не помню. Потом нас разобрали хозяева.

У хозяина мне было неплохо. Кормили меня отдельно. Ела то, что и они. Хозяин меня не бил. Только один раз. За то, что я пила сырую воду. У них это не принято. Пьют только яблочный сок. А яблочный сок выпьешь, потом голова болит - работать нельзя. Я ведь работала вместе со взрослыми. По другим поводам хозяин меня не обижал. Спала в сарае, для меня там сделали маленькую комнатку. Работала с 5 часов утра до 10 часов вечера. Отдыхала только в обед, когда все

садились есть.

Нас освободили русские, и я поехала домой. Приехали мы очень поздно, остановились в какой-то деревне. Названия не помню.

На работу меня по возрасту не брали никуда. Пошла в детский приемник, а там мне сказали: к ним почти грудных детей в чемоданах приносят, брать меня некуда. Дескать, прокормиться могу и сама.

А как? Ни огорода, ни хлеба, ни батьки, ни матки, на работу берут. Мне паспорт сделал один знакомый и прибавил несколько лет. Пришла как-то устраиваться на работу и говорю — вот паспорт, принимайте, очень есть хочется. А мне в ответ: тебе же еще нельзя доверить даже двух коров, потеряешь. Кто за тебя работать будет? После этих слов, больше никуда проситься не стала. На работу всех брали, а меня нет. Даже спрашивали, кто выдал паспорт. По виду ж видать - ребенок. А я ж этого не понимала. Жила, как могла, а потом все же устроилась работать в ФЗО. Не помню, какое. Мыла там посуду. Она почти всегда была чистой, после войны вылизывали все. Учились там мальчишки из разных деревень. После этого, не знаю зачем, пошла в техникум — образования никакого. Даже писать и читать хорошо не умела. Пробыла там месяца три. Потом стала ездить по западным районам области. Чтобы я с голода не умерла, меня принимали разные люди. Они батьку моего любили и мать. Брат был в Армии. Сестры со мной не было.

В моем доме повадился жить один немецкий прихвостень. Когда меня забрали в «5-й Полк», он привел в наш дом полицаев и был у них тайным агентом. Когда я приехала из Австрии, он меня в хату не пустил. Думал, нас всех уже нет в живых. По большому счету, так и было — батька погиб, мать застрелили прямо в нашем доме, брат умер в Армии. Надеялся, что и меня мертвую где-то выкинули.

Я ходила спать в кусты. Наломаю веток, соломы насобираю, осоки и сплю. Так было, пока мне знакомый следователь не посоветовал написать заявление в суд. И я судилась с этим гадом. Это было в Гришанах. Очень издевались над нами полицаи. Даже больше, чем немцы.

... Когда стали расстреливать за Двиной, к нам ночью пришли пять евреев. Спрятали их в бане. Есть у нас уже было нечего. Бывало, подоим корову и мать велит мне занеси им хоть молока немного попить. Люди это видели, и их кто-то выдал.

А еще у нас поймали двух военнопленных, которые убежали с «5-го Полка». Тогда он и бил матку прикладом, этот прихвостень немецкий. Тут рядом бункер был, там их и нашли - сразу же расстреляли. Это было в 1943 году, зимой.

Был и такой случай. Один раз беглый военнопленный постучался в наш дом. Попросил спрятать — у него четверо детей осталось дома. И хотя за это крепко наказывали, остался до ночи, а потом ушел. Больше мы его не видели.

Там, где сейчас гаражи стоят, были ямы и в них расстреливали людей. Не гаражи там должны быть, а памятник. Неужели мало места?! На месте, где похоронены пленные, сейчас находится магазин. Стоит прямо на человеческих костях.

ЛАППО (ЖЕЛНЕРОВСКАЯ)
Ватслава Ивановна
1938 года рождения

Я родилась 6 марта 1938 года в деревне Черкасы Высочанского сельсовета Лиозненского района Витебской области.

Мой отец Желнеровский Иван Феликсович был репрессирован 26.09.1938г.

и расстрелян 8 октября 1938г. Нашу семью: мать, сестру, брата и меня должны были выслать как врагов народа. Но родная тетя Буевич Юзефа Иосифовна, которая проживала в деревне Бибиревка забрала к себе. Там нас и застала Великая Отечественная война.

В начале декабря 1943 года нашу семью со всеми жителями деревни насильственно угнали в концлагерь «5-й Полк». Там мы находились до мая 1944 года. Жили в бараках. Рядом тифозные больные. Один раз в день давали баланду из гнилых овощей. Я от голода опухла, а брат совсем высох. Мама нас с нар никуда не отпускала. В лагере были в основном женщины с детьми и старики. Тех, кто был постарше, отправляли в Германию.

Когда советские войска стали приближаться к Витебску, немцы погрузили нас в товарные вагоны и повезли к линии фронта. Где-то в районе деревни Крынки нас выгнали из вагонов и погнали в лес в болото. Территория вокруг была огорожена колючей проволокой и заминирована. Мы из веток сделали шалаш и там жили. Немцы хотели из нас сделать живой заслон.

На наше счастье, рано утром 3 июня 1944 года на лагерь случайно набрели наши разведчики. Немцы куда-то исчезли, а разведчики разминировали узкую тропинку и велели нам уходить по этой тропинке из лесу. Из 12 тысяч узников в живых осталось только 8 тысяч. Остальные были убиты, подорвались на минах. Умерли от голода и холода и тифа.

Еще не все успели выйти из лесу, как немцы начали артобстрел территории лагеря.

После освобождения из плена нас вывезли в Износковский район Смоленской области, где мы находились до освобождения города Витебска. 26 июня 1944 года он был освобожден, и мы вернулись домой.

Нельзя описать, сколько было радости от того, что мы остались живы и свободны.

Вместе со взрослыми дети помогали восстанавливать разрушенный город.

К сожалению, только в 1995 году я узнала о том, что мой отец посмертно реабилитирован в 1964 году. Ни мать, ни сестра, ни брат об этом не узнали, так как к этому времени все умерли.

Вот так сложилась моя трудная и сложная жизнь. Проживаю сейчас одна в коммунальной квартире. Единственный сын в 18 лет трагически погиб в 1982 году.

Чтобы не было так одиноко, я занимаюсь общественной работой. Это дает возможность общения с людьми, которые, как и я, пережили эту страшную войну.

ЛАСЕВІЧ (ВАСІЛЕВІЧ) Ірэна Дамінікаўна 1927 года нараджэння

Я нарадзілася 1 студзеня 1927 года ў весцы Пузырова, што на Мядельшчыне. Жыла з бацькамі і малодшымі сестрамі. У 1943 годзе ў нашу вёску прыехалі фашысты і павыганялі ўсіх з хат, аб’явіўшы, што нас эвакуіруюць. Толькі куды, не паведамілі. Хацелася, не хацелася, але мусілі збірацца. Запрагалі коней, грузілі скарб, нават каровак да вазоў прывязвалі. Страшна было. Невядома, што чакае наперадзе. Немцы падганялі: “Шнэль, шнэль!”, і, сабраўшыся, пайшла калона ў напрамку Будслава.

Праз два кіламетры немцы спынілі калону і пачалі адбіраць моладзь ад 14 да 30 гадоў. Крык стаяў, плач і схавацца няма куды, а пабяжыш, застрэляць - чыстае

поле наўкол. Мяне таксама адарвалі ад мамы і піхнулі да моладзі. А астатнім загадалі ехаць назад, у веску. Нас жа пагналі ў Будслаў. Пераначавалі мы ў пуні, а раніцай нас пагналі на чыгуначную станцыю. Пагрузілі ў вагоны і павезлі.

Памятаю, што ехалі праз Літву, Граева, Штутгарт, Вютэнберг і нарэшце загадалі вылазіць з вагонаў у горадзе Эслінген. Са станцыі пагналі ў лагер. Называўся ён машынна-фабрычны. У лагеры было прыкладна 2500 чалавек, якія працавалі на фабрыцы. У асноўным палякі, рускія і ўкраінцы. Палякам дазвалялася хадзіць свабодна, а савецкія ўсе былі пад канвоем. За працу плацілі, старэйшым больш, а такім як я, да 16 год, па тры маркі.

Цяжка было працаваць на фабрыцы, але яшчэ страшней былі бамбежкі. Надыходзіў 1944 год, і бамбілі нас даволі часта. А ў час бамбёжкі трэба было не толькі хавацца, а яшчэ і абсталяванне браць з сабой. Аднойчы баракі разбамбілі, недалёка ад мяне звалілася вялізная бомба і не разарвалася. Яна шыпела, а я глядзела на яе, здранцвеўшы ад жаху, потым пабегла. Апомнілася толькі ў горадзе.

Бомбу тую потым з верталета знішчылі. А баракі вельмі хутка зноў адбудавалі. Кармілі дрэнна. Посным і нясмачным. Але яшчэ дома я навучылася шыць і шыла, часцей за ўсе палячкам розныя рэчы. З Польшы дасылалі пасылкі, і жанчыны давалі мне за работу ежу, хто што меў. У бараку мы жылі дружна. Дапамагалі адна адной, чым маглі. Не ўсюды так было, але мне пашанцавала сустрэць добрых людзей. Я заўседы спадзявалася на Боскую дапамогу, бо шчыра веру, што ўсё ў нашым жыцці ад Бога. Вельмі хацелася схадзіць у касцёл, але змена заканчвалася позна.

Храм быў за два кіламетры ад лагера. Папрасіліся мы з сяброўкай у начальніка, каб нам дазволіў раней са змены пайсці, каб паспець на вячэрнюю малітву. І ён дазволіў хадзіць у храм. Потым праз пошту Чырвонага Крыжа стаў дасылаць мне пісьмы і пасылкі дзядзя, які жыў у Францыі. Працавала я на фабрыцы год, а потым цяжка захварэла. Ляжала ў непрытомнасці на нарах і трызніла. Начальнік не стаў адсылать мяне ў шпіталь, бо адтуль можна было і не вярнуцца. І на працу не гнаў, пакуль не ачуняла, і нават прыносіў паесці харч, які елі канваіры. Па нацыянальнасці ён быў сербам. Здавалася, жорсткі быў, калі выганяў вязняў з баракаў на працу, моцна крычаў і біў помпай... па нарах. На жаль, імя яго не памятаю, а можа і не ведала. Калі крыху адышла ад хваробы, ён мне і кажа: “Уладкую я цябе, Ірэна, ў лепшае месца, бо саслабела ты, на фабрыцы працаваць не зможаш.” Так я трапіла на працу да гаспадароў. У іх сям’і было чацьвёра дзяцей. Усе хлопчыкі. Я іх няньчыла і хатнюю працу рабіла. Мыла бялізну. Прыбіралася.

Усяго ў гаспадара працавала шэсць вязняў. Ставіліся да нас добра. Харчаваліся разам з імі, празмерна працай не загружалі і пускалі мяне ў нядзелю ў касцел. Пра гэтую сям’ю ў мяне самыя лепшыя ўспаміны. Хацела я з’ездзіць у Германію, пабачыцца, калі Берлінская сцяна рухнула, але на пісьмы ніхто не адазваўся, можа ў іншае месца пераехалі, а можа няма ўжо старэйшых, а іх дзеці тады малыя былі, старэйшаму хлопцу каля дзесяці год, а меньшаму толькі два.

А перад самым вызваленнем адбыўся такі выпадак. Вайна набліжалася да канца. І ноччу амерыканцы бамбілі горад Эслінген, дзе мы жылі. А раніцай падышлі да мяне ўкраінцы, таксама палонныя - муж з жонкай. Я іх ведела толькі знешне, яны папрасілі мяне схаваць амерыканскага лётчыка, па нацыянальнасці француза, самалёт якога ноччу збілі немцы. Я згадзілася і прапанавала прывесці яго ў склад гаспадара. Раніцай, павешаўшы памытую бялізну сушыць, спецыяльна завешаўшы дзверы ў склад вялікімі прасцінамі і коўдрамі, якія намыла, шмыгнула ў склад. Там былі старыя рэчы: мэбля, адзенне. Лётчык ужо быў там. Я дала яму паесці. Потым яшчэ раз вечарам пакарміла. Вельмі баялася, каб хто-небудзь не заўважыў, але ўсе

абыйшлося. А раніцай я знайшла запіску – адрас у Францыі. Ноччу, мабыць, ён перайшоў да амерыканцаў, бо стаялі яны ўжо кіламетраў пяць ад горада, за гарой. Адрас той я доўга берагла. І калі ў 1975 годзе ездзіла ў Францыю да дзядзькі, думала наведаць, але столькі год прайшло, не адважылася, а цяпер шкадую. Трэба было ўпэўніцца, што вярнуўся хлопец дадому.

І дні праз тры прыйшло вызваленне. Французы і амерыканцы ўзялі горад. Адпраўкі дадому мы чакалі тры месяцы. Я ўвесь гэты час працавала ў сталовай. Есці не хацелася і ежу сябрам насіла, але не высыпалася. А калі ў маі вайна скончылася, нас перадалі рускім. Дадому прыехала ў чэрвені. Нікога не пазнала. Сёстры выцягнуліся як цыбуліны. А зусім жа малыя былі, як мяне пагналі ў Германію. Таты дома не было. Ен быў саперам, і дэмабілізавалі яго толькі ў снежні, перад новым 1946 годам. Так сям’я зноў сабралася разам.

А далейшае жыццё, як і ў ва ўсіх. Працавала швачкай, гадавала з мужам дваіх дзяцей, унукі ўжо ёсць. Дзякуючы Богу, выжыла ў вайну і не прыняла вялікіх пакут. Хоць моцнага гора бачыла мора, а таму ўпэўнена, горш, чым вайна, нічога ў гэтым свеце для людзей няма.

ЛАТЫШЕВА
Любовь Ивановна
1940 года рождения

Были мы в «5-ом Полку» с мамой. Четверо деток. Помню очень хорошо – колючая проволока, вши. Сгрудились кучкой, рядом были другие семьи. Не знаю, хотелось ли нам есть, но жажда была точно. Там протекал ручеёк с красной водой. Мама и какая-то женщина с детьми брали оттуда воду для питья. Спустя много лет, когда я уже подросла, она рассказала, что в ней была людская кровь, которая стекала в чистую воду.

На моих глазах один из военнопленных подошел близко к колючей проволоке, и его укусила овчарка. Людей гибло очень много.

Потом с «5-го Полка» нас перевели в какой-то другой лагерь. Были тоже за колючей проволокой, только там не было никаких бараков, жили прямо под открытым небом. Все вокруг заминировано. Близко линия фронта. Нам все время делали какие-то уколы. Наверное, чем-то заражали, чтобы потом выпустить навстречу наступающим советским войскам.

Потом помню, стреляли со всех сторон, и все ложились. Мы были маленькие, и шли впереди матери. А перед нами солдат с красной звездой. Впереди была какая-то женщина. Немного отошла в сторону - и сразу взрыв. Нас засыпало песком. Люди откопались и пошли дальше.

Самый маленький брат умер в «5-ом Полку». Наверное, потому что там было очень голодно и холодно. Когда нас освободили, то в Витебск привезли всех, кто там жил раньше. А перед этим было какое-то большое-большое голое пространство. В центре костер, где грели металлический чан с водой, но она не была горячей. Совсем холодная. Детей раздевали и мыли чем-то вонючим. Почти сразу после освобождения умерла моя сестричка.

В обращение в горисполком, которое нам помог написать «Наш Дом», я добавила, что косточки моего родного маленького братика теперь куда-то перезахоронили. Там есть фамилия, в ответе все написали. Планировали туда сходить, но пока не вышло. Кто-то заболел, у меня тоже был приступ. Пойдем потом.

Помню, как для меня началась война. Мы жили тогда возле обувной фабрики.

Дом стоял как раз напротив.

Налетели самолеты. Тех, кто помладше, мама взяла на руки, а мы держались за ее платье. Стояли возле печки. Вдруг – какой-то гул и «Бах!» В наш дом попала бомба. Осталась только одна печка, но были живы все.

А с этими перезахоронениями такая неразбериха. Неужели мало земли?

ЛОБАНОВ
Иван Климович
1934 год рождения

Территория «5-го Полка» начиналась там, где сейчас кольцо трамвая, а где гаражи стоят были захоронения. И где овраг проходит, тоже были захоронения. Я сам не помню, а вот мать-покойница говорила, что когда там были только военнопленные, то их вообще не кормили. Люди сильно отощали. Полуживых бросали в ямы и немножко присыпали грунтом. Потом сутки, а то и двое, земля ходила ходуном. Затем туда стали помещать и гражданское население. Привозили целыми поселками. В том месте еще были большие котлованы. Немцы наполняли их трупами. Поначалу, когда начали строить гаражи, то еще не находили костей, Они «пошли» позже, когда начали рыть поближе к оврагу.

ЛЫСЕНКО
Валентина Ивановна
1925 года рождения

В «5-ом Полку» я была очень мало, сразу отправили на Запад. 16 апреля 1943 года. В Польше мы были в городе Гайнов, работала у хозяина. Хозяин у меня был хороший. Пострадала я совсем от другого. Пришел какой-то проверяющий и говорит: «Хайль Гитлер», а я его — на три буквы, Вечером меня отвезли в лагерь. Хорошо, что хозяин приехал через неделю и забрал обратно.

Кровь у меня брали в лагере. Я уже даже не помню, как он назывался. Зашили руку абы как. Если б хозяин не увидел, что я руку все время прижимаю к себе и не могу ее вытянуть, было б очень плохо. Тогда они меня посадили в бричку (по субботам ездили на ней в церковь) и отвезли к врачу. Освобождали нас русские. Меня отвезли на лошади в какой-то город, а там посадили в поезд и повезли домой. Привезли, по-моему, в Шкловский район. У меня был фанерный ящик, и там хранилось кое-что из тряпок. Потом мне дали чемодан, переложили все туда и отправили домой. Хозяевами иногда назначали бывших русских немцев. Им доставалась больше всего. Когда нас освободили русские солдаты, они изнасиловали одну женщину из Житомира и еще одну староверку.

МАРТЫНЕНКО
Виктор Петрович
1938 года рождения

Война, как и для всех нас, пришла неожиданно. Страшная весть. Я родом из Тулово. В нашу деревню немцы вошли вечером или ночью. Из разговоров родителей и старших я понимал, что это что-то опасное, страшное. Вначале все было спокойно. В деревне было примерно сто дворов. Наш дом был самым лучшим

(мой отец плотник), и поэтому там жил самый важный немецкий офицер. Он поселился в зале, из которого был выход в спальню, а мы жили на кухне. Так как я был еще маленьким, то часто бегал туда. Денщик всегда меня прогонял. Потом нас выгнали из дома. Разместились в сорока метрах от него, в собственной бане. Жили там до осени 1943 года.

Когда родители уже знали, что идет «эвакуация», погрузили легкий скарб на телегу, запрягли корову (овцы остались в хлеву) и поехали по дороге на Витебск. Вначале нас немцы загнали на Стадионную улицу. Заселились в пустующий дом. Надо полагать, всех жителей (это восточная часть города) уже отправили в «5-й Полк» или угнали в Германию.

Поражало отсутствие людей и какой-то странный запах на чердаках. А еще, что детские игрушки валяются. У меня таких не было. Все брошено явно второпях. Потом со Стадионной мы попали на улицу Яновскую, которая находилась в районе железнодорожного вокзала. Недалеко от Двины. Там мы и ждали своего часа.

На Яновской взрослые к уже существующей перегородке добавили еще одну. Прибили там крючки и вешали одежду, а в нишу, которая там образовалась, прятались девушки. Это в том на случае, когда к нам неожиданно приходили немцы. Искали, кого отправить в Германию.

Затем был «5-й Полк». Попали туда в марте. К слову, немцы очень удивлялись нашей изобретательности.

Нары в три этажа, сотни людей, антисанитария. Есть (раз в день) давали какую-то похлебку. Чтобы я мог как-то выжить, родители умудрились перед «хапуном» спрятать курицу в ведро, и всюду возили ее с собой. Курица никогда не подавала голоса, а когда снесет яйцо, стучала в стенки ведра. Тоже приспособилась. Мы ей какие-то крошки хлеба давали. То яйцо было для меня спасением, ибо еще на Яновской я заболел корью. Выжил.

Из-за антисанитарии в «5-ом Полку» свирепствовала дизентерия. Многие мои сверстники гибли, но мне повезло осилить и это. А еще помню, в лагере был большой пруд. Дети постарше какой-то металлической сетью что-то там ловили, но постоянно попадались одни лягушки.

В нашем бараке был душевно больной Петя. Он бегал и все время кричал: «Я горюю». Чтобы немцы его не застрелили, ибо тот мог подбежать к двери, которая вела к выходу из лагеря, его отец, посадил Петю на цепь. Страшно было смотреть: он молодой пляшет на цепи, а она большая такая, на такие лошадей привязывают.

В концлагере немцы постоянно сортировали людей и отправляли их в рабство, в основном, в Германию. Чтобы это не произошло со старшей сестрой, родители приказали мне считать ее матерью.

В конце мая всех погнали на вокзал и посадили в поезд. Он нас повез в сторону Крынок. Высадили в чистом поле и погнали в ближний лес. Огромная толпа. Женщины плачут. Тех, кто не мог идти и стариков немцы расстреливали. Потом почти ничего не помню, потому что я заболел тифом. В тот лес, кроме нас, из Витебска вывезли и всех тифозных больных. Узников собралось двенадцать тысяч человек.

Как и в Озаричах, немцы создавали «живой» заслон перед советскими наступающими частями.

Помню, в соседской семье (они тоже были там) старшинствовал дед Пётр Шидловский. Вечная ему память. Этому человеку я обязан жизнью. Еще в «5-ом Полку» я не понравился какому-то немцу. Он хотел меня поймать, а я бегал во-

круг барака. Немцу лет двадцать было, а мне шесть. На углу барака он меня все же нагнал. Позднее рассказали, что немец меня посчитал за «юденкиндера». Я, действительно, был чернявым, маленьким стриженым. «Юденкиндер» это еврейский ребенок, а с еврейскими детьми они поступали однозначно – казнили. Рядом с Тулово есть огромный овраг. Немцы свозили туда евреев и расстреливали. Меня ждала бы такая участь. Пётр Шидловский в Первую Мировую войну у немцев был в плену и немного выучил их язык. Он немцу и объяснил, что я не еврей, показал мою мать. Тот отпустил.

… Когда нас привезли в тот лес, то в отдельном вагоне немцы везли наши вещи. Потом многие, в том числе и моя сестра, пытались их забрать, но сделать этого не дали. Полицейские плотным кольцом окружили наш лагерь. Дескать, к чему забирать вещи, если до смерти остался только один день. Кого-то даже пристрелили. Сестра вернулась без ничего. Естественно, началась паника. Все обсуждали, как спастись. Не знаю, что убедило немцев, но потом они погрузили несколько семей на грузовую машину и вывезли в Ушачский район, в деревню Жары.

Немцы оказались зажатыми с двух сторон и не знали, куда им деваться. Контролировали только дорогу, над которой постоянно летали советские штурмовики и поливали огнем. Потом немцы решили (они были очень дотошными) вывезти нас в Германию. Собрали всех в кучу и погнали. Сил на нормальную охрану у них уже не хватало. Конвоир поехал в одну сторону, а несколько семей свернули в кусты и спрятались. Остальных погнали дальше, а мы остались. Утром приехал партизан и сказал, что наши уже здесь. Я еще болел тифом и был без сознания. Меня погрузили на тележку (другой поклажи практически не было) и повезли в сторону Витебска. На Ушаччине много озер, возле какого-то и остановились. Есть нечего было, попросили солдат бросить в воду гранату. Оглушили много рыбы. Восхитительная получилась еда. Но больше радовались чудесному спасению и тому, что увидим советских солдат.

На нашу удачу так и произошло. Встретили офицера, который раньше жил на нашей улице (через несколько дворов). Он отрядил свою грузовую машину. Погрузили и привезли к нашей родной деревне. Опять повезло. В Тулово машина остановилась, и мы увидели, что между колес оказалась противотанковая мина. Все вокруг было заминировано. Уезжали, было сто дворов, а остались одни комины. И еще один полуразрушенный дом. В него и вселились. Когда въезжали в деревню, меня поразила абсолютная тишина. Ничего, кроме поющих птиц, живого нет. Тропинки полузаросшие, по ним никто давно не ходил. Люди начали появляться только спустя месяц. К осени отец соорудил для нас какое-то жилище, а потом его забрали в Армию.

«5-й Полк» был построен, прежде всего, для военнопленных. Их там было около ста тысяч. Практически, все погибли. Некоторых у немцев удалось выкупить. Например, на нашей улице жила такая Парамонова. Ей кто- то сказал, что ее муж в лагере. Она сходила туда и за золотое кольцо его выкупила. Остальным повезло меньше. Трупы укладывали штабелями. Сейчас это место застроили гаражами. Памятник стоит не там, где был лагерь. Он располагался восточнее обелиска.

На окраину Витебска в овраг привозили расстреливать жен и детей наших офицеров. Люди пасли коров, и все это видели. Детей даже не расстреливали. Головку о головку ударяли и сбрасывали в яму. Отступая, немцы понимали, что натворили. Отрывали траншеи и сжигали трупы. Даже до деревни тяжелый запах доходил.

МЕДВЕДЕВ
Иван Андреевич
1934 года рождения

Родом я из Суражского района. Это бывшая партизанская зона.

Были деревни, в которых всех жителей расстреляли. Это деревни Кроты, Красная Горка (старое название Малыжено). Приближалась эта беда и к нашей деревне, но пришел какой-то приказ вышестоящего командования немцев, прекращающий расстрел мирного населения.

В конце 1942 года к нам прибыл немецкий конвой и начал всех собирать в «эвакуацию». Шли в течение дня, километров шесть прошли, затем нас остановили на ночлег в деревне Горяне (расположена по Суражскому шоссе). Ночью, когда конвой тоже отдыхал, мы ушли в деревню Яськово. Там пробыли утро и день, а вечером незаметно двинулись по направлению к торфозаводу, что возле деревни Бабиничи. Нашли там какую-то землянку, наносили туда веток, соломы и стали жить. До глубокой осени.

Там нас попытались снова «эвакуировать», но опыт уже был. Всей семьей ушли в лес и стали пробираться на кирпичный завод. Когда туда дошли, поселились в пустой квартире. Людей в Витебске было мало.

В 1943 году, весной, уже было тепло, нас забрали в «5-й Полк». Там мы пробыли где-то месяца три, почти до осени. Видимо, фронт отодвинулся в сторону, и нас вывезли из бараков на улицу, которая раньше называлась Гончарная. Теперь это улица Герцена. Там были заразные бараки и рядом пустой дом, в нем и поселили.

А через несколько месяцев вновь забрали в «5-й Полк».

Работать возили на железную дорогу, там были вышки. Взрослые и подростки расчищали территорию. Из разговоров немцев стало понятно: там делают что-то типа запасного аэродрома. Основной был в Витебске (сейчас улица Чкалова), и все об этом знали. Утром увозили из лагеря, а в середине дня давали какой-то обед. Одно название, ибо ту баланду супом и назвать нельзя было.

Время от времени в лагере делали «отбор» и некоторых увозили в Германию. Я был самым маленьким, становился во второй ряд, поднимался на цыпочки и при отборе немец глядя на меня, говорил, что «киндер арбайтен гут».

В лагере, бывало, дети пролезали под колючей проволокой. Охрана там была не самой строгой. Будочка и охранник немец. Мы подбирались с тыльной стороны и направлялись в деревню. Да и на окраине города были частные дома, где мы находили то бурак, то картошку, то еще что.

Был такой случай. Мы увидели, как немец рубил лошадкам хлеб. Подползли ближе и стали просить хлеба. Он осмотрелся и, не увидев никого из своих офицеров, бросил нам кусок.

Но далеко не все были такими человечными. Мой старший брат даже едва не погиб. Он сделал рогатку и стрелял камнями. Один попал на крышу охранника. Как потом выяснилось, финна по национальности. Он запомнил брата по бугорку на щеке. И когда сменился, со своим карабином пришел в наш барак, так как видел, куда он убежал. Стал обыскивать, но никого не нашел. Нары были двухъярусными, и брат залез под нижние. Охранник всюду тыкал своим штыком, думал, брат закричит. А он потом говорил, что штык мало не доставал до него.

На следующий день утром финн пришел снова. Но уже без карабина. Стал допытываться, где брат спрятался. К груди или виску приставлял пистолет. Все сильно испугались, но никто не признался. Потом положили брата на верхние нары и,

словно тифозного, закутали в тряпки. А тифа немцы боялись очень сильно. Несколько дней финн продолжал поиски. Позже один солдат (из болгар, наверное) рассказал, что того финна перевели в другое место службы.

Помню, ни котелков, ничего другого у нас не было. Просто литровая баночка с приделанной из веревочки ручкой. Это одновременно была и миска, и чашка. Обед привозили на лошадке. Раздавала его какая-то женщина. Все становились в очередь. Подходишь, черпак ляпнула, и в сторону. Там была одна вода. Конечно, многие умирали от болезней, многих куда-то увозили. Судьбе было угодно оставить меня в живых.

Когда нас привезли в «5-й Полк», военнопленных там уже не было. До весны 1943 года немцы их всех поубивали или вывезли в другие лагеря. Их место заняло мирное население.

Запомнилась лагерная лошадка. Она была такая худая, что даже доброго слова не стоила. Ее пристрелили, и немцы разрешили, чтобы мы ее разделали. Кости обтянутые шкурой получились, но нам не досталось и этого.

В баню возили редко, максимум раз месяц. Это было кирпичное здание, стояло оно ближе к оврагу. Поначалу нас в лагере было вроде шестнадцать тысяч человек, а после того как в конце апреля 1944 года людей начали куда-то вывозить (никто не знал куда), осталось только тридцать три человека. В бараках оставалось много вещей, даже продукты кой-какие, кружечки, баночки с перетопленным жиром.

Нас заставили собирать оставленные вещи и складывать. Немец там был с лошадкой. Вещи грузили на подводу и привозили в общий барак.

Перед самым освобождением немцы планировали всех оставшихся ликвидировать. Чтобы и следов никаких не было, но Советская армия приближалась так быстро, что им уже не до нас было. Тот болгарин посоветовал не попадаться им на глаза – расстреляют. Спрятались в бане. Сидели там всю ночь, пока утром не пришли советские разведчики и не освободили,

Уехали - кто куда.

Было время, когда мы не признавались, что находились в концлагере. Я все время стремился попасть на военную службу. Призвался в 1953 году, двадцать восемь календарных лет отдал вооруженным силам и никогда не говорил, что находился в концлагере «5-ый Полк».

Когда в 1985 году ушел на пенсию, написал статью в газету «Витебский рабочий». Мол, находился в «5-й Полку» и интересно было бы встретиться с теми, кто там тоже был. Откликнулись Столяренко и Гена Кочергин.

МЕХОВА
Ирина Наумовна
1941 года рождения

Я коренная, гришанская. Помню эпизод, когда нас, всю семью, пригнали к «5-му Полку», то я была у отца на руках. Папу хотели забрать и куда-то угнать, а меня отталкивал автоматом немец. Как-то удержалась. И только благодаря этому, уцелела. Помню, как мы шли по «5-му Полку». Лаяли собаки, бросались на людей. Спали на многоярусных нарах. Кормежка была очень плохая - небольшенькая тонюсенькая лусточка хлеба. Постоянные людские крики. Потом нас погрузили на какие-то машины и куда-то повезли. Называлась это - эвакуация. Привезли в небольшую деревню на берегу озера. Поселили в какой-то дом, сразу две или три семьи. Спали прямо на полу. Хорошего там тоже мало было. Бывало, приходили

немцы, поднимали всех среди ночи. Раздевали. С людей снимали даже последние кальсоны.

Освобождение в памяти не осталось.

МЕХОВА
Матрёна Ефремовна
1938 года рождения

Нас называли беженцами. Я ж с Зароновского сельсовета. Мы оттуда бежали на Витебск. Шли по обочине дороги. Батька катил коляску и вез в ней мою младшую сестренку. Самолеты летали, бомбили. Все торопятся, куда-то прутся машины, мотоциклы. Ужас один! Помню, батька увидел ящик какой-то. То ли с самолета упал, то ли с машины. Он остановился и пошел этот ящик смотреть. Мать ругалась ~ может снаряд или еще что? А там было упаковано печенье. Вкуснятина! С нами шло много детей, он все время всех угощал.

Спали у чужих людей, чьи дома были по дороге. Потом нас обогнали немцы. Батька и старшая сестра заболели тифом. Немцы к нам не заходили: боялись тифа. Это спасло от эвакуации. Помню, глянем в окно - самолеты, выстрелы, огни. Голодали страшно. Если коня какого-то убьёт снарядом, батька притащит тушу, и мы эту конину, чтобы не умереть с голода, едим без соли и хлеба.

«5-й Полк» запомнился мало.

Один военнопленный сагитировал много своих товарищей подкопать проволоку и убежать. Это я видела лично, но мама дернула меня за руку. Дескать, не обращай внимания, пойдем.

Спали мы в «5-ом Полку» на голых деревянных нарах. Надоедливо кусали клопы или еще кто. Потом погрузили на машину и куда-то повезли.

МИРОЛЮБОВА (ЖБАНКОВА)
Юлия Андреевна
1930 года рождения

В 1941 году мне исполнилось одиннадцать лет. Мы жили с семьей на левом берегу Двины, напротив фабрики КИМ. (Там было несколько домиков, в них жили папа и два его брата.) Отец был каким-то начальником по Осоавиахиму на 3-ем лесозаводе и пользовался большим авторитетом.

Выходной день, воскресенье, 22 июня. Мама поручила мне немножко попасти на берегу реки корову, потому что там была высокая трава. Туда ее на веревочке и повела. Над головой загудели самолеты, но не наши, а с крестами на бортах. Стало страшно. Советский военный аэродром был в районе реки Лучёсы (там до войны служил мой двоюродный брат), туда они и полетели. Я спряталась в траве и начала к себе тянуть корову. Возле моих ног она и легла. Началась бомбежка. Одна из бомб, наверное, попала в арсенал. Воздух вокруг стал вспыхивать какими-то огненными кубиками, стали летать снаряды. Немецкие самолеты быстро улетели. Когда утихло, я пригнала корову домой и рассказала маме об увиденном, а она мне говорит: началась война.

Папу вызвали на работу, чтобы в случае чего гасить фугасы. Родной брат послал документы в военное училище. Оно находилось в Калинковичах, это Могилевская область, но началась война, и он ушел добровольцем на фронт. Ему тогда

было семнадцать лет. А папа не был призван в Армию, потому что он инвалид с детства по слуху.

Оршанский мост немцы взорвали, а Смоленский остался, Как раз там, где 3-ий лесозавод. Папа на работу не ходил, при немцах завод разграбили. Неподалеку была мельница. Помню, папа сходил туда и принес домой муки. Мама ходила пешком (Смоленское шоссе) в деревню Поляи. Это ее Родина. Меняла там всякое. Чаще всего приносила домой рожь. Папа сделал жернова. Так и жили.

В 1943 году (уже была слышна канонада) немцы стали хватать трудоспособные семьи и угонять их в Германию или другие страны. Папа с братьями (тоже не военнообязанные) выкопали на обрывистом берегу блиндажик. Там и прятались. Сосед, который знал немецкий язык, работал в Управе, пришел и говорит, чтобы мы зарезали корову и сами съели, а то ее заберут. Мама была к корове сильно привязана, считала ее почти членом семьи, расплакалась. Но другого выхода не было. Зарезали и даже успели всю съесть.

Декабрь. Снега было много. Тогда зимы были суровыми. К нашему убежищу пришел немец и прямо сверху кричит, чтоб выходили. Вылезаем, смотрим, стоит машина грузовая. Нас туда посадили, ничего не дали взять с собой (естественно, кроме уже одетого) и повезли. Куда – не знаем. Привезли в «5-й Полк». Там с 1941 года уже были военнопленные и крестьяне. На нарах полно людей. Там места не было, и нас посадили на землю. Немного соломы бросили и – всё. Вместо дверей в бараке были большие ворота. Ни на ночь, ни на день они не закрывались, а на улице было 40 градусов мороза. Баланду какую-то раз в день привозили в цистернах. Кроме нее давали кусочек хлеба с опилками. Серый такой, словно крахмалом разведен. Так мы прожили зиму. Половину нашего барака занимали лучёсские. По бараку одна ходить я боялась, только с мамой. Батьку забирали копать окопы. Каждый раз, когда он уходил, мы его не ждали, потому что всякое было, но, слава Богу, он остался жив. Хоть и глухой был.

Каждое утро приезжал немец и на ломаном русском языке приказывал всем выходить на улицу. А они в бараке находили мертвых, выносили, бросали на телегу и везли в траншею, которая была выкопана возле наших бараков. Засыпали только снегом, а мы этот снег (сверху) брали и топили на воду. Были там месяцев семь.

Однажды в 1944 году выгнали всех на улицу. Отобрали нашу семью и куда-то повезли. Так мы очутились на границе Польши и Германии. В одной из книг С.Алексиевич есть описание того места. Местные называли его Граево.

Настоящее лето, даже черешни поспели. В лагере были девочки моего возраста. Мы часто пролезали под проволокой и начинали искать что-нибудь съестное. Мне очень везло. Наверное, потому что хорошенькая была. Бывало, слышу бежит за мной полячка: «Цурка, почэкай!» Остановлюсь, она мне дает яйцо или кусочек масла. Принесу его в барак, а мама плачет и говорит: «Детка моя, не мы тебя кормим, а ты нас».

В Граево какой-то немец выбрал нашу семью. Хозяин попался человечный. Завезли нас в местечко Фритберг. Там были полные всего магазины. Нам дали продуктовые карточки. В лесу из камня выстроен двухэтажный дом, где уже много лет жила одна семья. Западные украинцы. Помню, их родная деревня называлась Сковородкино. Они там чистили лес. А лес у немцев как парк у нас. Кроме нас работали там поляки, русские и украинцы. Вырубали и на себе вытаскивали сучья. Мне было только 13 лет, но я трудилась наравне с взрослыми.

Советские войска нас освободили 9 мая, но задержали на уборку урожая. Мне

же предложили ухаживать за ранеными.

Когда приехали в Витебск, была уже глубокая осень. Приходим домой, а там одна печка стоит. Немцы разобрали наш дом на блиндажи. Папа устроился на работу, я пошла в школу. Окончила семь классов, потом поступила на телеграф ученицей, заочно окончила техникум связи в Смоленске, работала начальником смены. Затем ушла на пенсию.

МУЗЫКА (ЕГОРОВА) Мария Титовна 1926 года рождения

Это было в конце августа. Не помню, приносила ли я продавать на рынок молоко, и была ли у нас корова. Жили мы в деревне Капитаново, это десять километров от Витебска, даже меньше если напрямую. Я шла с рынка, где пошёл слух, что наши военные попали, где-то в районе Смоленска в плен. Мне тогда даже четырнадцати не было, день рождения в ноябре. Потом их пригнали в Витебск. Видела своими глазами, когда я шла по Полоцкой, как раз большую партию их гнали немцы. С собаками, автоматчики по обеим сторонам. В это время уже свекла и морковка выросли. А они были голодными и пытались овощи вырвать. Немцы их били прикладами. Все посмотрела и пошла домой. Я ещё не знала, что там был мой брат. Как-то прихожу к лагерю, собрала кое-что поесть раненым, поделила на маленькие порции. Особенного ничего не было – картошка и хлеб. Хлеб, правда, необычный. В Дымовщине были хлебные склады, их подожгли наши, когда отступали. Мы туда ходили, горелый хлеб собирали и приносили домой. Я стала ходить туда-сюда. За проволокой ограждений была ещё одна проволока, а за ней находились раненые. Я стала спрашивать, есть там Егоров? Мне кричат, что есть, а у меня ему передать уже ничего не осталось. Пришлось прийти ещё раз. Уходила из дому утром, в полседьмого. Нужно было пешком идти десять километров, ибо транспорта тогда, естественно, никакого не было. В первой проволоке была сделана калитка, за нее пускали, а там ещё проволока. К ней подходили военнопленные, и я через корзиночку с едой передала своему брату записку. Почти сразу же он написал мне, что среди них есть ещё один парень с деревни Кузнецово. Это было очень далеко, но я нашла и эту деревню, и семью того парня. Его родители очень обрадовались.

В «5-й Полк» ходила каждый день, иногда через день. Что-нибудь спеку, что-то сделаем с отцом из молока. То какой-то супчик, то лепешки. Все это собирала в сумочку и до восьми часов утра приходила в лагерь. Иначе не передашь. Иногда приходила раньше и дожидалась положенного часа. Много раз видела, как военнопленные выносят мертвецов. Там была вырыта очень глубокая яма. Покойники в одних кальсончиках, их бросали прямо в ту яму. Ходила так больше месяца. Потом военнопленных стали возить на маслозавод, который находился возле КИМа разбирать кирпичи. В первые дни войны его сожгли и разграбили. Немцы, по-видимому, хотели все восстановить. Возили их сюда на машинах. Я брату принесла одежду, и он свою военную выбросил всю. Брюки, рубашки, пуловер. Потом куртку, хорошую, утеплённую почти до колена. В этом он там и ходил. Когда пришел тот прохладный сентябрь, они уже работали больше месяца. Однажды брату удалось сделать так, чтобы немцы его не видели. Там близко железная дорога. Он переполз через нее, а там высокий обрыв. Скатился вниз, встал и пошел, и пошел, как ни в чем не бывало. Гражданская одежда помогла, никто его не тронул, хотя

на Марковщине немцев было полно. Недалеко (возле остановки) жила наша двоюродная сестра. У нее было двое детей. Один из них, десятилетний мальчик и привел его домой. Я об этом не знала. Когда пришла в лагерь и передала корзиночку с едой, то мужчина из деревни Кузнецово дал понять, что Темы больше с ними нет. Прихожу домой, брат там. Ой, сколько радости было!

Меня очень возмущает, что никто сразу после войны те лагерные ямы не раскапывал. Они, конечно, безымянные, но ведь там были похоронены люди. Может, узнали кого по наколкам или, как-нибудь еще. Брат все время прятался, потом пряталась и я. Как только немцы приходят, то сразу просят курицу или молоко. С ними разговаривал папа, я была за печкой. Помню, один немец все время говорил, что Сталина и Гитлера надо «пук-пук» и что у него двое своих детей. А в 1942 году пришло требование явиться в Лётцы, где до войны у нас был сельсовет. Не поехала, папа как-то договорился с полицаями. У нас был теленок и папа его отдал, чтобы меня откупить. Помогло только на один год, в 1943 все равно забрали. Опять пришло требование - в Лётцы. На грузовой машине туда приехали немцы, нас выгнали на улицу, у них был список, под лай собак и дула автоматов нас загрузили в кузов. Привезли в Витебск, в здание, где сейчас театр. Все было огорожено проволокой, и там нас держали две недели. Потом, как быдло, загрузили в вагоны. Моя мама умерла в 1937 году, я взяла с собой, что соседка напекла. В Барановичах, в пересыльном лагере продержали еще месяц. Тоже за колючей проволокой. Насильно мыли и, стыдно говорить, как овец брили и стригли. Сколько было плача, сколько слёз!..

Потом довезли до Щетина и там тоже месяц нас держали в лагере. Затем я попала работать к хозяину. Было очень трудно – десять коров, а свиней вообще не сосчитать. Надо было каждое утром в шесть часов подоить коров, наварить еды свиньям. Ведра такие тяжелые, а мне только пятнадцать с половиной лет. Как выжила, не знаю.

В апреле 1944 году я заболела двухсторонним воспалением лёгких, даже без сознания была. Пришла в себя на девятый день и только благодаря моим хозяевам, которые заплатили. Освобождение встретила в больнице. Потом трудилась в воинской части, девчонки коров доили, а я работала на кухне. Приехала домой, отец умер в 1947 году, осталась полной сиротой.

Да, жизнь мы прожили тяжёлую. То ноги болят, то поясница. Сколько я пешком отходила.

НАСЫР
Мікалай Лявонавіч
1925 года нараджэння

Нарадзіўся ў вёсцы Сенавічы Браслаўскага раёна, а калі ажаніўся пераехаў у суседнюю вёску Хвасты. Там і вайну сустрэў. У1943г партызаны сталі ў вёску па начах наведвацца. У мяне на гарышчы сала было, усё забралі да кавалачка. А як жыць? Што самім есці? Але ж што скажаш? Прыходзілі ўзброеныя, бралі што хацелі, не пыталіся. І ежу, і адзежу, і скацінку забіралі. Напрыканцы лета наляцеў карны атрад. Усю моладзь пахваталі і пагналі ў Відзы, з Відзаў у Дукшта пешту. Там ужо ў эшалоны пагрузілі і павезлі далей. Ехаць і то страшна было. Бо партызаны цягнікі абстрэльвалі. Мяне прывезлі ў горад Бэмбург. Адтуль гаспадар на хутар забраў. Вельмі добрыя людзі былі, асабліва гаспадыня - як матка родная. Працоўныя, нязлосныя. У іх сын быў, але ж яго на вайну забралі . Чакалі яны яго,

перажывалі ды маліліся. Я на гаспадарцы працаваў: касіў, араў, сеяў. Голадам не марылі, што самі елі, тое ж і нам давалі. І калі вызваліла нас Чырвоная Армія, гаспадыня плакала, у дарогу выпраўляючы.

У Варшаве допыты прайшоў. Усё рускі афіцэр высвятляў, ці не добраахвотна я ў Германію прыехаў. Як жа, разумеў я, скажы хоць слова не так, дамоў не вернешся. Адпусцілі з допытаў, і пайшоў я да землякоў у дарогу дамоў збірацца, ды трое рускіх афіцэраў дарогу загарадзілі. "Адкуль?" - пытаюцца. Я адказаў, што беларус. А адзін дастае "браўнінг", ды кажа: "Значыць спецыяльна сюды прыехаў, каб кулі на нас адліваць? Чаму у партызаны не пайшоў?" Можа б і застрэліў, але на мае шчасце жанчына–афіцэр яго спыніла. А мне загадала ісці, і на вочы не трапляцца. А потым і ў войска хацелі забраць, ды сестры мае сказалі, што хворы я на эпілепсію. Пакінулі, не забралі.

А вярнуўшыся дадому, ў калгасе працаваў. Дачушку меў, ды загінула яна - утапілася. Вось так у інтэрнат і трапіў. Хутка ўжо 85 год, а час, ліхі, ваенны, як учарашні дзень памятаю.

НЕФЕДОВА (ГОНЧАРОВА)
Нина Степановна
1937 года рождения

Я родилась 10 июля 1937 года в деревне Огородники Витебского района. В самое короткое время после начала войны в деревне обосновались немцы. К ним в услужение пошел бывший председатель колхоза. Моему отцу Гончарову Степану Ильичу он был другом детства. Папе за две недели до начала войны удалили треть желудка. И друг детства, вспомнив какие-то детские обиды, якобы нанесенные папой, в сопровождении немцев пришел к нам выяснять отношения. Папу забрали и под конвоем повели в комендатуру. Он был очень слаб, рана не успела даже затянуться. И мы, его дети, (нас было шестеро) бежали вслед и кричали. Просили, чтобы не забирали и не трогали папочку. Один из немцев остановился, прислушался, остановились и мы, но продолжали просить отпустить папу. Немец ловким ударом ноги в черных блестящих сапогах поддал мне так, что я отлетела на несколько метров. «Швайне юда» (еврейская свинья) сказал он и стал вытаскивать пистолет из кобуры. Все ползали у ног немца, умоляли его не стрелять. Папу увели, а я долго была без сознания. Он вернулся с покалеченной рукой, весь избитый.

А мне с тех пор запрещалось даже рот раскрывать в присутствии чужих людей. Немцы не забывали посещать дома жителей деревни. «Матка, млеко, яйко», - так они требовали молоко и яйцо, и шли за мамой в кладовку, забирали все, оставляя нас голодными.

А мой ужас перед высокими черными, блестящими сапогами сохранился до сих пор.

Все время мы жили впроголодь, не было хлеба, соли, муки. Когда продукты появлялись, немцы сразу их забирали. Самым большим лакомством был кусочек хлеба. У меня и сейчас к нему очень почтительное отношение.

В конце 1943 года жителей нашей деревни вывезли в концлагерь «5-й Полк». А оттуда через несколько месяцев в вагонах, в которых возят скот, нас вывезли в Германию. Перед тем как мы попали в Берлин, наша семья побывала в нескольких лагерях. В моей памяти сохранилась такая картина: нас с братом уводит женщина в белом халате, а я боюсь сделать шаг, так как мне кажется, что я стану в какую-то жидкость. Теперь я понимаю, что пол был покрыт кафелем, и мне страшно, и я

оглядываюсь на маму, которая в это время в немом крике рвется к нам. Наверное, брали у нас кровь. Как вернулись, не помню.

Очень страшными были месяцы, проведенные в Берлине. Старшие братья, отец и мама работали на каком-то заводе холодильного оборудования. Мы находились на территории, огороженной колючей проволокой. У всех нас на груди был пришит лоскут ткани с надписью «ост». Голодали страшно. Особенно невыносимо стало, когда советские войска начали окружать Берлин. Целыми днями и ночами город подвергался бомбардировкам, обстрелам из пушек и орудий. Стоял жуткий грохот. Небо было почти закрыто самолетами. Мы оказались без пристанища, никому не нужные, без воды, еды. Нас отовсюду гнали, не впускали в подвалы, бомбоубежища. Кое-какую еду приносил старший брат Георгий. Он был совсем бесстрашным, уходил на поиски и в развалинах искал хоть кое-что съестное, хоть каплю воды.

Все время пребывания в Германии для меня было страшным вдвойне, так как помимо всех страхов, мне с моим произношением буквы - эр - было запрещено вообще хоть что-нибудь говорить, даже звать маму. Я так и жила с закушенной губой. И в школе из меня с трудом вытягивали ответы, что было предметом постоянных насмешек. Хотя училась очень хорошо, чем гордились папа и мама.

ОСИПУК
Аркадий Гаврилович
1932 года рождения

Сам я витебский, а отец мой родом из-под Бреста. Он из бедной семьи. Там работал на почте, потому что окончил два класса церковно-приходской школы. В Витебск он привез богатую почту, а тут – революция. Все сдал и остался. Построил свой дом. Жили мы около Смоленского рынка, на улице Пионерской.

Началась война. Я видел, как в город входили немцы. Они шли по улице, а мы, пацаны, бегали вокруг. У немцев закатанные рукава, на ремнях - гранаты. Евреев сгоняли в гетто. Приходилось видеть, как их перевозили на плотах, лодках. Топили и стреляли. Желтые пятна на спине и груди остались в памяти навечно. Город горел. Его подожгли наши. Еще немцев не было. Уничтожали все, что может достаться врагу.

Когда отец с матерью уходили на родину матери (Сиротинский район деревня Дворище, партизанская зона), я оставался за старшего. Отец сделал коляску с двойным дном. Мы выращивали табак. Родители, допустим, на базаре купят одеяло или одежду и везут туда менять. А табак отдавали партизанам. Оставался с сестрой на неделю-две. Печку вытоплю, дров наколю. Соседи присматривали за нами.

Во время войны голод был ужасный. Дети «промышляли» по-разному. Ходили к школе, где у немцев была кухня. Бывало, возьмешь с собой котелок и ждешь. Иногда немецкие повара наливали туда половник-два. Несешь домой.

Помойные ямы тоже были «нашими». В Ольгово собирали по огородам гнилую картошку, бураки, шелуху, отруби.

Отец пошел в партизаны, и нас сразу же «выловили». «Эвакуировали» за мост и поместили в полный народу дом. Некоторые там были тифозными. Попали в больницу. Кормили баландой какой-то. Потом тяжелобольных забрали в «5-й Полк». Кажется, был февраль 1944 года. Каждый день нас выстраивали на медосмотр. Вернее отбирали более-менее взрослых детей. Крик, плач. Мы специально

вымазывались грязью, Грязный, лохматый, шапка-ушанка, отцовская шуба. В концлагере мне уже 12 лет было. Присяду - шуба длинная. И так каждый день. Полати в два яруса, проволочная сетка, на ней и спали. Все знали, что отобранных детей могут отправить в Германию, а там брали кровь.

Вроде, в мае это было. Уже солнышко светило ярче, и зелень появилась. Нас на машинах повезли на железнодорожную станцию. Там погрузили в «телятники». Тронулись только ночью. Утром остановились, немцы окружили состав и приказали оставить все вещи, дескать, пойдем мыться в баню.

Пробыли мы там целый день. На закате приехали машины, и нас загрузили и куда-то опять повезли. Но недалеко, проехали всего километров пять-шесть. Всё это время нас охраняли два полицая. Привезли в какой-то лес. Подумали, что будут расстреливать. Все кричат и плачут. Но все оказалось не так. Недалеко были немецкие блиндажи – передовая. Это стало нашим новым лагерем. Понемногу начали обживаться, строить шалаши. Рядом болото. Немцы привозили туда еду - буханку хлеба на десять человек и банку консервов. Мы начали разжигать огонь (надо ж еду варить), а немцы за костры сильно гоняли. Видно наша разведка работала. Истребители каждый день над тем лесом пролетали. А тут - у кого простыни, у кого платки. Видно же, немцы по советским позициям ведут огонь, а нами прикрываются, как «живым щитом».

Питались мы там же, где и опорожнялись, т.е. в туалет ходили в ту воду, которую потом кипятили и пили. Вроде, никто от этого не заболел. А тех, кто хотел набрать воду в расположенном дальше болоте, пристреливали. Туда ходить было запрещено.

… Одна ночь стала особенно шумной. Немцы бегают, стреляют, суетятся. А под утро стало тихо. Появилась наша разведка. Два разведчика приказали нам выходить и смотреть под ноги. Там, где ветки, не наступать - мины. Мы выходили первыми. На выходе из леса висел большой плакат «Подарок Сталину». Наверное, немцы знали, что нас освободят. Над головами летала немецкая «рама». Дошли почти до самой передовой. Присели отдохнуть на полянке. Разведчик сказал, чтобы мы шли через болото. Мне так не хотелось идти. Вырвались к своим, наверное, живы уже будем. Немецкий корректировщик, видимо, все откорректировал, и немцы начали вести обстрел по лесу, из которого мы выходили. Началась паника, погибло много людей. Прямо «каша» из трупов.

А многие тогда солдата не послушались, пошли через болото, а там все было заминировано. Меня ранило в ногу, осколок мины прошел через колено. Нога не сгибается и теперь. Потом нашли траншею, уже нашу, русскую. Конца и края не видно. Идти я почти не мог. Руками обопрусь обо что-нибудь и прыгаю на одной ноге. Затем из нее вообще кровь пошла. Благо, мы выбрались. Сразу же подъехали подводы. Нас погрузили и привезли в какую-то деревню. Поместили в дом, всем раненым оказали первую помощь, а затем отвезли в госпиталь, в город Ржацк. Сделали операцию, подлечили, и я вернулся в Витебск.

ПАЧКОВСКАЯ (ЛАНДЫШКО)
Раиса Александровна
1942 года рождения

Войну мои родители встретили в родной деревне Борейки. Я родилась в 1942 году. О том, что произошло в то страшное время, знаю больше из рассказов родителей, которых вместе со мной, (мне тогда был только один год) угнали в Герма-

нию. В памяти сохранились некоторые эпизоды, и навсегда остался детский страх. Видно, с этим и жить до конца дней своих.

Мама рассказывала, что, когда немцы приехали в Борейки и, повыгоняв всех жителей из домов, собрали их за деревней, все ждали, что их расстреляют. Мама меня поставила за собой, прикрывала телом и просила молчать. И я в самом деле молчала, испуганная криками и слезами людей. Фашисты подожгли деревню, а людей погнали в Воропаево.

На станции погрузили в вагоны-«телятники» и повезли. Везли долго и за всю дорогу только раз покормили и несколько раз давали воду. Мама захватила с собой мою «хлебную соску» - мякиш хлеба смешивали с сахаром, смесь завязывали шариком в холщевую тряпочку. Этот шарик я и «смоктала» всю дорогу.

Привезли нас в город Премис и разместили в бараках. Это первое, что сохранилось в моей памяти. Дети оставались там, а родителей гнали с утра на работу - на красильную фабрику. Возвращались они поздно вечером. Еще помню, что очень хотелось есть. Мама и папа приносили мне сырую брюкву и кочерыжки капусты, и я их грызла. И свой хлеб родители часто отдавали мне. Может, поэтому и выжила. Еще помню, как играла с двоюродной сестрой Верой. Она была на год старше меня. Мы с ней складывали камушки и щепки. Других игрушек не было. Дети часто умирали от голода. Сначала переставали ходить, ложились на нары и все время лежали, а потом их куда-то уносили. И так было изо дня в день.

Освободили нас американцы. Мама рассказывала, что они хорошо относились к нам, угощали вкусной едой. Но я очень боялась всех и чувствовала себя уютно только с мамой и папой.

Немного помню дорогу домой, папа очень болел: в плену он получил хроническую болезнь желудка. Тогда он думал, что не доедет. Но мы все-таки все вернулись обратно.

И после войны хлебнули горя. Приехали на пожарище, только лопухи да крапива росла на месте бывшей деревни. Постепенно родители обживались, день ото дня становилось легче.

Училась в школе. Потом пошла работать. Вышла замуж. Дети, семья занимали все время. Досматривала папу и маму, когда постарели. Они ведь от своего скудного пайка отламывали мне кусочки и не допустили, чтобы я умерла голодной смертью. Теперь я уже сама бабушка. Но тот лагерный страх до сих пор заставляет просыпаться по ночам.

ПЕТУШКО (БАБУЛЬ) Анна Иосифовна 1939 года рождения

Наша семья жила в деревне Бабыли Браславского района. Деревня была партизанской. И мужчины из деревни были в партизанском отряде, и население помогало тем, кто ушел в лес. Папа не был в партизанах, но мама пекла для них хлеб. Однажды в деревню приехали немцы. Соседняя деревня Стайки уже была сожжена, жители Бабылей тоже решили, что и нашу деревню сожгут, а людей расстреляют. Но всех из домов согнали в один огород и оцепили, и я помню, как офицер стал нас фотографировать. Но нас отпустили. И после этого все ушли в лес прятаться. Сделали что-то наподобие бункеров и там жили. В семье были папа, мама, старшая (на восемь лет) сестра и я. Летом 1943 была немецкая облава, нас нашли и взяли в плен. Когда гнали на железнодорожную станцию, ослабевших расстреливали на

месте. До сих пор помню, как у меня на глазах застрелили старушку, которая не могла идти. Помню, как она умирала, дергалась всем телом.

На станции Воропаево погрузили в вагоны и повезли в Германию. Сначала привезли в Берлин, потом в лагерь, который был на реке Рейде и назывался «Флитар». Там мама и папа стали работать на красильной фабрике, а нас, детей, оставляли в бараке-«садике». Иногда на день, иногда на неделю. Детей плохо кормили, и многие умирали. Просто ложились на пол и больше не вставали. Я помню, как звала одну девочку, тормошила ее, но она не отзывалась. Думала, что она спит и не хочет со мной играть. Что такое смерть, я, да и многие дети, не понимали. Мне ведь и 5-и лет не было. Мама приносила откуда-то брюкву. Она мне казалась такой вкусной! Охотно грызла. Когда дети стали массово умирать, нас перевели в другой детский барак. Оставляли взрослую женщину, которая следила, чтобы мы съедали всю баланду, которую нам давали, и чтобы старшие дети не отбирали ее у младших. Особенно запомнилась одна русская женщина, которая очень красиво танцевала. Она учила танцевать и нас, и мы, дети, охотно танцевали вместе с ней. Видно, таким образом она старалась отвлечь нас от тягот плена.

Наш завод узников назывался «2-ая экспедиция». Первую, из рассказов взрослых, почти всю уничтожили. Но над нами не издевались. А когда стал приближаться фронт, начались бомбежки, мы прятались в бункеры. Однажды нас, 10 детей, сбежали из барака поиграть, и в то время началась бомбежка. В него попала бомба. Помню оторванные руки, ноги, головы, крики и стоны. Большего ужаса я до сих пор в своей жизни не видела. Все дети тогда погибли, осталось только 10 сбежавших, и я в их числе. Полтора года пробыли мы в Германии. В апреле 1945 года нас освободила Красная Армия. И скоро эшелоном отправили домой. Когда открылись школы, я пошла учиться. После учебы работала в туберкулезном санатории поваром. Вышла замуж. Есть дочь и две внучки. Живу вместе с дочерью и зятем. Вроде бы все хорошо, но осталась горькая память о том тяжелом времени и горе, которое принесла война.

ПИЛЬНИК
Михаил Александрович
1930 года рождения

Деревня Слобода расположена у леса. До войны это был Освейский р-н, сейчас Верхнедвинский. В наших лесах базировались партизаны. И мой старший брат тоже был в партизанском отряде. В 1943 году немцы предприняли попытку уничтожить партизанское движение и начали карательную экспедицию. Жителей деревни согнали в колонну, среди них была и моя семья: мама, папа, брат и сестра, совсем маленькая, ей был только год. А потом завезли в Латвию в лагерь Саласпилс.

О том времени не могу вспоминать, слишком тяжело. Сейчас даже не верится, что можно пережить такое, но мы пережили. Условия в лагере были невыносимыми. Кормили раз в день баландой, и люди умирали от голода. В лагере было много детей. Меня с мамой разлучили, я был с такими же по возрасту мальчиками. А маму гоняли на работу к хозяевам. Я иногда ее видел издали. А у нас, детей, регулярно брали кровь для немецких раненых солдат. Местное население к ограде лагеря не подпускали, никто не мог подойти, чтобы бросить еды. Фашисты стреляли без предупреждения. Узникам не разрешалось подходить близко к колючей проволоке. Мама потом рассказывала, что хозяин, у которого она работала, был

жестокий, злой человек. Избивал людей, никогда не кормил и смотрел на узников как на рабочий скот. В лагере Саласпилс мы прожили ровно год, но такую жизнь нельзя называть жизнью. Но мы остались живы. Нас освободила русская армия. Мы все были похожи на скелеты. Еще долго я не мог набраться сил.

Когда вернулся домой, сначала поучился немного в школе, но ни еды, ни одежды не было, вокруг разруха, и я пошел работать в лесное хозяйство. Так там и проработал всю жизнь. О мирном времени вспоминать легко, а вот о войне невыносимо тяжко, потому что времени, проведённого в лагере в Саласпилсе, мне хватило на всю оставшуюся жизнь.

ПЛАВИНСКИЙ
Владимир Иванович
1936 года рождения

Я родился в семье крестьянина в деревне Ананьино Елатинского сельсовета, а ныне Бабиничского, а точнее на хуторе Морозово, что в километре от деревни. В 1939-40 годах в период коллективизации все хутора были объединены в деревни, И в 1940 году всей большой семьей мы оказались в деревне Ананьино.

Дом наш находился на окраине деревни (также расположен и сегодня), а через огород на другой улице проживала семья Староказниковых. Отец - Василий Фомич, мать - Елена Давыдовна, дети - Володя, Люба. Леша, Рая. Леша был моим одногодком. С ним и было первое знакомство, а впоследствии долгие годы мы были друзьями.

Война началась неожиданно и совсем непонятно для нашего детского возраста. Чудесная погода, тепло, в небе пролетают самолеты, где-то громыхают взрывы бомб, и неожиданно в деревню приехало много мотоциклов с немцами. Расположились они на выгоне за нашим домом. Небольшими группами пошли по деревне, требовали продукты. Одни немцы уезжали, а другие приезжали. Создали полицейское управление с центром в Андроновичах. В отсутствие немецкого гарнизона, ночами господствовали партизаны, им мы давали продукты питания, одежду. Чтобы ни достались немцам, угоняли коров, а на утро приезжали фашисты, стреляли в сторону леса и устраивали грабеж. Помню, двое в хате требуют «млеко, яйко», а в это время несколько солдат орудуют во дворе: убили собаку, застрелили кабана, погрузили в телегу и уехали.

Партизаны частенько беспокоили местные гарнизоны, хотя война была где-то под Москвой, Ленинградом. Однажды в деревню пришли печальные известия: в районе шоссе Витебск — Сураж под мостом немцы застрелили партизана. Им оказался молодой парень из нашей деревни Петр Староказников, сын наших соседей. Семью убитого срочно куда-то увезли. Жизнь при немцах (более-менее сносная) продолжалась до начала осени 1943 года, а потом, когда фашистов стали гнать на Запад, они поселились у нас в деревне. Всех жителей выгнали со своих домов. Некоторых отправили в концлагерь «5-й Полк».

Наша семья временно нашла приют у родственников по улице Володарского. Но это длилось недолго, так как вскоре мы попали в концлагерь «5-й Полк». Находясь там, мы повстречались с семьей Староказниковых и многими односельчанами. В лагере мы пробыли недолго. Ранней весной 1944 года нас вместе с другими узниками вывезли в лес, в болото возле деревни Крынки Лиозненского района. Лагерь был обнесен колючей проволокой, усиленно охранялся немцами. Там мы пробыли несколько месяцев. 3 июня 1944 года части Советской Армии нас осво-

бодили. После освобождения нас разместили в деревне Износки Смоленской области. Там в госпитале многим была оказана медицинская помощь, прошли реабилитацию. После освобождения Витебска, 26 июня 1944 года, мы вернулись в свою деревню. Все было разрушено. Из более чем ста дворов, остались целыми только пять. Из нашего дома немцы соорудили бункер. Пока он не начал разрушаться, в нем первое время и жили. Основные трудности были зимой. Вход в бункер полностью заметало снегом, и пока кто-нибудь, из односельчан не откопает, выйти из него было невозможно. Затем мы жили в соседской бане, пока те не вернулась из эвакуации. Впоследствии (три семьи) жили в небольшой хатенке на окраине другой улицы. Так продолжалось до постройки своего дома в 1949 году.

ПОПКО (ПЛАТОНЕНКО)
Надежда Яковлевна
1927 года рождения

Когда в нашу деревню приехали на мотоциклах немцы, мы сидели в окопе. Отец выкопал его в огороде. Мой брат был старше меня на три года, боевой, ничего на свете не боялся. Когда стрельба прекратилась, вылез из окопа, а потом возвращается и говорит: «Вылезайте, ничего страшного нет, немцы никого не трогают, даже угощают конфетами «Бон-Бон». Такое у них было название. Потихоньку вылезли, зашли в хату притаились, и сидим. Наверное, прошел час, и начался артобстрел. Какие стреляли дальнобойные орудия, не знаю, но было очень страшно. Земля аж тряслась. Длилось это с полчаса. Даже голову страшно было поднять. Мы такого не видели никогда. А немцев и след простыл.

Фронт продвинулся дальше, и даже признаков войны не было. Потом появились пленные. Бывало, немцы гонят их утром на работу, может, окопы копать или что еще и заставляют петь песни. Голодные, опухшие, но, если не будешь петь, получишь плеткой. Немцы очень любили нашу «Катюшу». Мелодию они играли на губной гармошке, а наши пели. Были и очень хорошие голоса… Словом, издевались, как хотели.

Носила в «5-й Полк» военнопленным еду. Мне было только четырнадцать лет, поэтому надеялась, что никто не тронет. Еда была очень простой. Сварим картошку в мундирах, почистим, солью посыплем - и в лагерь. Ничего другого не было. Все, что посеяли весной, уничтожила война. Пока разделили землю, достали семян и посеяли вновь, ели крапиву или лебеду. Без хлеба.

Здесь была партизанская зона. Немцы всех «эвакуировали» в «5-й Полк». Спасло только то, что на нашем доме висела тифозная табличка. Дескать, входить запрещено. Сразу нас не тронули. Что они с нами собирались делать, понятия не имею. Когда всех выгнали из Гришанов, отец сказал: «Или нас решили спалить вместе с домом, или расстрелять. Давайте уйдем». В деревне он поймал коня, запряг, и мы поехали в сторону деревни Городно. А там уже немцы вовсю хозяйничают. Нам приказали быстро собрать ручной багаж (что соберешь за пять минут?) и погнали. Километров пятнадцать гнали, а потом заставили рыть окопы. У моего отца была грыжа. Немцы увидели, что он не годится для работы, и выдали нужную справку. Вскоре домой и брат пошел. Осталась я одна. Придумала следующее: намотала на руку тряпку, намотала ее на шею, и тоже стала «больной».

Вернулись в родную деревню, а тут – немцы. У соседа Кравченко был очень хороший дом, там разместилось все немецкое начальство. Мы прятались, боялись даже выглянуть. А потом была облава. Пришел какой-то немецкий офицер и при-

казал из этого дома уйти. Так мы и сделали. За горкой был маленький домик. Там всей семьей и поселились.

С нами жили эвакуированные и беженцы, среди которых была родная сестра матери. У нее четверо детей. Сами они с Курино. Потом начался тиф. Всех заболевших немцы согнали к нам. На полу все лежали покатом. В два ряда. Мальчишки с одной стороны, девчонки с другой, а посередке - проход.

РАДЧЕНКО
Федор Семенович
1933 года рождения

Помню, мы пришли с городского базара, когда кто-то сказал, что началась война. Ну, а потом вообще посоветовали уходить из деревни, ибо в ней будут бои. Так и сделали. На дороге уже были убитые. За деревней Шерстни (ее уже нет) были рвы, и мы пошли в них ночевать. Батька с соседом вернулись обратно, все посмотреть. Пришли и говорят, что дома все спокойно. Тогда вернулись все. И сразу же начали бомбить, стрелять. Одна женщина несла воду, рядом разорвался снаряд. Осколок попал в руку, умерла от потери крови.

Некоторое время немцы в нашу деревню не заходили. Первые начали заходить только осенью. Отдохнут и пошли дальше, приезжают другие. С этого всё и началось. Заставляли сдавать зерно, посеянное еще колхозом. Естественно, никакого советского начальства не осталось, поэтому с урожаем мы разбирались сами. Избрали старосту, который всеми руководил. Прожили так до 1943 года.

А потом нас окружили немцы и загнали в кимовские склады. Это было ночью, потому первый раз переночевали там. Недалеко у батьки жила сестра. Договорились у нее пожить. Подкупили охранников и махнули к ней. С месяц пожили у нее. Потом приезжаю сюда на лыжах, смотрю: нет ни жителей, ни немцев. Рассказал об этом всем своим. Вернулись Прожили в родной деревне немного. Немцы окружили опять и отправили в «5-й Полк». Воспоминаний сохранилось немного. Нары, темно, воды нет. Военнопленных, кажется, уже не было. А раньше их видел много. Конвой небольшой был, и они часто убегали. Мы их переодевали. Дома у нас уже не было цивильной одежды. Только перекрашенная военная. Ее и носили.

Потом вновь ночью нас погрузили в машины. Куда повезут, не сказали, но мы подумали, что путь будет дальним, ибо в кузова бросили несколько буханок хлеба. Привезли на станцию. Перегрузили в «телятники» и закрыли. До рассвета простояли в Витебске. Затем повезли в направлении Орши. В качестве «живого щита». За нами шел немецкий военный эшелон. Расчет был на то, что партизаны не будут взрывать своих. Но они немцев перехитрили. Нас пропустили, а их состав подорвали. Видно все знали. Довезли до Польши. Там опять высадили. Тех, кто болел, отправили в лагерь, остальных повезли дальше. Довезли до Граца, это уже в Австрии.

Потом был еще один лагерь и распределительный пункт. Там хозяева, кому нужна рабочая сила, разбирали всех. Мы остались почти последними. Большая семья, малые дети. Потому и не брал никто. Затем приехала хозяйка. Всех погрузили на телегу и вновь повезли. Недалеко. Километров 12, наверное. В первую ночь мы ночевали на сеновале. Там у них хозяйство было большим, не то, что в нашей деревне. Неделю жили на чердаке. А потом нам выделили какой-то склад. Раньше в нем лежала тара. Вычистили, настелили пол, вырезали окно, сделали нары. Это гораздо лучше. Зимой же не будешь жить на чердаке. Да и сено куда-то

надо класть.

Утром уходили на работу. Пололи грядки, заготавливали сено, делали все по хозяйству. Как-то я по радио услышал (точнее понял, ибо их языка совершенно не знал), что освободили Витебск. Рассказал обо всем своим. Было это в 1944 году, а нас освободили в 1945. Узнали об этом, зашли в дом. Хозяйки и след простыл. Как водой разлилась. Мы, правда, там дня три еще прожили. Пока не подали вагоны. В похожих коробках обычно возят уголь.

Набилось туда очень много людей, а в Граце еще и добавили. Повезли к венгерской границе. Вернее, к месту, где соединяются границы трех государств. Пробыли там несколько месяцев. В конце июля собрали всех витебских и, наконец, повезли домой. Везли целый месяц, приехали только 25 августа. Останавливались «у каждого столба». Пропускали другие поезда, потому что почти все пути были неисправными. Не то, что сейчас. Приехали и фактически сразу пошли в школу.

РАЙЧОНАК (АРОНАВА)
Ада Эл'еўна
1937 года нараджэння

Я запомніла пачатак вайны, бо тое, што адбывалася, было вельмі страшна і незразумела для чатырохгадовай дзяўчынкі.

Мы з мамай і татам жылі ў Віцебску, у раёне хлебзавода. Вуліца называлася Мала-Ільінская. Памятаю бамбежку, пажары, разруху. Ад дыму мы задыхаліся і закрывалі твары мокрымі анучамі. Мой тата быў яўрэем. Перад самай вайной ён "на выдатна" скончыў тэхнікум і збіраўся працаваць у Віцебску, яму прапанавалі месца выкладчыка. Але пачалася вайна і тату мабілізавалі дэманціраваць і эвакуіраваць абсталяванне з заводаў Віцебска. Тата прыйшоў развітацца. Памятаю, як ён падкідваў мяне ўверх і цалаваў. Больш я яго ніколі не бачыла. А мы за мамай усю вайну пражылі ў акупацыі. І мяне ўвесь час трымалі пад замком, бо знешнім выглядам я была падобна на тату. А фашысты заганялі ў гета і знішчалі ўсіх, хто нават знешне паходзіў на яўрэя.

Цяпер я разумею, чаму немцы наносілі такія дакладныя бомбавыя ўдары па аб'ектах Віцебска. Нават у нашым многакватэрным доме аказалася немецкая шпіёнка. Я памятаю яе імя – Міля Іванаўна. Яна была нашай суседкай і здавалася мілай і добрай жанчынай. Заўседы пазычала маім бацькам-студэнтам грошы. Была ветлівай і добразычлівай. А як немцы занялі Віцебск, за ёй прышла шыкоўная машына, і я бачыла, як нямецкія афіцэры ўскідвалі руку ў фашыскім прывітаннні і потым некуды яе павезлі. Яна жыла ў Віцебску з часоў Першай Сусветнай вайны і працавала на нямецкую разведку. Пра гэта стала вядома ўжа пасля вайны з нямецкіх дакументаў. І напэўна не адна яна была ў Віцебску.

Аднойчы мама забылася зачыніць на замок дзверы, і я выйшла на вуліцу. Было цікава, а што там адбываецца ў горадзе, і я пайшла разглядаць новыя сцягі з павукамі, салдат і людзей, якіх, седзячы пад замком, даўно не бачыла. Але вельмі хутка да мяне падыйшоў нямецкі афіцэр у чорнай форме з бліскучымі гузікамі і знакамі, пільна паглядзеў на мяне, нешта сказаў і ўзяўшы за руку, адвеў у гета.

Гета знаходзілася на тэрыторыі былога гароднінасховішча. Абнесенае калючым дротам, навокал узброеная ахова з сабакамі – яно было жудасным месцам. Тоё, што я ўбачыла, назаўседы засталося ў маей памяці. Стогны, плач. Адчай людзей, да якіх адносіліся горш, чым да жывёлы. Раніцай мужчын-яўрэяў запрагалі ў аглоблі вялікіх вазоў, на якіх стаялі бочкі. Потым гналі да ракі за вадой. Калі

бочкі напаўнялі, мужчын зноў запрагалі, і яны везлі ваду на хлебазавод. Іх секлі-падганялі бізунамі. Праз некалькі дзен людзі гінулі, і тады на іх месца запрагалі новых пакутнікаў. Колькі я была ў гета, я не памятаю. Але выжыла там, дзякуючы дабраце яўрэяў. Самі галодныя, яны дзяліліся са мной ежай. Хто кавалачак хлеба дасць, хто печаную бульбіну. Увесь час мама адчайна шукала мяне і нарэшце знайшла. Яна прывяла суседзяў, якія падцвердзілі, што я не яўрэйка і, ўзяўшы хабар, мяне адпусцілі. Мамін сусед выдаў мяне за сваю дачку, і каб больш ні ў кога не ўзнікала сумленняў, што я яўрэйка, мама выйшла за яго замуж. І ен усім казаў, што я яго дзіця. Але быў чалавек, які ведаў, хто мой тата. Яго прозвішча Тураўскі. Калі прыйшлі немцы, ен пайшоў у паліцыю і даслужыўся да начальніка. Гэты паліцай перыядычна наведваў маю маму і айчыма і патрабаваў хабар. Брат мамы быў летчыкам і перад вайной пакінуў у нас свае рэчы: ліхавыя курткі, скураныя боты, добрае адзенне. Усе гэта мама аддавала Тураўскаму, каб той не даносіў, што я напалову яўрэйка.

Мама і айчым працавалі на хлебзаводзе і з імі звязаліся падпольшчыкі, бо брат айчыма застаўся ў Віцебску па загаду абкома, каб наладзіць падпольную дзейнасць. Пра гэта ніхто не ведаў. Забягаючы на перад, скажу, што брата айчыма арыштавалі пасля вайны, бо ўжо не было каму падцвердзіць, што ен быў у паліцыі па заданню ўлады. Яго адправілі ў сталінскі лагер на 25 год. Дакументы, якія даказвалі, што ен не здраднік, былі знойдзены праз многа год пасля яго смерці. Ен так і памёр з плямай здрадніка, і сям’я яго пакутвала: на ей таксама было кляймо ворагаў народа. Дзядзю рэабілітавалі пасмяротна, ды толькі ад гэтага не лягчэй.

Айчым перадаваў хлеб і муку партызанам, якія прыязджалі на хлебзавод, пераапранутыя ў нямецкую форму з падробленымі дакументамі.

А я яшчэ раз вырвалася на вуліцу. Вельмі хацелася пагуляць з дзяцьмі на двары. А яны дражнілі мяне жыдоўкай і піхнулі на калючы дрот. Я параніла нагу і захварэла на заражэнне крыві. Лячыў мяне доктар Стож, які быў удзельнікам падполля. Ён сказаў, што мне патрэбны лекі. Мама расказала пра гэта немцу, які працаваў на хлебзаводзе. Гэты чалавек тайна прыносіў маме неабходныя лекі. Я памятаю яго імя - Карл Брушміт і ўвесь час шукаю гэтага добрага, сумленнага чалавека, або яго сям’ю. Прасіла нямецкіх журналістаў дапамагчы. Але пакуль што безвынікова. Вельмі спадзяюся, што калі- небудзь сустрэнуся, калі ўжо не з ім, то з яго дзецьмі, або ўнукамі.

А потым пачаліся правалы падпольшчыкаў. Ці то высачылі немцы, ці то здрадзіў хто. Але майго айчыма і яшчэ некалькіх чалавек арыштавалі. Айчыма білі гумовымі палкамі, сагнаўшы ўсіх рабочых хлебзавода, каб застрашыць. Білі доўга, але не кінулі ў турму. А дазволілі маме забраць дамоў. Ці то былі ўпэўнены, што ён памрэ, а хутчэй за ўсё спадзяваліся всачыць, хто звяжацца з айчымам з ліку падпольшчыкаў. А доктара Стожа і яшчэ некалькі падпольшчыкаў прылюдна павесілі на плошчы. Арышты працягваліся. Мы з мамай хадзілі да лагера ваеннапалонных “5-й Полк”, шукалі родных. Жудасна было глядзець на людзей, галодных, абарваных. А ў тых, хто паранены, у ранах заводзіліся чарвякі і палонныя іх выкавырвалі.

А потым і нас схапілі ў лагер. Мама была ўжо цяжарная, і ў яе не было больш ніякіх рэчаў, каб адкупіцца ад Тураўскага, і нас схапілі. На грузавіку, куды нас нагрузілі, ехалі стоячы. Не было месца, бо арыштаваных сем’яў, звязаных з партызанамі і падпольшчыкамі, было вельмі шмат. Адбылося гэта зімой 1943 года. У мяне не было ніякага цёплага абутку, і мама надзела мне летнія сандалікі, адзінае, што было. Пакуль ехалі да Лепельскага лагеру, ногі акачанелі, я іх ўжо

не адчувала ад невыноснага болю. У Лепелі мы жылі некалькі месяцаў, калі тое, што адбывалася можна назваць жыццем. Яшчэ памятаю, што да нас далучылі Ушачскіх вязняў. Размясцілі нас па хлявах, дзе раней стаяла скаціна. А ў 1944 годзе нас немцы пагналі ў Германію. Я несла з сабой фотаздымкі ў мяшэчку. Айчым бачыў, што я ўжо чуць цягнуся, і адабраў мяшэчак, але я не дала яму выкінуць татавы здымкі. Адзін дзень наша калона праходзіла каля лагера, дзе былі палонныя італьянцы. Знясіленыя, худыя, счарнелые людзі, я нават спужалася, больш былі падобныя на чорных зданей. Іх растралялі, калі мы яшчэ недалека адышлі ад таго лагера. А нас гналі далей. Перайшлі мост праз раку Беразіну і хутка спыніліся. Канваіры пачалі нешта гаварыць паміж сабой. Потым загадалі паўзці праз жыта да лесу, а самі сталі страляць уверх. Пазней далучыўшыся да нас, адзін з канваіраў растлумачыў, што яны атрымалі загад растраляць палонных, але вырашылі даць нам магчымасць уцячы, зрабіўшы выгляд, што страляюць вязнеў. Мы з гэтым канваірам прыбіліся да нейкага лясного хутара. Канваір вырашыў здацца, калі сустэне чырвонаармейцаў. Бо ўвесь час мы чулі кананаду, бачылі савецкія самалёты. Следам хутка набліжалася Чырвоная Армія.

Раніцай на нашым хутары з’явіўся рускі салдат. У мяне есць усе падставіны думаць, што ен быў дызерцірам. Бо паводзіў ен сябе не па-чалавечаму. Быў п’яны. Пачаў крычаць на нас і мацярыцца: “Сукі ... усе на Калыму пойдзеце, прадаліся немцам”. А потым убачыў нямецкага канваіра і пачаў з яго здзеквацца. Той прасіўся, казаў што ў яго “драй кіндер”, ды той шалены салдат схапіў вілку і праткнуў горла немцу. Чалавек, захлёбваўся крывей і ў пакутах памёр. Аднаго я зараз не магу зразумець, дарослых было многа, каля сотні чалавек, і ніхто не заступіўся, не прадухіліў забойства. А гэты немец не выканаў загаду, ён не расстраляў нас, і мы засталіся жыць.

Пасля гэтага мы кінуліся наўцекі, хто куды. Мы з сям’ей Воранавых дабраліся да вёскі Параф’янава. Там была чыгуначная станцыя. У будцы мы і пасяліліся. На станцыі стаялі савецкія салдаты. Мы спачатку баяліся да іх падыходзіць, але яны самі запрасілі нас да паходнай кухні, накармілі. І тут у мамы пачаліся роды. Салдаты дапамаглі ей. Салдат-павітуха назваў майго навароджанага брацікa Лёней. Праз некалькі дзён салдаты рушылі далей на захад, а мы засталіся. Яны пакінулі нам ежы на некалькі дзен. А калі есці стала нечага, мама пайшла ў заробкі да мясцовых жыхароў, хоць ледзь-ледзь аправілася пасля родаў. Жала збожжа, капала бульбу, працавала на любых работах, што прапанавалі.

У верасні я пайшла ў школу. Абутку не было, і па шпалах босая, я хадзіла амаль да лістапада. Потым нехта даў маме атопкі. І яшчэ я сустракала кожны эшалон, які праходзіў праз станцыю. Хадзіла па вагонах і пыталася “Ці бачыў хто майго тату, калі ж ён прыедзе?” Мяне шкадавалі і казалі, што ен прыедзе наступным цягнікам. Але і ў кожным наступным таты не было.

Айчыма таксама забралі ў армію, і мы з мамай і маленькім братам засталіся адны. Калі я прыходзіла са школы, няньчыла малыша, а мама ішла на заробкі, пакуль не знайшла працу.

Я так і не магу ўспомніць што-небудзь добрае з тых часоў. Тата не вярнуўся, брат айчыма быў залічаны ў здраднікі Радзімы, жылі ў прогаладзь. Але я вучылася вельмі старанна. Мне здавалася, што мной вельмі б ганарыўся тата.

А калі скончыла школу, паступіла ў педагагічнае вучылішча. Пасля атрымання дыпломy мяне накіравалі на працу ў Шаркаўшчынскі раён. Працавала ў школах раёна, выкладала рускую мову і літаратуру.

Далека ўжо адыйшлі гады вайны, а памяць зберагае ўсе дэталі той страшнай

пары, нібыта гэта адбылося ўчора, і ў вачах стаяць яе бязвінныя ахвяры.

РАЧКОВСКИЙ
Владимир Владимирович
1938 года рождения

Мне было всего три года, и я не помню начала войны. А вот события 1942-1945 годов запомнил хорошо.

Родился в деревне Углы Глубокского района. Наша деревня располагалась, говоря народным языком, между двух огней. Километрах в пяти от нас был немецкий гарнизон, а километрах в пятнадцати – зона, контролируемая партизанами. Партизаны приходили ночью, а днем появлялись немцы.

Кто-то из деревенских пожаловался властям, и на следующий день немцы приехали и прилюдно расстреляли семью, связанную с партизанами. А ночью партизаны тайно расстреляли семью, сотрудничавшую с немцами.

Шел 1944 год, и немцы, решив очистить свой тыл, бросили на партизанскую зону регулярные войска. Жителей тамошних деревень стали вывозить в Германию, чтобы лишить партизан помощи. Приехали немцы и в нашу деревню. Приказали запрячь лошадей и грузить на повозки свой скарб. У кого лошадей не было, разрешили брать все, что можно унести на плечах и в руках. Отец запряг коня, и мы, вместе со всеми, поехали на железнодорожную станцию Зябки. В день облавы к нам в гости пришел мой двоюродный брат. Его немцы домой не отпустили. Родители взяли племянника с собой. Он был старше меня лет на 10. На станции наша лошадь, напуганная немецкой машиной, куда-то убежала. Отцу разрешили ее поймать. Он пошел за лошадью и уже не вернулся. Мы остались втроем: мама, двоюродный брат и я. Всех погрузили в вагоны-«телятники» и повезли. Первой остановкой был пересыльный лагерь в Польше, в городе Вроцлав, тогда он назывался Браслав. Загнали в лагерь, кругом колючая проволока в два ряда, охрана с собаками.

Там выдали солдатские котелки, и каждый получал свой паек. Утром так называемый «кофе», черная вода горько-горелого вкуса и 50 граммов хлеба. В обед - суп из брюквы и 80 граммов хлеба. Суп был черно-бурого цвета, в нем иногда что-то плавало, очень похожее на очистки от картофеля или кормовой свеклы. Ну а вечером снова «кофе», но уже без хлеба.

Смертность в лагере было неимоверная. Ежедневно полностью загруженная специальная машина (черный воронок) увозила тела умерших. На территории лагеря не было ни одной травинки, ни одного корешка. Люди в консервных баночках на щепках сварили все, что при варке становилось мягким.

Голод принуждал искать выходы из лагеря и делать лазы. Польское население, а в городе, как и везде во время войны, в основном оставались старики, женщины и дети, делилось с узниками продуктами. Хоть у самих была карточная система, давали то кусочек хлеба, то морковку или картошку. Население никогда не выдавало отчаянных добытчиков пищи, но их ловила немецкая жандармерия и возвращала в лагерь. А в лагере истощенных людей сажали в карцер. Мало кто выдерживал без еды, света, на одной воде трое суток.

Фронт подступал все ближе и ближе. Осенью 1944 года нас повезли в глубь Германии. На этот раз на пароходе по Эльбе. Второй лагерь был в небольшом городке Варты. Тоже бараки, но без проволоки и многочисленной охраны с собаками. Взрослых определили на работу, на завод по сборке самолетов. Завод раз-

мещался под землей в огромной шахте. Часть узников строили дорогу. Кормили в этом лагере лучше. Иногда даже давали по кусочку конского мяса. Взрослым платили зарплату марками, за которые ничего из продуктов нельзя было купить, ведь всюду была карточная система распределения. Можно было купить только немецкое пиво.

Я с детьми ходил в лес собирать ягоды. Там росло много ежевики, которую мы обменивали на муку. Немецкие женщины относились к нам благожелательно. Помню, как одна из них позвала меня: «Киндер, киндер», - погладила по голове и дала бутерброд – хлеб, намазанный маслом.

Они тоже проклинали войну и Гитлера, ведь и их мужья и сыновья погибали на войне. А к 1944 году потерь было очень много.

Но и сюда уже подходил фронт. Мы часто слышали канонаду. Городок бомбили, и нас снова повезли. Еще один лагерь в городе Эрфорте стал адом на земле. Обнесенный колючей проволокой, кругом вышки с пулеметами, и раз в день «кормежка». Иначе бурду из мерзлой полусгнившей картошки черного цвета, не назовешь. То, что называли едой, не стали бы есть даже свиньи. Люди снова умирали десятками. Каждый день и каждую ночь смерть собирала свои многочисленные жертвы.

А выжили мы, благодаря тому что американцы неожиданно быстро напали на охрану лагеря и освободили узников. Нас уже выгнали из бараков и поставили перед пулеметчиками, чтобы расстрелять. И в этот момент к воротам лагеря на быстром ходу подъехали американские танки - немцы разбежались. Так мы остались жить и стали свободными.

Американские солдаты отнеслись к нам с большой заботой. Была оказана медицинская помощь, а в ней нуждались очень многие. Нас начали хорошо кормить. Я впервые ел шоколад, сгущенку, тушенку. Даже не знал, что бывают такие вкусные продукты. Бывших узников перевели в солдатскую казарму, и в ней мы жили с конца апреля 1945 года до августа.

Американцы предлагали всем решить, куда возвращаться. Выбор был большой – Австралия, Канада, Бразилия, Аргентина. И многие туда уехали, даже семьями. Но наша мама решила вернуться домой.

К русской оккупационной зоне американцы везли на машинах. Мне запомнились водители афроамериканцы. Они угощали разными вкусными гостинцами.

А вот когда нас передали русским, с пищей стало похуже. Не хватало продуктов, и еда было простой. Солдатская каша, суп, хлеб, чай. Я думаю, что так хорошо помню, чем нас кормили потому, что все свое детство думал о еде. Голод очень запоминается. О смерти не думалось, наверное, потому что не понимал, что это такое. Голод был страшнее.

Домой мы добирались целый месяц. Ехали в «телятниках», с техническим оборудованием, которое вывозили из Германии, на платформах с металлоломом для плавильных заводов. К концу сентября приехали домой, где и встретились с отцом.

Началась наша мирная жизнь. Я пошел в Псуевскую школу. После учился в Глубокском техническом училище. А после училища судьба снова забросила меня в Германию. Служил в армии три года, недалеко от тех мест, где когда-то был в лагере. После демобилизации поступил учиться в Минский институт на факультет электрификации. После окончания поработал мастером, потом предложили возглавить Глубокское РЭС, и больше 30-ти лет я работал на этой должности. Оттуда и ушел на пенсию.

С женой вырастили сына и дочь, а сейчас занимаемся внуками. Их у нас четверо. Казалось бы, все прошло, забылось, но иногда всплывают в памяти страшные картины тех военных лет, когда мне, ребенку, казалось, что в мире нет ни добра, ни тепла, ни света. И я очень хочу, чтоб мои внуки и их ровесники никогда в своей жизни не встретили подобных испытаний.

Мир без войны – это главное в жизни людей.

РЕШЕТНИКОВА (СИМАНКОВА) Лидия Ивановна 1932 года рождения

Мой возраст установлен врачебно-медицинской комиссией. Точную дату своего рождения не знаю. А война для меня началась в тот день, когда папа ушел на фронт. Жили мы в деревне Лупины Пречистенского района, Смоленской области. Помню, как бежала за колонной уходивших на войну мужчин, просила папу взять меня с собой. Папа крикнул: «Я вернусь, доченька». Но он ушел навсегда. Только после войны мы узнали, что он пропал без вести. Так официально уведомили.

Мы с мамой остались одни. Мама ждала ребенка, и он родился в 1941 году, когда деревню уже заняли немцы. Назвали его Ванечкой, как и отца. А еще запомнилось немецкая облава. Немцы согнали всех жителей деревни в один дом. Люди кричали, плакали, ждали мучительной смерти в огне. Все знали, что некоторые соседние деревни и людей, там живших, постигла такая страшная участь.

Но нас не сожгли, а погрузили на подводы и повезли в Пречистое. А деревню подожгли, когда уезжали.

Из Пречистого перевезли в Ярцево и там погрузили в «телятники». Долго возили где-то, подолгу эшелон стоял в тупиках, потом снова везли. Нас не кормили. Только воду давали иногда. Мы и так не ждали ничего хорошего от фашистов, но тут стали отчаиваться вообще.

Уже в «телятниках» стали умирать люди, их тела немцы приказывали выбрасывать из вагонов. Наконец нас привезли в Слуцкий лагерь смерти. Длинные бараки, обнесенные высоким забором из колючей проволоки, я запомнила на всю жизнь. На вышках пулеметы, а вокруг охрана с собаками. Полицейских было больше, чем немцев. Когда нас загнали в барак, мы читали на стенах надписи. До нас там были военнопленные. Были написаны фамилии, иногда адреса. Сразу помнила, а потом забыла.

А о том, как мы жили в Слуцком лагере, я рассказывать не могу и вспоминать не хочу. Слишком больно, слишком страшно. Да и какими словами рассказать о смерти маленького братика Ванюшки, который опух от голода и смотрел на меня, как старичок, как будто спрашивал о чем-то. И как рассказать о том, как избивали полицаи маму, когда она вылезала в лаз под колючей проволокой, который подкопали узники, чтобы сходить в соседние деревни и попросить милостыню? Мы каждый день смотрели на огромные ямы, в которые по утрам сбрасывали умерших за сутки людей. Их были сотни, ежедневно. Многие погребены в тех ямах-могилах, их и сосчитать нельзя. К людям относились, как к тараканам. Чем больше давили, тем лучше. Морили голодом, холодом, тифом и вшами.

Я и сейчас не могу понять, как мы с мамой выжили. Я уже была похожа на тень, когда нас перевезли в Поставы. Тут нам на помощь пришло местное население. В деревянных бадьях приносили супы, очень вкусные, и разные продукты. Прожив там недели две, мы с мамой стали отживать. Нам разрешили ходить в го-

род, и хозяйки всегда что-то подавали. То капусту квашеную, то хлеб, то картошку, а то просто позовут в дом и покормят горячей едой.

Из Постав повезли в Шарковщину и раздали по дворам. У хозяев мы были за прислугу и рабочую силу. Я попала в семью Рутковских в качестве няньки. Мама жила недалеко и стала батрачкой. Пахала землю, жала зерновые, возила из леса дрова, ухаживала за скотом. Виделись мы каждый день и не были больше голодными. Больше всего боялись, чтобы нас не отправили назад в лагерь.

Так и дождались освобождения, а потом и победы. Тяжело было и после войны, но больше не голодали. Я только два класса окончила и пошла работать. Сначала в заготзерно, потом в общепит. Мама стала прачкой

Однажды пришла к нам знакомая и рассказала, что в поезде встретила одну девушку, похожую внешне на меня. Разговорились и выяснилось, что это моя двоюродная сестра, дочь маминой родной сестры. Война разлучила сестер. Нас с мамой в Слуцкий лагерь увезли, а тетю в Германию. После освобождения она жила в Пружанах Брестской области. Наш сосед служил в тех местах и завез меня к тете и сестре. Когда встретились, и плакали, и смеялись от радости. Там я познакомилась со своим будущим мужем Дмитрием. Сорок четыре года прожили мы с ним в согласии и любви. Двоих сыновей вырастили, вместе переживали и радости, и невзгоды. Когда не стало мужа, я почувствовала, что снова осиротела, как будто половина моя умерла.

Такая вот моя жизнь. И хорошее было в ней, и плохое. И ничего забыть нельзя, невозможно вычеркнуть. Только знаю я, что, если бы не война, не встретили бы ни я, ни моя сестра столько горя.

РИЗО
Владимир Александрович
1937 года рождения

На момент начала войны мне было четыре года. Жили мы в Новом Быту. В семье – пять человек. Отец, две сестры, мать и я. Не знаю, по каким причинам, но отец остался в городе. Когда всё вокруг начало гореть, пришлось оставить деревянный дом (мы жили на втором этаже) и перебраться в каменный, который был родным для матери. Это Яновская набережная, рядом с ликероводочным заводом. Но вскоре поджигать дома начали и там. Пришлось уходить. Если кто знает, по Городокскому шоссе есть овраг с названием «Кровавая сосна». Историческое предисловие такое: «Кровавой сосной» он стал называться в 1812 году. Когда французы готовились напасть на Витебск, они там остановились на ночь. Спуск был очень крутым. Местные стали срезать лес, бревна спускать вниз и давить французов. Кровь стекала в реку. Уцелела лишь одна сосна, потому то место и назвали «Кровавой сосной». Прятались там, пока город горел очень сильно. А когда пожары стали потише, вернулись обратно. Идти было невозможно. Шли по самому центру шоссе, потому что дома горели слева и справа. Говорят, что это немцы подожгли - неправда. Город зажигательными бутылками сожгли какие-то молодые парни. Вернулись и увидели, что нет ни деревянного дома, ни каменного. Поселились в другом, брошенном. Он и сейчас стоит.

Сколько там прожили, не помню, но потом нас немцы оттуда выгнали. И организовали там «лабраим». По-русски означает – дом отдыха. С фронта приезжали военные, какое-то время отдыхали, а потом опять воевать. С нами еще был мой дядя. Родной брат матери. Илларион Павлович Одинцов. На Первой Мировой

его контузило, плохо слышал. Семья эвакуировалась, а он остался. Рядом «НЖЧ» было. Мы забили там досками окна и некоторое время жили. Есть было нечего. Дом находился рядом с хлебозаводом (улица Революционная), немцы там пекли хлеб.

Часто бывали бомбежки. Помню, мать куда-то ушла со средней дочкой, а мы со старшей остались. Начали бомбить, у нас была булка хлеба. Забились в угол, и сестра говорит: «Вова, давай съедим хлеб, а то нас убьют, а хлеб останется». Вдумайтесь: то, что нас убьют – ничего, главное, чтобы хлеб не оставался. Когда бомбили хлебозавод и немецкие солдаты отказывались тушить, они угощали нас конфетами «Бом-Бом».

Нас выгнали и оттуда. Вынуждены были скрываться по подвалам разбитых и сгоревших домов. Мать ходила по деревням, просила милостыню. Брала то одну сестру, то другую, то обоих сразу, а меня оставляли одного. Картошки и хлеба положат в ведро, сверху на крышку положат камень и уходят. Крысы, мыши кругом. Страшно. Целую ночь по чему-нибудь стучу.

Однажды, когда их тоже не было дома, немцы вломились в дверь. Я спрятался под нарами. Они посмотрели, что никого нет, и ушли. Пришлось перебираться в другой подвал.

Однажды мать одна пошла в деревню, чтобы выменять керосин и соль. Ходовой товар был. По дороге ее схватили партизаны. Мать была красивая женщина. Ее несколько дней не было. Еле пришла. Я тогда был маленьким и не понимал, что произошло и почему она все время лежит. А когда взрослым стал, то узнал, что ее партизаны просто изнасиловали. Об этом мне средняя сестра рассказала.

Мать стала бояться одна ходить, всегда брала нас с собой. Однажды был такой случай. Мать с сестрой везли на колясочке вещи к какой-то деревне. А на подступах к ней партизаны убили немецкого солдата. Немцы забрали ту коляску, вещи выкинули, погрузили убитого, а через день ее вернули обратно.

Был и такой случай. Недалеко от хлебозавода мать и наших соседей немцы заставили копать траншею. Наткнулись на разбитый фундамент, а там – клад. Мать всегда с собой брала воду в бидончике и кусок хлеба. Там были серебряные монеты, николаевские. Она их насыпала в бидончик и карманы. Лучшая подруга «сдала» ее немцам. В итоге – все забрали.

Запомнилось и такое. Мать часто брала меня с собой. Один раз мы пошли на Полоцкий базар, и вдруг – облава. Жандармерия, потому что у них висели бляхи на груди. Мать меня за оцепление вытолкнула и наказала идти к родственникам, которые жили на улице Яновской (теперь Мичурина). Как я пришел к ним, не помню. Вернулась мать только через несколько суток. Пришла вся побитая. Допытывались, где партизаны, ибо в этом районе уже начались диверсии. Если ехать от четвертой автобазы в сторону Полоцкого базара, там есть мост. Его часто взрывали, поэтому весь район «шерстили».

Партизаны приходили со стороны Мазурина. Однажды я на качелях качался и слышу – стрельба. Удар в голову, свалился с качелей. Оказалось, получил двойное осколочное ранение.

Так мы жили до 1944 года. Потом начались усиленные облавы и рейды. Молодые ребята в спаленном доме оборудовали себе погреб. И сейчас этот дом стоит. Все вычистили, поставили бочку с водой и варили себе картошку в мундире. Мы это узнали и к ним. Приняли. Вход заложили досками и битым кирпичом. Насыпали сверху махорку. Это от собак. Слышали, как немцы поверху с собаками ходили. Меня мучил кашель. Оно и понятно. В подвале сыро, по стенам течет вода. Что

б не было слышно кашля, мать совала меня головой в подушку. Задыхался. Не помню, сколько мы там просидели. Начали пухнуть от холода и голода. Пришлось, вылезли наружу. Сосед затопил печку. Немцы в этом момент делали объезд. Видят, дым идет из развалин.

Всех нас завезли в «5-й Полк». Было это в начале января 1944 года. Почему помню точно? Потому что мать успела захватить мешочек пшеницы (очень набожная была) и давала нам жевать сухую рождественскую кутью.

Бараки не отапливались. Чтобы немного согреться, мы прижимались друг к другу. Каждый день выносили по 20-30 человек умерших и хоронили в овраге. Осталось в памяти: замерзшие трупы и лоток на санках, чтоб спускать их с горы. Из барака я выходить боялся. Лишь выбирал солнечную сторону. Сяду там на корточки и греюсь.

Пробыли там до конца мая. Кормили сваренной из конских копыт баландой. Питьевую воду брали из сажалки. Там сейчас стоит церковь. В ней немцы купали коней. Потом нас погрузили в машины и повезли на станцию. В вагоны понабилось столько людей, что даже дышать было нечем. Многие люди умирали. Чтобы мы не задохнулись, вверху были открытыми люки. Поезд часто останавливался. Высадили где-то между станцией Богушевская и Лычковским разъездом. И погнали по лесам и болотам. Не знаю, сколько суток шли. Помню: проходили небольшую речку, а на берегу стоял полицай. Какой-то женщине с большим животом стало плохо. Полицай подошел и прикладом в живот. Она упала. Тогда я был маленький, а теперь понимаю, что та женщина была беременной. Поначалу люди несли разные вещи, а потом ослабли и стали их бросать.

Пригнали почти на линию фронта. Небо периодически освещалось ракетами, слышалась русская речь. Мы шли по краям, а в середине немцы. Прикрывались. Ночью загнали нас в лес. Когда рассвело, все начали искать места посуше. Ломали елки и строили шалаши.

Мать захватила с собой одеяло. А как увидела ползающих по голой земле детей, отдала его им.

Над головой все время летал самолет, на вышке стоял пулемет. Где-то раздавались выстрелы. Людей забирали постоянно, и назад никто из них не возвращался. Костры разводить не разрешали. Мы ободрали кору елей, а стволы замазывали грязью. Чтоб с самолетов их не видели. Питьевой воды не было. Рядом ручеек протекал. Вода какого-то глинистого цвета. Часовой отгонял, но мы банками все равно ее черпали и пили. Траву всякую ели.

Когда немцы уже сбежали, кинулись люди своих искать. Траншея полностью забита трупами. Потом выяснилось, что вся кровь с траншеи текла в ручей, и потому вода там была глинистого цвета. Несколько мужчин вышли на край леса, на палку надели белую тряпку и стали махать. Вскоре появились советские разведчики и приказали быстренько покидать лес. Идти следовало только по отмеченной тропинке, ибо кругом были мины. Одна женщина не захотела идти по грязи, сделала шаг в сторону и взорвалась. Кроме этого, на минном поле были разбросаны разные яркие игрушки. Это чтобы дети подымали.

Через два километра нас вывели из траншеи и повели по краю обрыва. Видно, фронт там долго стоял. Один труп лежал такой распухший, весь черный. Только по звездочке и можно было узнать, что это русский солдат. Да еще по ватнику и ватным брюкам.

У сестры был берет малинового цвета. Солдаты сказали снять, слишком заметно. Только отошли от лагеря, как по нему начался обстрел из немецких орудий.

Повернулись, видим: от детонации весь лес поднялся вверх.

Вывели к какому-то озеру. Там был сборный пункт. Сделали санобработку. Там стояла «душегубка», где парились наши вещи. Холодный душ, палатки растянуты. Мужчины и женщины голые. Никто никого не стеснялся. Солдаты брали мазь прямо из бочки и мазали всех взрослых. Работал СМЕРШ, многих допрашивали. Нас погрузили в машину и повезли в Износковский район Смоленской области.

Разместили в школе. Средняя сестра заболела тифом. Есть там тоже было нечего. Ходили в лес ягоды собирать. Июль. Очень много было волков. Мы собираем ягоды, а они стоят неподалеку, на нас смотрят.

Когда Витебск освободили, нам дали бумагу, разрешающую там поселиться. Ехали не в вагоне, а прямо на паровозе. Город еще дымился. Ели обгорелый (немецкие склады) хлеб и тушенку, распухшую, но еще не испорченную. Потом и этого не стало. Ели убитых коней, по ним уже черви ползали. Потом выкопали землянку, в ней и поселились. А потом на самом берегу Двины времянку построили. Она и сейчас есть. Потом тетка вернулась из эвакуации с семьей. Стали жить вместе. Шестеро их и четверо нас. На ночь ставили топчан, ложились все дети.

Пока взрослыми не стали. Сестры потом пошли работать на овощехранилище. Пацаны же целое лето на Двине ловили рыбу. Поймаешь и тут же жаришь ее.

Так и жили…

РИМДЕНОК
Ефросинья Григорьевна
1925 года рождения

Я родилась на хуторе Ксендзова Бешенковичского района Витебской области. Мой дед получил там землю во времена Столыпинской реформы. Но перед войной колхоз стал переселять хуторян. И наш дом перевезли деревню Пушкари в 25 км от Витебска. Там и застала меня война.

В августе 1942 года в нашу деревню приехали немцы и устроили облаву. Похватали всю молодежь, от 16-ти до 25-ти лет, которых застали

дома. Облавы были и в соседних деревнях. Всех погнали в Витебск. Я была в числе арестованных. В Витебске нас погрузили в эшелон и повезли в неизвестность. Ехали четверо суток. За это время только один раз покормили похлебкой из брюквы и раз в день давали воду. Иногда подолгу стояли на станциях. Из вагонов нас выгрузили в городе Познань. Я и еще пять девочек и двое парней из нашей деревни работали на железной дороге. Вручную выкапывали сорняки на откосах, меняли шпалы.

Жили в бараках. С местными жителями не общались. Нашими конвоирами были пожилые люди, негодные к службе в действующей армии. Относились к нам хорошо, не издевались, не били. Как и мы, они не хотели войны, многие от нее пострадали. У них тоже забирали детей на фронт и те погибали. Через полтора года нас перевезли в город Дойч-Айлев. Там мы тоже работали, но голод и холод мучили постоянно. Кормили только один раз в день, супом, сваренным неизвестно из чего. Кроме этого давали ломтик невкусного хлеба с опилками.

В лагере я познакомилась с украинкой (сейчас уже не помню ее имя). Она подговорила меня совершить побег. Мы убежали, но нас очень быстро поймали и посадили в карцер.

Я ждала расстрела, но нас отправили в Кенигсберг рыть окопы. Война уже подходила к концу. Я это понимала. Может, потому что была нужна рабочая сила,

нас и не убили за побег. На окопах работали пленные различных национальностей: русские, белорусы, украинцы, французы, поляки, итальянцы.

А в апреле начался штурм города. Во время штурма я пряталась в подвале жилого дома. В него попала бомба, и выход засыпало. Нас в подвале было человек тридцать. Потом мы услышали родную речь. Русские солдаты разобрали завал и достали нас из подвала. Один из них вывел нас из города. Идти нужно было след в след, потому что немцы все вокруг заминировали.

После окончания штурма бывших узников отправили в Литву на фильтрационный пункт. Там допрашивали офицеры НКВД. Вопросы задавали странные: добровольно ли поехали в Германию? Почему не пытались убежать? Я ответила, что пыталась, и меня чудом не расстреляли.

После допросов разрешили ехать домой. Приехала позже других односельчан. Папа меня не дождался, умер. Говорили, что он очень ждал меня. Даже обещал поправиться. Увы. Встретиться нам было не суждено.

Через год (1946) я поступила в учительский институт. После окончания учебы направили работать в Шарковщинский район. Работала в Болколовской, Васюковской, а с 1961 года в Подборокской школах и до самой пенсии. Двое детей у меня, сын и дочь. Живут в Риге. Зимой я у них живу, но не люблю города. Попросила, чтобы домой привезли хоть на лето. Здесь мне все родное, соседи помогают. Ведь в каждом доме есть мои ученики. Мне уже 84 годам, и 46 лет я работала учительницей.

РОФАЛОВИЧ (САПРЕНЕНКО)
Прасковья Григорьевна
1926 года рождения

Смоленскую область, где я жила до войны, немцы оккупировали летом 1941 г. Но в нашу деревню Зуи, Духовщинского р-на ворвались с облавой в 1943 году. До этого времени в нашей деревне они появлялись редко и жителей не трогали. Мы уже знали, что фронт движется к нам, что немцы отступают, и что хоть и медленно, но освобождение придет. Не знали только, через какие муки придется еще пройти, сколько придется перестрадать, пока не кончится война. Жители деревни уже знали, что жгут вокруг деревни вместе с людьми, и, когда качалась облава, бросились кто куда. Нам с сестрой не удалось скрыться в лесу, и мы оказались в числе пленников, которых погнали в поселок Пречистое, а деревню подожгли. Из Пречистого, после ночевки в сарае, погнали в Ярцево, там погрузили в «телятники» и через несколько дней привезли в Слуцкий лагерь. У немецких лагерей был один стандарт: бараки, колючая проволока в два-три ряда, вышки по периметру лагеря и охрана с собаками. И Слуцкий лагерь был таким же. Только вот охраняли его вместе с немцами «свои» нелюди-полицаи. Охрана знала, что узники сделали лазы под проволокой и ходят просить продукты в окрестных деревнях. Мужчин, которые были в лагере, не выпускали, стреляли на месте, а вот женщин и детей «выпускали», чтобы «встретить» при возвращении. Да и куда денется мать, если ее дети остались в лагере, ребенок тоже вернется к матери и сестрам с братьями. Однажды я тоже пролезла в лаз и в деревне выпросила кусочки хлеба и морковку. Со мной шла молодая женщина. Когда, вернувшись, проходили через ворота, немец обозвал меня «кляин швайне» и толкнул к баракам, а мою спутницу схватил полицай и избил так нагайкой, что через сутки она умерла.

От голода, издевательств и холода люди умирали сотнями каждый день. Я пом-

ню, как зимой разводили костры недалеко от лагеря, которыми прогревали землю, чтобы военнопленные вырыли огромные ямы. В эти ямы скидывали застывшие на морозе тела умерших и, падая и ударяясь, те звенели. Этот звук у меня до сих пор стоит в ушах.

Мы были вторым «завозом» в лагерь. Первый этап и военнопленные были почти полностью уничтожены. Остались единицы. Да и у нас не было надежды выжить. Но однажды, ранней весной, нас выгнали в поле за лагерем, разделили на три колонны и объявили, что одна колонна будет направлена в Беларусь, вторая в Литву, а третья в Германию. Мы с сестрой попали в колонну, которую перевезли в город Поставы. Когда нас покормили гороховым супом со свининой, все заболели. Немцы, решив, что мы заболели какой-то инфекционной болезнью, хотели нас расстрелять, но русский врач объяснил, что мы поправимся, а заболели потому, что наши желудки отвыкли от нормальной еды.

Здесь же, в Поставах, мы помылись в настоящей бане. С благодарностью вспоминаю местных жителей. Белорусские женщины носили еду в больших деревянных цебрах (по-польски ведро) и раздавали узникам. Приносили одежду, плетеные лапти, носки и другие вещи. Ведь мы были босые и в лохмотьях. А потом нас повезли в Шарковщину и распределили по хозяйским дворам в самом поселке и в округе. Я с сестрой попала в деревню Лабути. И хозяина звали Лабуть Николай. Жил он крепко, зажиточно. Мы работали у него в хозяйстве, а он хорошо нас кормил, давал разные необходимые вещи.

Когда пришла Красная Армия, мы с сестрой решили не уезжать. Дом наш спалили. Близких родственников не было. Когда открыли поликлинику, я пошла работать санитаркой, и все 40 лет, до самой пенсии, проработала там. Вышла замуж, но муж умер 55 лет назад. Двоих детей поднимала одна. Теперь они мне помогают. Мне уже 83 года. Жизнь на исходе, здесь у меня дел больше не осталось. Хочу только завещать людям, чтобы берегли мир и не допускали повторения такого, как Слуцкий и другие лагеря смерти.

РУБИН
Макар Изотович
1935 года рождения

К моменту начала войны мне было приблизительно пять с половиной лет. Помню, аэродром был рядом с нашим домом. Там три ряда ключей проволоки и самолеты. Детьми мы лазили туда за щавелем. Тот день запомнился хорошо. Все вокруг плачут. На столбе весит «черная тарелка» радио. Из нее и сообщили о начале войны. А через некоторое время налетели немецкие самолеты. Аэродром уничтожили буквально на наших глазах. Расстояние - метров семьдесят. Фанерные советские самолеты пылали, словно факелы.

Возле проволоки мы выкопали блиндаж, и во время бомбежек там прятались.

В очередной раз, когда началась бомбёжка – мы в блиндаж, а моего младшего брата (он родился в январе 1941 года) забыли на улице у входа, прямо в люльке, и собаку забыли отвязать.

Советский танк остановился перед нашим домом и стал стрелять. Немцы выстрелили в ответ, и тогда тот ушел назад, а дом загорелся. Мы видели, как собака бегает по цепи. Такую жару выдержала! Пока пробой не сгорел. Вырвалась и прямо к нам в блиндаж. В это же время прогремел страшный взрыв. Как сейчас помню, к нам приполз раненый. Не мог ничего говорить, только показывал, что

пить хочет. У него была полностью оторвана челюсть.

Когда кончилась бомбежка, мы услышали, что где-то плачет ребенок. Мать выскочила наружу и увидела: люлька разбитая, а он невредимый, ни одной царапины. Забрали к себе. Немцы приехали почти сразу же. На мотоциклах, с закатанными рукавами. Наступали со стороны Орши. И моментально стали резать свиней, кур. Осмаливали прямо на окраине города. У нас не осталось почти ничего. Только то, что успели взять с собой, остальное сгорело в доме. У мамы сестра жила на улице Пороховой, к ней и пошли. Весь город горел. Коровы ревели, свиньи визжали, невыносимый смрад от горелого мяса. Дышать нечем было.

На ДСК были свободные дома, в одном из них мы и заняли комнату. Где сейчас находится завод «Монолит», располагался лагерь военнопленных. Помню, как их гоняли на работу, как новый директор фанерного завода запрягал … верблюда. Откуда взялось бедное животное, никто не знал. Мама стала ездить менять махорку на сахар.

В «5-ом Полку» я побывал дважды.

Первый раз почти сразу же после его открытия. Как-то зимой на нашу улицу неожиданно понаехало много немецких машин. Выгнали всех из домов и отвезли в лагерь. Мать забрала меня с собой. Отца не трогали, потому что он у них работал. Поместили на «второй этаж» деревянных нар. Есть хотелось постоянно. На территории лагеря было замерзшее озеро. Сделали из веревок крючки и попытались ловить какую-нибудь рыбу, но, оказалось, ее выловили другие.

Помню, проболтался на этом озере довольно долго и промочил ноги. Сушить негде. Костер разводили только посреди барака, но жечь там было нечего. Свои ж нары не будешь ломать! Попытался на улице найти какие-то дрова. Смотрю, два немца едят белый хлеб. Он у них очень вкусным был. Стал у них просить кусочек. А немец взял винтовку и штыком ударил меня в грудь. Шрам остался по сегодняшний день. Спасло то, что на мне было пять рубашек, два свитера и пальто. Проколол грудную клетку, а вот до сердца не достал. В барак прибежал весь в крови. А кому жаловаться? Мы там были, как те комары - хлоп и нет. Каким-то образом мама передала это дяде Филату, который работал на местном молокозаводе. Он приехал и рассказал, что его родственника за то, что попросил хлеба, чуть не закололи, и обменял нас на еду.

Вернулись домой. Прожили лето, и снова – «5-й Полк».

В середине мая 1944 года нас перевезли в лагерь, расположенный под Крынками. Там нас и освободили. Потом вновь – Витебск, где я пошел в школу.

У меня не находится слов по поводу того, что сейчас на месте «5-го Полка» строят гаражи и дома. Там же сплошные людские кости. Я даже писал по этому поводу в местную газету.

РУСАЧЕНКО (АНТИПЕНКОВА)
Нина Михайловна
1928 года рождения

Перед войной наша семья жила на Смоленщине, в деревне Улоненка, Шиловского сельского совета Прочистенского района. В семье было четыре человека: бабушка, мама, я и старший брат. Отец умер еще до войны, а сводный брат (по отцу) ушел на фронт.

Захватив Смоленщину, немцы стали угонять в Германию молодежь. В нашей деревне, когда узнали об этом, молодые парни и девушки стали прятаться в лесу.

То ли выдал кто, то ли полицаи выследили, но в 1942 году, в конце лета, туда нагрянул карательный отряд, окружил лес, и всех, кого нашли, расстреляли. Позже жители деревни пошли забирать тела своих убитых детей. Я и сейчас не могу забыть, как их везли на тачках - ноги волочились по земле, а матери голосили, оплакивая погибших.

Осенью снова пришли фашисты. Выгнали жителей, а деревню (все 30 дворов) сожгли. Нас же погнали в соседнее село и там расселили. По несколько семей в одном доме. Зимой люди стали болеть тифом. Больных собирали в холодный дом на окраине деревни. Если выживали, а таких было мало, то возвращались в деревню.

Вот и наша бабушка заболела и умерла, а мама с братом выжили и вернулись из той избы. Однако обморозили себе ноги. Я тоже заболела, но лежала в доме на печке. Немец каждый день проверял, есть ли больные, и заподозрил, что я тоже заболела. Но не отправил в холодную избу-изолятор, а на утро я уже могла встать. Двоюродная сестра Шура ухаживала за мной, поила молоком, и я без лекарств, с Божьей помощью, встала на ноги. Умерших от тифа было больше сотни.

Ближе к весне нас снова погнали куда-то и погрузили в вагоны-«телятники». Мама с братом тоже смогли дойти, хоть и с обмороженными ногами. Ослабевших в дороге расстреливали. Погрузив всех нас в поезд, повезли в Слуцк и там загнали в лагерь.

Прожили мы в Слуцком лагере несколько месяцев, но это время я всю жизнь вспоминаю с болью и ужасом.

В лагерь было согнано много тысяч людей. Помню, что один барак был с военнопленными. И самое страшное, что запомнилось, - вши и голод. От голода ежедневно умирали сотни людей. Их складывали в большие рвы, которые за несколько дней наполнялись доверху, и военнопленные засыпали их землей.

Лагерь был обнесен проволокой и со всех сторон охранялся. Пытаясь спастись от голода, узники проделывали в ней лазы и выползали за ограждения. Несколько раз ночью это делала и я, для того чтобы сходить в близлежащие деревни за едой.

Ночью вылезу из лагеря и до утра сижу в копне соломы или сена, а с рассветом хожу по деревне и прошу милостыню. Кто-то даже дверь не открывал, кто-то, не выслушав, захлопывал ее перед носом, но большинство делились, чем могли: картошкой, свеклой, морковкой, хлебом. У людей в округе запасов продуктов почти не было, а нищенствовать ходили многие из нас. Можно было и на полицая нарваться, и на старосту. Те сразу убивали на месте. Мне везло. Хоть и стреляли не раз, осталась жить. Страшно было возвращаться в лагерь на вечернюю перекличку. Особенно, если у ворот дежурили «свои» - полицаи. Они жестоко избивали плетками и отбирали еду. Немцы тоже хлестали кнутами, но подачки не отнимали. Несколько раз я возвращалась в барак вся окровавленная и без еды. Маму с братом покормить было нечем, хоть и смотрели они на меня с немой надеждой. Уже совсем ослабли, вот я и стала «добытчицей» для всей семьи.

Однажды моя вылазка едва не стала последней. Охранник заметил и стал стрелять. Я рванула под проволоку, а варежки рваные на проволоке остались.

Лагерную еду даже свиньи не ели бы. Эрзац хлеб (граммов 100 на день) и баланда из картофельных очисток. Приходилось есть. А что сделаешь? Потом я залезала на третий ярус и, чтобы не тратить силы, тихонько там лежала. Слабела с каждым днем. Думала, уже попаду в тот ров.

Однажды всех погнали в баню. Мылись ледяной водой и снова - железнодорожная станция. Погрузили в вагоны и повезли. Потом поезд остановился, оказа-

лось, что полотно повреждено. Ждали сутки. Привезли нас в Поставы, впервые там поели по-человечески. Местные жители приносили ведра вкусного супа, хлеб, молоко, творог… Здесь же помылись горячей водой в настоящей бане.

Через несколько дней нас перевезли в Шарковщину и раздали хозяевам. Меня взял в няньки полицай, брата забрал православный священник, а маму - еще одна семья. Мальчик, которого я нянчила, скоро умер, и я убежала к брату. Священник отвел меня к своей сестре. В этой семье я и осталась, тоже нянькой. Очень скоро пришла Красная Армия.

Мы остались в Шарковщине, ведь домой некуда было возвращаться. Вернувшись после ранения на фронте, нас нашел сводный брат. Я пошла работать в чайную посудомойкой, поскольку даже читать и писать не умела - в школе не была ни одного дня.

Вскоре встретился на моем жизненном пути добрый человек - Мария Филлиповна Павлова. Она терпеливо учила писать, читать и считать. Научила пользоваться счетами, и я стала работать официанткой.

Очень благодарна этой женщине, всегда вспоминаю ее очень тепло, потому что она стала второй матерью. Чтобы работать официанткой, нужно было пройти аттестацию. У меня на экзамене спросили: «Кто такой для нас Сталин? Как отвечать на такие вопросы, Мария Филлиповна меня не учила, но я, подумав, ответила «правильно»: «Отец народов». Вспомнился плакат, который на стене видела.

Такая вот жизнь горемычная. А все - война, фашисты. Исковеркали они судьбы целому поколению.

САМОХИНА
Тамара Ильинична
1938 года рождения

Когда началась война, и в Витебск вошли немцы, мне было всего три года. Немцы окружили наш Тарный поселок, похватали людей и побросали в грузовые машины. Кругом стояли солдаты с собаками. Никуда нельзя удрать или отойти. Повезли неизвестно куда. Все закрыто брезентом. Вокруг - плач.

А потом нас привезли в чужую страну, затолкали (с мамой) в огромный барак. Внутри ничего не было. Никаких кроватей, никаких нар. Только солома и сено. Нам показали угол и сказали, что там и будем жить. Часа через два принесли какую-то баланду. Мы, поели и тут же маму повели на работу. Куда - не знаю, а мне мама наказала сидеть тихонечко в углу никуда не ходить, никуда не высовываться и ни у кого ничего не спрашивать. Так я сидела до вечера (не знаю, сколько времени прошло). Затем (это с маминых слов) у меня началась ветрянка, а немцы каждое утро приходили и всех осматривали. Кто из детей начинал болеть, тех отбирали у матерей и бросали в крематорий. Когда моей маме приходилось идти на работу, она закрывала меня соломой и приказывала молчать. Дескать, заберут, и она меня никогда не найдет. Приходила с работы вечером. Я была вся красная, в поту, солома прилипала к коже. Не знаю, сколько проболела.

В концлагере мы пробыли два года, это был Дахау. Потом пришли какие-то богатые люди и выбрали себе работников для дома. Маму, как молодую женщину, забрала хозяйка. Жить стало немножко легче. У нее было большое хозяйство, очень много коров, кур. Там работали, чех, венгр и какой-то русский мужчина. Видимо, военнопленные. Совсем молодые.

Каждое утро мама ходила доить коров, а меня хозяйка всегда заставляла но-

сить собаке еду. Однажды был такой случай, когда она наложила в кастрюльку, какую-то еду и приказала отнести овчарке, был проливной дождь, фактически ливень. Отправила меня к собаке босиком. Когда я стала выливать еду, та внезапно на меня набросилась. Сама я не могла ни вырваться, ни подняться, но потом прибежал какой-то немец, помог освободиться. Однако собака успел-таки укусить за ногу и грудь. Мужчина принес меня в дом. Очень ее отругал. Даже грозился убить. И больше собаку кормить меня не отправляли.

Хозяйка нашла мне другую работу. Ходить по пуне и собирать в кошелку яйца. Рядом жили еще одни хозяева, они были очень жестокими. Избивали своих работников, не давали им есть, держали под открытым небом в загородке, огороженной колючей проволокой. Как в концлагере.

У нашей хозяйки муж погиб на войне, а у меня отец тоже ушел на фронт. Может быть, именно поэтому она и относилась к нам почти добродушно. Как говорится, хозяйка не знала счета ни курам, ни яйцам. Я нашла солдатский котелок и носила прикрытые сеном яйца нашим «соседям», чтобы они поели. На малого ребенка не обращали внимания. Над ними был надзиратель. Видимо, тоже немец, какой-то пожилой мужчина. Однажды он меня «засек». Избил, забрал котелок, обозвал «русиш швайне» и прогнал. Через некоторое время я нашла чайник и опять наложила туда яиц. Те люди работали где-то в лесу. Наводили там порядок - вырубали кустарник. Туда я им поесть и принесла.

Мама мыла меня в коровнике. Там - тепло. Нагреет ведро воды в печке и моет. Спали мы в пуне. Было очень холодно. Когда лето, то еще ничего, а зимой – мерзли ужасно. Даже спать было невозможно. Чтобы хоть как-то меня согреть, мама нагревала в печке кирпичи и приносила их прямо в кровать. Укрывала какими-то тряпками, а потом на все это клала меня. Чтобы не простудиться и не заболеть.

Через некоторое время (наверное, года два прошло), сказали, что на Германию напали американцы. Когда они пришли и начали обстреливать наше местечко, все, чтоб не погибнуть, убежали прятаться в лес. Американцы ходили по домам и собирали пленных. Нас с мамой хозяйка слезно просила остаться у нее. Обещала дать и домик, и все остальное. Говорила, что маму никто не ждет дома, и ее отправят в Сибирь. Дескать, туда отправляют всех, кто был у немцев.

После войны так оно и было. Мама не согласилась остаться у хозяйки. Сказала, что на Родине у нее осталась мама. Нас забрали, посадили на машины и привезли на вокзал. С вокзала поездом - в Витебск. В Витебске нас встречали работники НКВД. Записывали, кто откуда прибыл и с кем. Когда мы пришли с мамой домой, то дома нашего не было. Он сгорел. А через несколько лет мама узнала, что отец погиб на войне. Так мы с ней вдвоем и жили.

Это уже после войны, мама посмотрит какое-нибудь кино и говорит, что это всё пережили. Мы скрывали про концлагерь, потому что очень многих за это ссылали. У меня дядя был партийным, он тоже советовал молчать про концлагерь. Вот мама и боялась. Начали давать удостоверения для льгот, но я попользовалась бесплатным проездом только лет десять. Теперь это все отобрали, нет у государства денег, чтобы многих людей обеспечить бесплатным проездом или медикаментами. Я, например, даже и не знала, что медикаменты бесплатно давали в трестовской больнице «Взаимопонимание и помощь» по улице Коммунистической. Потом вычитала в газете, что есть такая аптека. И тоже попользовалась, но только два года.

То, что отобрали, власть никогда не вернет.

СВИЛЕНОК
Лидия Анатольевна
1920 года рождения

Деревня Клевичи, Поставского района, где я родилась и жила до войны, 14 октября 1943 года была сожжена немцами. Людей всех погнали в поселок Воропаево, где молодежь отделили и заперли в костел. Остальным приказали возвращаться. Запертыми мы переночевали, а утром - железнодорожная станция.

Молодежи было много. Собрали со всей округи. Я-то постарше была, но были совсем дети по 13-14 лет. В начале 1944 года нас привезли в город Эртнер. Поселили в бараках и стали гонять работать на военный завод. Работа часто прерывалась из-за бомбежек. Завод был по производству оружия, наверное, потому его так часто и бомбили. Лагерные бараки были разрушены. Завод перевезли в старые шахты в город Рудесдорф. Там, под землей, мы и работали.

На моем станке раньше больше двух недель не работал никто - отсекало пальцы. А я проработала на нем несколько месяцев, и Бог сберег от инвалидности. Видно, ловкая была.

Однажды не выдержала, когда мастер стал подгонять, я ему прямо в глаза и сказала: «Что, русским духом пахнет, оружия не хватает?» Наверное, он и сам понимал: спеши не спеши, а войне скоро конец.

Потом немцы объявили эвакуацию, и нас погнали в сторону Берлина. По дороге началась страшная бомбежка. Все небо было в самолетах, будто огромные стаи птиц. Мы стали прятаться и разбегаться в разные стороны. Когда часа через три все закончилось, из тысячной колонны на виду остались только 25 человек. Конвоиры тоже куда-то исчезли. Их было немного - человека три. И те пропали.

Так мы остались одни. Куда идти, не знаем. Тут из леса вышли несколько человек в штатском. У них спросили, как пройти к Берлину. Это были дезертиры из немецкой армии. Они домой шли. Посовещавшись между собой, они показали нам, как потом оказалось, правильную дорогу.

Шли трое суток. Почти не спали. Еды не было, только вода. Чтоб веселей было идти, частушку сложили:

Не пеките пироги, не месите тесто,
25 апреля не будет вам места.

Это мы для немцев сочинили. Предполагали, что война окончится 25 апреля. Немного ошиблись.

Когда увидели первый советский танк, было море радости. Плакали, смеялись, обнимались, целовались, прыгали – такой вот «набор» чувств.

Нас отправили в запасной полк, который стоял под Берлином. Трех (в том числе и меня) бывших узниц поставили варить еду для солдат. Они ждали направления на фронт. Но на войну не попали – закончилась.

Домой, кажется, на крыльях летела. А там пожарище с закоптелыми печными трубами.

Сначала пошла работать в рыбхоз «Новинки». Он только что открылся. Проработала там шесть лет, затем переехала в Шарковщину. Там работала на овощесушильном заводе. Оттуда пошла на пенсию.

Такая вот долгая жизнь. Мне скоро девяносто. И самый тяжелый момент – воспоминания о 2-х летнем угоне в Германию.

СВИРСКАЯ
Софья Ивановна
1928 года рождения

Война началась сильной бомбежкой. В наш дом попала бомба. Мужа моей сестры порвало на куски. Другой сестре вырвало весь бок. Меня ранило меньше всех. Нашу деревню заняли немцы, назначили старосту, а потом всех «эвакуировали» в «5-й Полк». Пробыли там меньше года. Запомнилось, как голодные нырнем под проволоку и бежим в Мишково или Бителёво просить какой-нибудь еды. Кто-то даст хлеба, крупу или котлету из травы. Есть в лагере ничего не давали, спали на голых нарах.

Питьевой воды там не было, только большая сажалка. Из нее и пили. В ней же стирали пеленки. Военнопленных очень много было. Лагерь же большой. Они часто рыли под проволокой подкопы и убегали. Многие потом ушли в партизаны.

Возле «5-го Полка» есть ров, там стреляли людей. Мы были маленькими девчонками и близко подходить боялись. Наблюдали за всем издалека. Видно было прекрасно. Выроют ямы, нагонят из бараков пленных и давай стрелять. Вместе падали и убитые, и раненые. Чтоб потом никто не смог вылезти, немцы все присыпали землей.

Или ещё: идет немецкий конь, а трупы кидают прямо в телегу. Нагрузят целый воз и - в общую яму. Накидают полную - засыплют землей.

С «5-го Полка» всех вывозили в разные стороны. Нас - куда-то под Польшу. Жили мы в сарае. Дети ходили в лес. Там было много партизан. Они нас угощают хлебом, а мы их ягодами. Ходили по деревне, просили какой-нибудь еды, ибо есть было нечего вообще. Кто хлеба, кто картошину даст. Так и выжили. Несмотря на плохое здоровье, вытерпели.

Пробыли там, пока не пришли русские войска. А вскоре в Витебск начали ходить поезда. У нас было много и городских, и деревенских семей. Посадили всех в вагоны и отправили домой. Приехали в Витебск. Ничего, кроме руин, нет — разбитый кирпич, камни, грязь. Вышли с вагона, и не знаем, куда идти. Все перевернуто. Погоревали, короче говоря.

Очень плохо, что сейчас на месте «5-го Полка» построили гаражи и дома. Когда началось это строительство, бывало, идешь мимо и сразу от воспоминаний начинает болеть сердце. Тут же души людские! Неужели земли мало?

СВІЛЁНАК (ЛАНДЫШКА)
Вера Веньямінаўна
1941 года нараджэння

Аб пачатку вайны ведаю са слоў бацькоў, і як вайна прайшла, таксама мала што памятаю, малая была. Але мама з татам шмат чаго распавядалі мне пра той час, калі я разам з імі была вязнем нямецкага лагера.

Мы жылі ў весцы Барэйкі Пастаўскага раена. А лясы вакол нашай вескі былі базай партызан. І немцы пачалі лютаваць у “партызанскай зоне”, так называлі нашы мясціны.

У 1942 г. летам уварваўся ў веску карны атрад. Усіх жыхароў выгналі за веску, а хаты подпалілі. Людзі глядзелі, як агонь знішчае іх працу. Але мама гаварыла, што нічога не было шкада, людзі думалі, што іх расстраляюць, бо іх трымалі ў гурце за

вескай, абкружыўшы аўтаматчыкамі і сабакамі – вялізнымі злымі аўчаркамі.

Але іх пагналі ў Варапаева, на чыгуначную станцыю, і там пагрузілі ў вагоны-"цялятнікі". Асноўнымі іх спадарожнікамі былі голад, смерць і слезы. Мама гаварыла, што ў бок нямеччыны ішлі эшалон за эшалонам, і здавалася, што яны стогнуць, плачуць. Калі немцам надаядаў гэты плач, яны стралялі па вагонах, і ўсё сціхала.

Нашу сям'ю разам з іншымі прывезлі ў горад Прэміс, што у Германіі. Прыгналі ў баракі лагера, і дарослых пад канвоем пагналі на працу на фарбавальную фабрыку. Наша сям'я была маленькая: тата, мама і я. Кармілі людзей горш, чым жывелу. Нейкае варыва, яго чамусьці называлі супам, зваранае з бруквы, ды крышачку хлеба.

Той хлеб бацькі аддавалі мне, а самі шукалі на памыйніцах бульбяное шалупінне, косці і варылі. Магчыма, таму я і выжыла. Бо кожны дзень у лагеры паміралі ад голаду, нямногім з малых дзяцей пашанцавала выжыць, як мне.

Нас вызвалілі амерыканцы 23 красавіка 1945 года.

Памятаю такі эпізод. Салдаты накармілі людзей, чым не памятаю, але ўсе было такое смачнае, і ўсе гэта я каштавала ўпершыню у жыцці. Так я даведалася, што есць прадукты, якія смачна есці. А потым давалі адзенне і абутак. Мне выпалі прыгожыя, чорныя, бліскучыя баціначкі. Амерыканскі салдат пасадзіў мяне на раму ровара і вез, калі мы ішлі да чырвонаармейцаў. А я ўсе трывожылася, дзе мая мама. Амерыканскія салдаты суправаджалі нас да ракі Эльбы і там передалі нашым.

А потым мы паехалі дамоў. Як і ўсе, я вучылася, пасля пайшла працаваць, выйшла замуж. Зараз ужо на пенсіі. Маем з мужам трох дзяцей, сем унукаў. Па святах за сталом збіраецца сем'я з 15-ці чалавек. Так і жывем. І вельмі хачацца верыць, што больш дзяцінства нашых унукаў і праўнукаў не будзе азмрочана ці знішчана вайной.

СМОЛЯК
Матрена Кирилловна
1932 года рождения

Помню, нас забрали в марте. Была распутица. Много воды. Снежные тогда были зимы. Приехали немецкие машины, с высокими колесами и большими кузовами, и всех нас из Гришанов забрали. Мамка собралась быстро - нас за шкирку, булку хлеба, молока (был узкий графинчик) взяла. Хорошо помню, что икону захватила ну и разную одежду. Всегда надо быть начеку. Поговаривали, что будут эвакуировать.

Бабушка моя жила у сына, дома через четыре, и когда нас стали забирать, то она хотела поехать с дочкой, побежала вдогонку за машиной. Так и осталась в Гришанах. Привезли нас в «5-й Полк». Было это в марте 1944 года. Начали сортировать. Больших детей отбирали у родителей. Держимся за мамину юбку, приседаем, чтобы казаться меньше. Может, не заберут. Гвалт, крик, слезы. Дети начали проситься в туалет, наверное, с перепугу. Длинные казармы, по ним ходят немцы с автоматами.

Очень обидно, что на месте лагеря «5-й Полк» строят жилые дома. Сколько там погибло людей - ужас.

Мама моя, когда искала своего старшего сына, часто туда ходила. Видела, как туда военнопленных пригоняли. От голода они ели кочерыжки. Если кто согнется

- дубиной, если упадет - пристреливали на месте. Мама наварит холодника и несет к тому месту, где они работают. С «5-го Полка» их никуда не отправляли. Только на небо.

Не знаю, сколько мы там пробыли. Потом нас опять погрузили на машины. Побросали туда булки хлеба и повезли неизвестно куда. Доехали мы до Чашник, и машины начали останавливаться. На небольшом расстоянии одна от одной. А вокруг — пулеметы. Началась полнейшая паника. Думали, бойня будет. Потом нас вновь повезли. Привезли в какую-то разбитую деревню. Там стоял большой барак. У него не было ни окон, ни дверей.

Только крыша и стены. Проехав его, наша машина остановилась. Напротив него нас выгрузили и куда-то уехали. Словом, делай, что хочешь. Был с нами один мужик, которого звали Клим. То ли юродивый, то ли просто придуривался. Он помог тот барак немного обустроить. В нем стали жить семьи - его, наша, маминой сестры и еще три. В сумме получилось шесть. Мы разместились на верхнем ярусе.

Прочие гришанцы попали в другие бараки. Меховы, Соколовы, Дудинская. Насчет последней хочу сказать отдельно. Ей очень не повезло. Она попала в барак, где перед этим жили беженцы с Орловской области. Все умерли от тифа, ибо лечить там некому было. Естественно, Дудинская тоже заболела. Проведывать ее было большим риском, ибо можно было заразиться. Но моя мама была очень жалостливой. Приготовила какой-то еды и пошла к Дудинской. И меня взяла собой. А та уже еле ходит, стонет, не соображает, что делает. Отекшая. Мне было очень страшно, и я все время просила вернуться домой. Повезло — не заболели. Но поумирало людей там очень много.

Деревня та называлась Почаечи. Хоронить покойников у них носили через лес. Там было кладбище. Брали оглобли, привязывали к ним два полотенца, ставили какой-то ящик и несли.

Из нее мы удрали. Пришли в другую. Хозяин нас в дом не пустил. Ночевали на улице, а потом он выделил для нас баню. Когда ее затапливали, мы все выгружались на улицу. Ждали, пока прикажут вернуться назад. Вот так мы там и жили.

Днем кого-то убивали полицаи, ночью приходили партизаны. «Перешерстят» все, что им нужно. Соль, табак и медикаменты забирали всегда.

К зиме вернулись домой. Приехали, а тут не осталось ни одного дома. Девайся, куда хочешь. Осенью ходили по полю и собирали перемерзлую картошку. Черная такая. Очищали кожуру, мыли от песка, а потом толкли в ступе и пекли блины. Почти один крахмал. Тоже черные. Мы звали их тошнотиками (от них тошнило), но это спасло от голодной смерти. Серьезно выручило и то, что мама захватила с собой головку от швейной машины. Только у нас дома она была ножная. Как чувствовала, что потом это пригодится. Все соседи носили, ей что-нибудь пошить, а за это принесут то картошки, то молока, то хлеба кусочек, то еще чего-то. Освобождение было таким. Вдоль деревни река была, называлась Бездонная. Хорошо помню, что за этой речкой в лесу немцы прятались, когда наступали наши, но это им не помогло.

СОЛОВЬЕВ
Михаил Устинович
1928 года рождения

Родился я в 1928 году в многодетной семье в деревне Ананьино. Тринадцатилетним мальчишкой встретил войну. С первых дней пришлось испытать фашистскую «добродетель». Немцы отбирали скот, коров, кур, овец. Мне, как подпаску,

приходилось видеть все воочию. Более взрослых парней забирали в полицию, угоняли в Германию. Мой брат Вася, Сусов Коля, Зезюлька Петр, Староказников Петр ушли в партизанские отряды Берулина, Райцева. Вели борьбу с немецкими захватчиками. Из них только Зезюлька Петр остался жив, а остальные погибли. Староказников Петр был убит при попытке взорвать Андроновский мост на шоссе Витебск - Сураж. Многих взрослых сельчан забрали ночью, и их судьба до сих пор не известна. В 1943 году большинство жителей деревни немцы вывезли в концлагеря. Мою семью вывезли в концлагерь «5-й Полк». А затем отправили в Литву. После освобождения мы вернулись в свою родную деревню, где проживаю и сейчас.

СОНЕЛЬ
Виктор Федорович
1926 года рождения

Я родился в деревне Дубовое, что в Шарковщинском районе. Там встретил войну. Наша деревня лесная, в глухих лесах и болотах обосновались партизаны. В 1942 году в партизанской зоне (так стали называть наши края) сожгли несколько деревень. А в 1944 году и наше Дубовое сожгли фашисты, а всех жителей погнали в Германию, в лагеря. Приехали рано утром на заре, повыгоняли людей из домов и колонной погнали в Шарковщину. Там уже ожидал эшелон вагонов-«телятников». В семье моей было четыре человека: мама, папа, брат и я. Привезли нас в немецкий город Сарбрюккен.

Разместили в лагере и стали гонять ежедневно на работу за три километра. Каждый день колонной – три километра туда, три обратно. А работали мы на железной дороге. Меняли рельсы, шпалы. Уставали за 12 часов работы, еле ноги волокли, но сесть нельзя было, отстать тоже - расстреливали на месте. Надзиратели могли избить просто так, для развлечения.

Весной 1945 года нас освободили американцы, тогда и поели первый раз как люди. В лагере кормили баландой два раза в день. Есть хотелось круглосуточно, даже во сне. Домой возвращались тоже на поезде. Радовались, что живы все. И хоть вернулись на пепелище, жили и работали с надеждой и верой, что завтра будет лучше. Поработав два года в колхозе, уехал в Латвию, в Даугавпилс, и там жил и работал 20 лет. После развала СССР вернулся на Родину. Дома и стены помогают. Только вот здоровья нет, война много отняла, да и годы уже немалые.

СТЕПАНОВА
Милия Сергеевна
1938 года рождения

Родилась я 10 мая 1938 года в деревне Огородники Витебского района.

Началась война, маленькая я была. Очень было страшно, слышала выстрелы. Мама плакала, и мы тоже. Кушать было нечего. Мы все время хотели есть.

В 1943 году попали в концлагерь «Алитус» Латвия. Это был концентрационный лагерь для советских граждан.

В лагере мы находились всей семьей. Родителей гоняли на работу. Кормили очень плохо. Мы часто болели. У детей брали кровь, в том числе, и у меня.

Освободила нас Красная Армия в июле 1944 года. Мы бежали навстречу нашим освободителям изможденные, голодные, полуголые. Радости не было конца.

На всю жизнь останутся в памяти те страшные дни.

СТОНІК (ШАРАБАЙКА)
Таццяна Міхайлаўна
1927 года нараждэння

Родам я з вескі Жураўнёва Глыбоцкага раёна. А перад вайной жылі мы з мамай у вёсцы Мушкат. Для мяне вайна пачалася страшна. Мама паслала мяне занесці малака цёце, сваёй сястрэ, ў Глыбокае. І калі я дамоў варочалася, пачалася бамбежка, самалёты наляцелі. Памятаю, што савецкія салдаты, прысеўшы каля плоту, стралялі па іх з ружжаў. Я вельмі спужалася і пабегла дадому. Самалет кругамі зніжаўся, лётаў амаль над комінамі дамоў і страляў з кулямета па людзях. У памяці і зараз у вушах тыя кулі цыўкаюць. Нейкі чалавек, убачыўшы мяне, схапіў і піхнуў ў ганак бліжэйшай хаты. Калі самалет паляцеў, я зноў пабегла. Ужо ў Беразвеччы, недалека ад нашай хаты самалет зноў вярнуўся і пачаў страляць. А я стаю здранцвеўшы, каб не сусед яўрэй Ахраменак, які пацягнуў мяне ў хмызняк, і мы схаваліся там, мяне б пэўна застрэлілі. А побач кар’ер пясчаны. І такі момант у памяці: нейкі чалавек закапаваецца ў пясок, сыпле сабе на галаву – так ад самалета ратуецца. Калі ўсе сціхла, Ахраменак за руку адвеў мяне дадому. І маме выгаварыў: “Навошта дзіця з хаты выпраўляеш у такі час. На ей жа твару няма”.

Усё жыцце ўспамінаю гэтага чалавека. Ен жа мне тады жыцце ўратаваў. А лёс яму і яго сестрам, іх звалі Сорка і Роза, выпаў страшны. Ахраменак спрабаваў ўратаваць сваю сям’ю. Грошы, дабро сваё суседу аддаў, а калі нічога ўжо не засталося, каб адкупіцца, сусед той адвеў іх у Барок да ямы, дзе расстрэльвалі немцы, і забіў. Сусед ў паліцыю пайшоў служыць, як немцы ў Глыбокім усталяваліся і “новы” парадак сталі наводзіць. Паліцай гэты нават у гета не адвёў іх, не даў хоць маленькага шанца выжыць, бо адтуль хоць адзінкі, але ўцякалі. І такое ў вайну было. Нядобра некаторыя людзі рабілі, не па-хрысціянску. Але ў сям’і таго паліцая і дагэтуль толку няма, усё той грэх ім не даруецца.

Мой дзядуля быў праваслаўным святаром. І ён заўжды гаварыў, што нельга зло людзям рабіць, бо зло заўжды да таго чалавека абавязкова вернецца, які яго тварыў. Муж мой кажа, каб не гаварыла пра гэта, але я лічу што трэба праўду расказваць. Каб людзі ведалі, як усё на самой справе было.

А ў канцы 1943 года мама зноў паслала мяне з малаком да цёці. Не ведалі мы, што ў Докшыцах нейкая дыверсія адбылася, і немцы, азліўшыся, рабілі аблавы. Калі да Глыбокага дайшла – позна было. Немцы ўсіх падрад хапалі. Мне ж 15 было. Усіх, хто не меў дакументаў, зганялі ў будынак цяперашней школы № 1 у Глыбокім. У мяне адабралі торбачку і вылілі малако, напэўна, каб праверыць, можа ў малаку што нясу. З размовы немцаў я пачула слова “партызанен”. І адразу зразумла, што мяне чакае, у душы ўсе перавярнулася. Я ж каля Беразвецкага лагера для ваеннапалонных ў Глыбокім не раз хадзіла, усе бачыла. Вялікая плошча была абцягнутая калючым дротам у два рады і паміж радоў дрот калючымі вожыкамі-клубкамі накіданы. Па баках вышкі з куляметамі стаяць. А за дротам людзі, галодныя, абарваныя, пад голым небам. Дрэвы на тэрыторыі лагера былі абглоданыя ў рост чалавека. А зямля перакапаная рукамі. Людзі елі кару, ды розныя карэньчыкі з травой. Мы з мамай каля лагера ў царкву хадзілі і заўседы бралі з сабой хлеб. Калі паблізу не было ахоўнікаў мы кідалі хлеб палонным. Бо застрэліць маглі. Ды ці маглі тыя кавалачкі, што людзі кідалі, пленных накарміць. Гіблі людзі там кожны дзень. І на пакроў (восень) 1942 года ў лагеры адбылося паўстаннне. Партызаны перадалі ў лагер зброю, і ноччў вязні, забіўшы вартавых, праламілі вароты і кінуліся ўцякаць у розныя бакі. Хто і ўцек, але большасць паклалі з куляметаў

з вышак. Людзі вырашылі, чым смерць ад голаду ды холаду, скарыстаць хоць які шанец.

А наша сям'я дапамагала ўцекачам. Некаторым удавалася збегчы, калі іх вадзілі на розныя работы. Прыходзілі ноччу. Мы іх кармілі і апраналі, як маглі. Чалавек 30-ць да нас прыйшло з 1941 на 1943 год, за той час. Пакуль я дома была, настаўнік польскай школы Паплаўскі даваў вопратку для палонных. Пасля вайны ен пераехаў у Польшу. А я адвадзіла вязнеў да Пятра Каншуля. Памер ужо гэты чалавек, але хачу каб яго сям'я і ўсе ведалі пра тое, што ен быў сумленным чалавекам, сапраўдным хрысціянінам і патрыетам. Хачу, каб унукі ім ганарыліся. Ён потым збегшых з лагера яшчэ некуды адводзіў, пэўна, з партызанамі сувязь меў. А аднойчы паранены да яго прыбіўся. Пятро Каншур схаваў яго на сваім сенавале. Але не было лекаў. Паслалі тады мяне з сястрой Петра Зінай да нямецкага доктара. Я сказала, што мама руку моцна параніла, і рана не гоіцца. Мы прынеслі немцу масла і яек, а ен даў нам лекаў. Тады мы нават пасмяяліся, можа раз за ўсю вайну. Яшчэ адна жанчына да нямецкага доктара прыходзіла штосьці прасіць. Аддае яму сала, яйкі ды кляне-прыгаварывае на ўвесь голас: "Каб вас чума перакаціла ўсе пераржэрлі, і "шнел", і яйкі, і масла". А ен ей у дказ: "Гут, гут, Машка".

А яшчэ памятаю, як зімой да нас вязень прыйшоў. У рыззі, босы. На адну нагуануча навернутая. Зноў даў вопратку настаўнік Паплаўскі - ватоўку ды валенкі свайго бацькі. Вязень гэты з магілы вылез, трое іх жывымі пасля растрэлу засталіся, доўга пад целамі забітых ляжалі, пакуль не сцямнела, потым вылезлі ды пайшлі ў розныя бакі. Адзін з іх і прыбіўся да нас. Мама ўсю вайну дапамагала ўцекачам з лагера, як магла, хоць паўсюдна віселі нямецкія загады: "За дапамогу ўцекачам – растрэл." Мама запісвала заўсёды прозвішчы вязняў, што да нас трапілі, некаторыя самі нават прасілі запісаць свае дадзенныя, каб потым была магчымасць паведаць родным, калі што з імі здарыцца. Але згарэла наша хата, і спісак той у патаемніку, ў камодзе, згарэў. Памятаю толькі імя адно, Жора з Ленінграда. Ен казаў, што быў да вайны музыкантам.

А яшчэ бачыла я, як яўрэяў з Глыбоцкага гета гналі на растрэл. Вялікія калоны ішлі. Некаторыя кідаліся да возера. Але наўрад ці хто дабег, іх наганялі кулі. Шкадавалі мы з мамай яўрэяў. Маму яўрэйка шыць навучыла ў маладосці. Калі сагналі гаротнікаў у гета, мы да цёці хлеб насілі, тая мела магчымасць тайна ў гета перадаваць. Нагараваліся яўрэі, ай, нагараваліся. Мама часта гаварыла: "Глядзі дачушка. Памятай, не забывай".

А яшчэ неяк раз мы, дзеці, дадумаліся схадзіць паглядзець на яму з расстралянымі палоннымі. Ямы вялізныя былі, з вялікую хату памерам. Людзей ў іх складалі, як сяледак. Адзін рад галавой у адзін бок, другі рад на галавы ўжо ногі клалі. Ямы стаялі адкрытыя, пакуль іх не запаўнялі. Немцы ўбачылі нас і пачалі страляць. Старэйшы хлопец загадаў нам паўзці да лесу. Уцячы нам удалося, але больш да тых ям мы ніколі не хадзілі.

Усе гэта пранеслася ў маей галаве, як упіхнулі да іншых, схопленных у час аблавы і калі я пачула слова "партызанен".

Людзей было шмат: і моладзь, і падлеткі, як я, і старэйшыя. Раніцай пагналі усіх на чыгуначную станцыю, абкружыўшы канвоем з сабакамі. Падыйсці да нас ніхто не мог. Ужо ў вагоне была, калі маму ўбачыла, цёця ей сказала, што я не прыйшла з малаком. Здагадаліся яны, што ў аблаву я трапіла. Жах скаваў мяне перад будучыняй. Мама пасля казала, што, ўбачыўшы яе, я гаварыла: "Здраствуйте, здраствуйте", - і больш нічога. А сама я не памятаю, як ад'язджалі, што наўкол рабілася. Я раней на цягніку ніколі не ездзіла. А да сябе дайсці дапамог голад.

Праз суткі-другія есці захацелася, і я заплакала. Нейкая жанчына падыйшла, хлеба дала кавалачак, пагаварыла са мной. Так з Боскай і людскай дапамогай я ачуняла. А тут і эшалон спыніўся. Прывезлі нас у горад Чынец, 7 км ад Цешына. Гэта на мяжы Польшы і Чэхаславакіі. На адным баку ракі Ольза Чэхія, на другім - Польшча. І вялікі мост злучыў берагі. Працаваць паслалі на плавільны завод. Вопратку далі лагерную. Каляная шэрая юбка і куртка. На грудзях і на плячах бірка з надпісам "OST". Мне растлумачылі што гэта азначае "восточный рабочий". Я працавала грузчыцай. На тачку складвала лом і вазіла да печаў. А хто каля печаў працаваў, часта гінулі. Зрываліся з мастоў і згаралі зажыва. Ноччу неба было чырвоным ад зарыва тых печаў.

Надзірацелі працавалі пазменна. Адну змену пажылы немец, з фронту камісаваны па раненню. Той толькі пакрыкваў: "Арбайтен, Арбайтен!" А вось на другую змену надзіральніцай была жанчына. Хоць жанчынай назваць яе цяжка. Звярына, інакш не скажаш. Усё "Шнель!" ды "Шнель1", а калі не дастаткова хутка, на ейны погляд, тачку коцім, то бізуном біла. Неяк маладзіцы адной у мяне на вачах усю спіну бізуном пасекла.

Жылі мы ў бараках. Нары з дошак. Ні пасцелі, ні коўдры. Дошка замест падушкі. Мой барак быў пад нумарам 12. Кармілі два разы на дзень – раніцай і ўвечары. Суп давалі чорны ад мёрзлай бульбы і хлеба маленькі кавалачак. Магчыма, і памерла б я ад голаду, бо паміралі людзі, як мухі, але кожны вечар малілася я Богу, і паслаў ён мне добрага чалавека, жанчыну-палячку. Яна жыла недалека ад лагера, ў Цешыне. Аднойчы падыйшла да мяне і спыталася адкуль я. Я адказала па-польску: " З Глэмбокага". І стала гэта жанчына прыносіць мне ежу. Прыхадзіла заўжды на змену мужчыны-немца, я ўжо казала, што ён быў неблагім чалавекам. Яна ціханька перадасць мне чаго паесці, і я тут жа з'ядала. Нельга было, каб хто ўбачыў, маглі б нас расстраляць. Яна часта прыходзіла і ўсе гаварыла: "Чшымайся, дачушка, чшымайся родная, ужо рускія блізка". Неяк трохі пагаварылі. Рассказала яна, што немцы яе дачушку застрэлілі, а зяця павесілі. А ў бараку жылі мы кожны сам па сабе. Спачатку неяк сябраваць спрабавалі, але заўважылі, што калі хто што на немцаў сказаў, або на што паскардзіўся, назаўтра ж знікаў чалавек. Пэўна даносчыкаў за кусок хлеба немцы куплялі. Я толькі з дзяўчынай Надзей з Ленінграда сябравала.

А яшчэ аднойчы ўразіў адзін выпадак. Недалека ад Цешына быў лагер Асвенцым з крэматорыем. Туды часта кіраваліся па чыгунцы саставы з вязнямі. І аднойчы пачулі мы, што ўсе вагоны спявалі па-французку. Сярод нас было многа нацыянальнасцяў: палякі, украінцы, рускія, французы і іншыя – уся Еўропа была прадстаўлена. Пленны француз патлумачыў, што гэта яго землякоў вязуць у Асвенцым, і яны моляцца.

А потым была ноч, уся у агнях, у канцы 1944 года. Чырвоная Армія наступала з пражэктарамі. Мы хаваліся, дзе прыйшлося. А раніцай былі ужо свабодныя.

На размеркавальны пункт, куды нас, былых палонных, сабралі, прыйшоў савецкі палкоўнік і спытаў: "Хто ведае польскую мову?" Я сказала, што ведаю. У польскай школе вучылася і сябравала з суседзямі-палякамі, навучылася добра размаўляць па-польску. І яшчэ за час палону нядрэнна чэшскую мову вывучыла, ды і іншыя мовы мяне цікавілі, і я легка запаміналa словы. Так я стала перкладчыцай пры штабе. Перакладала, калі вялі допросы затрыманых. Немцы ўжо з войска беглі. Прыкідваліся палякамі, чэхамі.

А калі наша Армія далей пайшла ў наступленне, я вярнулася дамоў. І дакументы мне палкоўнік выпісаў, што я перакладчыцай пры вайсковай частцы была, раіў,

каб берагла. Але мая сястра дакументы знішчыла. Не ведаю чаму. Зайздрасць якая, ці што іншае. Мне прапанавалі далей з войскам ісці, але вельмі дамоў хацелася, і я папрасіла адправіць мяне з эшалонам, які ішоў на Радзіму, у Беларусь.

Дамоў ехала з сям'ей з Шаркаўшчыны. Яны ўсе дачушку Ірачку ўспаміналі. Таксама трапілі ў аблаву "хапун", а дзяўчынка дома была, не ведалі, ці прыгледзіў яе хто, ці засталася жывая. Прапаноўвалі мяне з сабой забраць, але я спадзявалася, што мае мама і родныя выжылі.

Мама мая выжыла, я таксама, як з пекла вярнулася, дзякаваць Бога, але дом наш згарэў. Нямецкі самалет падбілі, і ен стаў развальвацца ў паветры. І палаючая частка на наш дом звалілася.

Ды ўсе ж самі жывыя засталіся, гэта галоўнае. Хоць здароў'е ў нямеччыне падарвала. Ўсе жыцце падлечвацца даводзіцца.

Замуж выйшла за суседа-франтавіка. Трох дзяцей вырасцілі, двух сыноў і дачку.Усе вывучыліся, унукаў маем дарослых.

Пасля вайны ў вёску Мушкат прыехаў былы палонны лагера ў Беразвеччы, якога мы ратавалі, мяне ўспамінаў. Але я ўжо жыла у в. Абруб. Ніхто яго да нас не скіраваў. Так і не сустрэліся. Прыязджаў ён з Волгаграду.

Мне ўжо 82 гады. Кратаемся з мужам паціхеньку. Але палон той немецкі на ўсе жыцце застаўся жахлівым успамінам.

СУХОРЕВА
Екатерина Наумовна
1931 года рождения

Прекрасное солнечное утро. Дату не помню. Около 9 часов утра раздался громкий взрыв. А перед этим по радио было рекомендовано освобождать дома и идти в землянки, если таковые имеются. А если нет, то нужно проситься к соседям, но чтобы в доме никого не осталось. Перед этим было велено всем без исключения выкопать землянки. И отец это сделал. Так что уже после первого взрыва мы были там. Стали располагаться, и тут — следующий взрыв. Обломалась балка, земля обрушилась на нас, но никого не поранило.

Напротив дома был сарай. В нем находились две коровы. Наша и папиного брата. В летнее время их не привязывали. Они выскочили во двор. И тут еще один взрыв. Коровы упали замертво.

Звуки бомбежки отдалялись, но выходить никто не решался. Просидели там целый день. Папа говорил, что это, наверное, фронт идет. Стало темнеть. От третьего или четвертого взрыва загорелся наш дом. Вечером пришли сосед с соседкой. Они принесли баночку молока, булку хлеба, несколько огурцов и стали нас звать к себе ночевать. Но родители отказались.

Так и жили в землянке. А потом была «эвакуация». Помню, было приказано взять с собой еды на сутки и одеться по погоде и времени года. Утром приехали немецкие машины, велели быстренько погружаться. Привезли в «5-й Полк». Было холодно. Сгрузили, показали казарму и приказали искать там себе место. Конечно, ни о каком благоустройстве речи не было и в помине. Пробыли там четверо или пятеро суток. Потом повезли в Чашники. В памяти осталось, что кормили нас всего несколько раз. Нужно было приходить со своей посудой, в нее какую-то баланду и наливали. Сначала ели дети. Папа с мамой доедали уже остатки. Есть хотелось постоянно. До этого ходили на поля собирать перезимовавшую картошку. Варили супы из крапивы, щавеля, лебеды.

Вот такая обстановка была. Людей возили расстреливать в ров. Хоронили отде-

льно русских, отдельно евреев.

СЯСЮЛЬ
Анна Александровна
1925 года рождения

Родилась в деревне Миласи Брасловского района. Там и война меня застала. В семье нас было четверо - папа, мама и я с братом. В 1942 году, обозленные партизанами, немцы стали палить деревни. Соседнюю деревню Замошье сожгли, а потом и к нам приехали. Как раз воскресенье было. Осень теплая была, люди картошку копали. Отца и брата дома не было. Один солдат из карательного отряда зашел к нам в дом. Спросил о партизанах, есть ли в деревне. Мы с мамой заверили его, что нет и не было. Немец пообещал, что если все в доме будут, то семью не тронут. Говорил по-русски с акцентом. Люди рассказывали, что среди карателей были латыши. Мы с мамой побежали папу и брата искать. Брат рыбу ловил, а папа лошадей перевязывал на пастбище. Нашли мы их и домой привели. Повесили на дверь снаружи записку, что все члены семьи дома. А вечером немец пришел, ульи показывает. Папа понял, что немцы меду захотели. Принес, чтобы отцепились. Тревожно, страшно было, не знали, чего от немцев ждать. А они, наверно, специально так себя вели, заверяли, что не тронут.

А утром из окна увидели мы подводы, целый обоз. И начали деревню грабить. У нас забрали две овцы (их раньше было больше, но трёх партизаны еще летом забрали) свиней, двух коров и телку и из дома вещи все, что под руки карателям попадало. Потом последовал приказ собираться. И стали мы собираться, неизвестно куда. Сложили на воз кое-какую поклажу (что после грабежа осталось) и поехали. У нас два коня было. Одного коня соседям отдали. У них четверо детей было, и все мал мала меньше. Идти не смогли бы. Под конвоем приехали в Браслав. В городе нас загнали в еврейское гетто, которое уже пустовало. На ночь замкнули, чтоб не разбежались, а утром пришли полицаи. Снова погнали до Дрысвят, потом до Дукшты. Там первый раз за все время покормили. Людей много было. Только из нашей деревни человек 70. А всего человек двести. И старых, и молодых, и детей.

В Дукште старикам предложили вернуться домой. Папа и мама на лошади уехали. Им уже было больше 70-ти лет. А остальных погрузили в эшелоны и повезли. Приехали в Граево, на территорию Польши. Там погнали нас в баню. Раздели всех догола и медосмотр проводили. Если на теле замечали болячки, доктор ставил печать на тело и этих людей, куда-то уводили. С нами дальше они не ехали. И рентген всем делали. Потом одежду вернули. Горячую от дезинфекции, даже на тело нельзя было одеть, остуживать пришлось. Снова погрузили в «телятники» и повезли дальше. Помню, проезжали Батэнбург, Пурда, Иоханесбург и высадили нас в Крэсенштейне. Здесь нас с братом определили к хозяину - бауэру. У него работало 32 человека: французы, поляки, итальянцы, украинцы, чехи. На хутор нас забирал француз. В хозяйстве было 200 коров, свиньи и другая живность. Мы клевер сушили, свеклу убирали и другие работы по хозяйству делали. Хозяин был нервный. Из-за незнания языка были проблемы. Пока научились понимать и хозяина, и друг друга. На месяц хозяин выдавал нам 4 кг муки. А печь хлеб меня научила украинка. Мы не голодали. Хозяин выдавал и сало, и макароны, и сахар. Варенье варили и нам тоже давали. Зимой 1945 года хозяина по всеобщей мобилизации забрали на фронт. Пришлось нам с хозяйкой управляться.

А в апреле нас освободила Красная Армия. Прошла допросы. В НКВД все допытывались, как в Германию попала, может добровольно поехала, как будто

сами не знали, как мы туда попали. Брата в армию забрали, а я на Родину пешком пошла. В Польше встретила двоих детей - сестру с братом из Шарковщины. Им было лет 12-14. С ними и пошла домой дальше. Долго шли, дорогу спрашивали, где подъезжали попутно. Ни пить, ни есть не хотелось. Одно думалось: скорей бы до дома дойти. Пришла летом в деревню. На месте сгоревшего дома родители землянку вырыли, печечку сложили, чтоб зимой не замёрзнуть, а меня с братом уже и не ждали.

Сразу пошла работать в колхоз. И 25 лет отработала, до самой пенсии. Домик новый небольшой построили. Так и жила. А сейчас вот здесь, в интернате, доживаю. Старая уже, работать больше не могу.

ТЕРЕЩЕНКО
Нелли Демьяновна
1937 года рождения

Когда началась война, мне было четыре года, а старшему брату пятнадцать. Он только-только закончил первый курс в училище. Немцы как-то быстро пришли. Никто ничего не успел сделать, даже нормально эвакуироваться. Переполненными были вагоны. Мы доехали до деревни Барвин. Тут нас догнали немцы. И сразу же попали под подозрение. Раз не успели уехать, значит, потенциальные партизаны. Вернулись домой, а там началась дележка земли. Кого-то выгоняют из дома, у кого-то забирают скот. В общем, ничего не поймешь. Начали формироваться какие-то молодежные бригады для работы в Германии. Брат (1926 года рождения) как раз подходил, а остальных (кто постарше) успели забрать в Красную Армию. Впрочем, когда отступали, никто и не думал, что под оккупацию попадут даже профессиональные военные, не говоря уже о военнообязанных. Так стремительно все происходило.

Я не хочу сказать, что староста был плохим человеком. Так сложились обстоятельства. Раз немцы назначили, будешь работать и никуда не денешься. Как-то утром он объявил, что на школьный двор будут собирать молодежь для отправки в Германию. Однако вышло иначе. В соседскую баню ночью пришли партизаны, собрали всю молодежь и увели в лес. Так мой брат тоже стал партизаном, а мы партизанской семьей.

На следующий день пришли полицаи с немцами и спрашивают: где делся брат? Отвечаем, что он уехал в Рубу наниматься на работу. Они не поверили и выгнали нас на улицу. Заняли наш дом. Взяли какие-то котомки (ватное одеяло, например) и пошли в лес. Холодно, костры жечь нельзя, потому как они привлекают самолеты. Немцы обвинили нас в том, что это мы подаем некие сигналы партизанам, и забрали в «5-й Полк». Перед нашим приездом расстреляли или куда-то вывезли всех военнопленных. Заняли их бараки. Обращение очень плохое, собаки, проволока колючая кругом. Стоило к ней подойти, сразу с вышки стрелял часовой. Антисанитария страшная. Туалетов нет. Кормежка, считай, никакая. Баланду варили (не знаю, где они ее брали) из черной муки. Она даже не сварена была, просто заболтана. На целый день давали маленький половничек. Хлеба не было никакого. Начались кишечные инфекции, сыпной и брюшной тиф. Говорят, немцы заражали специально. Не согласна. Мы сами друг друга заражали. Может, в других лагерях подобное и было. Половина наших вымерла и без этого.

Как-то во время облавы на партизан попал в «5-й Полк» и мой брат, но каким-то чудом оттуда удрал. Потом нас поселили в какие-то дома на улице Гончарной,

во дворе там стоял патруль. Вскоре всех вернули назад. Тех, кто там был временно, немцы вывезли. Одних в иные концлагеря, других в Австрию и Германию.

Перед отступлением они поняли, что с нами надо что-то делать. Погрузили в «телятники» и куда-то повезли. Вагоны снаружи забиты досками. Информации никакой. Довезли до Лиозно, выгрузили и погнали в лес. А там уже подготовлено и огорожено колючей проволокой место. Рядом деревня Марьяново. Вода болотная, еды никакой. Когда нас туда загнали, то сразу всех пересчитали. Прошел слух про двенадцать тысяч. Некоторые пытались удрать, но куда? Всюду болото. В беглецов сразу стреляли. Там было два детских дома. Беспризорники. Немцы «выкачали» у них кровь. Все похоронены там же.

Мальчиков и мужчин отвели за полтора километра и всех расстреляли. Немцы не хотели, чтобы трудоспособные люди оставались в живых. Уцелели только старики, дети, женщины и больные. Мы ж не знали, что их убили. Думали, отвезли в другой концлагерь.

Потом было освобождение. Однажды на рассвете пришли разведчики в маскировочных плащ-палатках и начали спрашивать, откуда мы взялись. Говорят по-русски, на пилотках звездочки – наши.

Приказали быстро собираться. Дескать, они нас выведут из лагеря, потому что вокруг все заминировано. Ни шагу в сторону. Сразу – взрыв. Это мы видели своими глазами. Пришли они в четыре часа утра, а всех вывели часам к одиннадцати. Потом нас отправили на санобработку. Для этого были специально приспособленные машины со шлангами. Даже выдали по маленькому кусочку мыла. Кое-как вымылись, оделись и – на Смоленск. Сказали, что суражским можно уходить, и дали им какие-то справки. А через два дня сообщили, что Витебск освободили. Мы пошли туда пешком. Дошли до железнодорожной станции, а там все переполнено. Военные нас отгоняли. Двинулись в Лиозно. В Лиозно обогнали какие-то солдатики. Они везли противотанковые мины. Попросились взять. Они были бы рады, но груз был весьма специфическим. Ответили, что нам уже все равно. Короче говоря, приехали в Витебск на минах.

Нас долго не называли узниками. Наоборот, раз остались на оккупированной территории, значит мы были преступниками. При Советской власти боялись говорить, что были в концлагере. Так как у меня был отец (старый и больной), хоть в школу пошла по-человечески. Другим не в чем было в школу ходить и есть тоже. Мы писали на газетах, ибо больше ничего не было. Попробуй, напиши там, где был Сталина портрет, сразу накажут или арестуют. Так что в концлагере наши горести не кончились…

Училась на одни пятерки. Отец умер в 1951 году, тогда я была в восьмом классе. Нас было трое у мамы, еще один мальчик родился уже после войны. Мама в колхозе работала. Ничего не получала, только «трудодни», то есть записи, что ты был на работе. Школу закончила хорошо. Поступила в институт. Стала врачом, работала на скорой помощи.

Каждый имел право упрекнуть за то, что были на оккупированной территории. Дескать, мы смогли уехать, а вы нет. Теперь я уже отвечаю, что планета всем дана поровну, и время всем тоже дано поровну. Тогда нельзя было ничего изменить. Так захотел Господь.

Попробуй, в колхозе скажи хоть слово. Сразу огород «отрежут» и нечем будет кормить корову. Я, когда училась в институте, летом ходила за маму на работу. Делала «трудодни», а зимой училась.

Тот, кто отобрал льготы, сам не прочувствовал, как нам плохо жилось. Навер-

ное, им есть какой- то резон в этом, или взять путевку от профсоюза дешевле.

Я отношусь к тому, что на месте «5-го Полка» строят жилые дома, очень отрицательно. Антисанитария там была страшная. Микробы попали в землю, а их споры живут триста лет и более. С медицинской точки зрения, там строить дома нельзя. Что трудно там поставить хороший памятник или мемориал? За областной больницей пустырь, так там целый город можно построить …

ТИХОНОВА
Елена Ивановна
1923 года рождения

Помню, как отходили русские, а немцы наступали. Школа у нас была на горе. Директор убежал. Под «немцем», конечно, было очень трудно. В «5-ом Полку» очень много собрали военнопленных. Вывозили их рано утром, часов в 5-6. Расстреливали из автоматов, очередями. Кто упадет замертво, а кто просто ранен. Наш дом был недалеко. Приползут, мать-покойница их обмоет и спрячет. Даже после войны два человека, которых мы спасли, писали ей письма.

Запомнилось, как папу хотели застрелить. И сестру мою младшую. А когда стали молодежь отправлять в Германию, меня забрали, посадили в машину и куда-то повезли. На переезде я из кузова выпрыгнула и — в кювет. На этом месте сейчас в «5-ом Полку» стоит памятник. Пошла домой и в погребе жила, наверное, дней десять или больше. Мама мне туда еду подавала. Потом, чтобы не уехать в Германию я ошпарила, себя кипятком. Рука была вся как бревно. А еще сделала укол дегтем в другую руку и получила заражение. Короче говоря, в Германию я не попала. Сильно не хотела туда ехать.

ТУРОНАК
Федар Васільевіч
1923 года нараджэння

Усё жыцце я пражыў у в. Каўшэлева Шаркаўшчынскага раёна. У дзяцінстве застаўся без бацькоў і гадаваўся ў дзядзькі. Лішнім едаком быў я ў іх сям'і.

Калі пачалася вайна, мне было 18 год. І калі немцы сталі моладзь забіраць у Германію на работу, дзядзька адвез мяне ў г. Браслаў, дамовіўшыся з солтысам. У Браславе быў арганізаваны зборны пункт каля гарадскіх могілак. Вялікую плошчу абгарадзілі дротам, і мы, каго прывезлі раней, чакалі, пакуль немцы наберуць людзей на эшалон для адпраўкі. Пагаладалі мы, пакуль чакалі, хоць траву было есці.

Потым, калі эшалон сфарміравалі, нас павезлі ў Вільню. Там мы першы раз паелі кашы і захварелі. З галадоўкі не вытрывалі страўнікі.

А канечным пунктам стаў буйны прамысловы горад Вольфваген ў Германіі. Там, у гаспадара, які меў тытул барона, я і працаваў па гаспадарцы да вызвалення. У горадзе ў барона быў дом, а за горадам памесце. Ен здаваў у арэнду зямлю баўэрам. Але многія з іх былі на фронце, і мяне адпраўлялі дапамагаць гаспадыням, якія жылі адны, бо іх мужы былі на вайне. Жыў нармальна, галодны ніколі не быў, харчаваўся лепш, чым у дзядзькі на Радзіме. А рабіў усё што загадвалі. Пахаў, сеяў, збіраў збожжа.

Вызвалілі нашу тэррыторяю амерыканцы. Нас, вывезеных, збіралі на фільтрацыйных пунктах і адпраўлялі дамоў. У 1945 г., нешта пад лета, я вярнуўся дамоў у Каўшэлева.

Пасля вайны працаваў у калгасе конюхам. Потым пайшоў на пенсію, так вось

і жыву ужо 86 год. А да немцаў не супраць з'ездзіць зноў, толькі каб у госці, бо працаваць ужо не магу - састарэў.

ФИЛАТЕНКО
Татьяна Васильевна
1935 года рождения

До войны отец, мать, сестра и я жили в деревне Бабиничи. В 1940 году отца призвали на военную службу. Служил он в Минске, а потом в Брестской крепости. Жили мы в Бабиничах до 1943 года. Плохо было, есть нечего. Немцы зимой выгоняли из хаты. Жили на летней кухне, а когда тепло, то в сарае. Бомбили постоянно. Бывало, когда вечером все соберутся, мама тепло нас оденет и спрячет в вырытый в кустах котлован. Возможно, это и помогло выжить.

В конце 1943 года нас насильственно погнали в «5-й Полк». Шли пешком, на саночках тянули только маленьких детей. Спали на голых нарах. Вши, голод, холод. Всего было. Кормили какой-то баландой. Каждый день выгоняли строем на проверку. Пили грязную воду. В лагерь ее привозили. Я заболела брюшным тифом, но осталась жива.

Так жили до мая 1944 года, когда нас погрузили на машины и повезли на железнодорожный вокзал. Погрузили в товарники-«телятники» и несколько раз возили взад–вперед, потому что нельзя было сразу везти в Германию. Бабушку (по отцовской линии) в конце концов туда повезли, а нас оставили в Богушевске. Там выгрузили и погнали лесом. Днем гонят, а как стемнеет, немного дают передохнуть. Тех, кто не мог идти, расстреливали из нагана. Я сама это видела. Гоняли из одного леса в другой.

После одной ночевки приказали всем выйти на поляну. Ничего взять с собой не разрешили. Там стояли пулеметы. Мама взяла мою младшую сестру Галю на руки, четыре годика ей было. А мне велела держаться за юбку. Все вокруг кричали. Женщины плакали, а немцы их били палками. Потом кто-то приехал на машине. Они о чем-то поговорили, и немцы начали опускать пулеметы. Нам разрешили сесть. Потом стали спрашивать, у кого есть родственники в Германии? Поначалу даже некоторые показывали письма, а потом немцы стали верить и словам. У многих знакомых и родственников там не было. Их отделили и вновь погнали в тот лес, где мы раньше уже были. А нам дали по булке хлеба и погнали в другой лес.

Вечером груженые немецкие машины поехали по какой-то дороге, а нас погнали по ее обеим сторонам. Наверное, таким образом - прикрывали. Пригнали в какой-то лес, где мы из веток сделали шалаши. Однажды утром просыпаемся - никого нигде нет. Так было три дня. Ни немцев, ни русских. Потом тетя моя и еще две девочки-подростки привязали на палку красную тряпку и пошли на опушку леса. Потом тетя вернулась и говорит, что пришли наши. Трое бойцов, в плащ-палатках. Она даже запомнила одну фамилию - Москаев.

Когда нас освободили, то сказали, чтобы мы не торопились, потому что все кругом заминировано. Выведут всех, а тех, кто не может идти, – вынесут. Разминировали неширокую тропинку. По ней и вышли к озеру. Хотели, чтобы мы помылись и попили водички, но не получилось, ибо в этот момент налетели немецкие самолеты. Нас спрятали в траншею, долго по ней шли. В ней солдатики наши сидели, плакали, глядя на нас. Кто давал кусочек сахара, кто сухарик. Вели нас этой траншеей много километров.

Потом, помню, моросил теплый-теплый дождик, и солдатик накрыл нас простыней. Помыли в полевой бане, дали поесть. Кто мог идти сам, двинулись к же-

лезной дороге, а детей и больных повезли на подводах. Потом в Крынках посадили в поезд и повезли в Смоленскую область, Темкинский район, деревня Дубровка. Там нам дали продукты. Помню, их председатель был с одной рукой. На костре варили еду. Жили в двухэтажной школе, пока не освободили Витебск. Потом нас отправили домой. А там всем освобожденым из лагеря выдали соотвествующие справки. Кто сохранил их, а кто нет.

Приехали в родную деревню, а там от дома уцелела одна печка.

Очень плохо, что на месте лагеря сейчас строят дома. Как можно в них жить? Они же построены на людских костях. Это же святое место.

ХИРУВИМОВА (СТАРОКАЗНИКОВА) Раиса Васильевна 1938 года рождения

Я родилась в д. Ананьино Витебского района Витебской области в большой семье: Старокозников Василий Фомич - отец, Старокозникова Елена Давыдовна - мать, братья: Володя, Саша, Леша и сестра Люба.

Перед Великой Отечественной войной родители построили новый дом, но пожить нам в нем не пришлось. Саша умер перед войной. Мы жили на оккупированной территории. В 1943 году немцы всех жителей эвакуировали в город Витебск, деревню сожгли, нас поместили в «5-й Полк». В далеком детстве я не понимала, что происходит, всегда хотелось что-нибудь поесть. Мы сидели на нарах. А однажды зашел полицай и забрал меня. Люди заметили и подсказали маме. Она побежала за мной, немец спустил овчарку. Мама все же выпросила меня у немца. Полицай решил, что мать скрывает еврейскую девочку. У нас в семье все дети были беленькие, так я осталась со своей семьей. Полицаи были страшнее немцев, было такое время.

Да, я еще хочу рассказать, что в «5-ом Полку» родился Журавский Георгий Михайлович. 6 мая 1944 года, он сейчас живет в Городке.

Вскоре всех узников посадили, кого на машины, а кого погрузили в товарные вагоны и повезли. Затем выгрузили и долго водили по лесу, а потом поместили в болото, обнесенное колючей проволокой. Не давали разжигать огонь, плакать, даже разговаривать. Это все рассказывала мама, старшие мои братья и сестра. Болото было заминировано, а когда нас освободили, лес бомбили, люди в панике убегали и подрывались на минах.

Потом разведчики разминировали нам узенькую тропинку, и мы выходили по ней след в след, кто оступался - подрывались. Под деревом остались лежать из нашей деревни Тоня со своей мамой навсегда, я это помню.

Потом нас вывезли в Смоленскую область. Из нашей большой семьи осталась я одна.

ХОРЬКОВА (ИВАНОВА) Степанида Ивановна 1933 года рождения

В «5-й Полк» загоняли дважды.

Первый раз собрали половину нашей улицы. Остался только барак, где мы жили. Потом дошла очередь и до нас. Что я помню? Кормили каким-то хлебом. И все. В чем были, в том и забрали. Очень тяжко теперь вспоминать. У меня было

два братика-близнеца, мама их родила только в 1941 году. Не знаю, где они. Как немцы их забрали, больше мы их и не видели. Ни мамка, ни я, никто. С нами была еще бабушка. Я не помню, сколько мы там пробыли. Потом погрузили на машины и повезли в сторону Новолукомля. Нас отбили партизаны. Первая машина взорвалась на мине. А куда нас везли, этого никто не знает, потому что впереди и сзади колонны немцы. Может, побили во рву. Когда взорвалась машина, нас бросили в чистом поле. До деревни детей донесли те, у кого остались силы. Хорошо помню, что жили мы в деревне Почаечи, точнее на их озере. В этой деревне все были в партизанах. Давали нам поесть лишь те, кто остался и воевать не мог. Помню, как нас освободили. Мама тогда болела. Приехал какой-то как «козелок» облепленный солдатами. И нам говорят: «Всё, мы вас освободили, можете сейчас по домам ехать».

Но ехать сразу мы не могли, ибо мама долго болела. Легче ей стало только через какое-то время. Лагерь вспоминается часто. За колючей проволокой там были военнопленные. Очень голодные. Наши женщины их хоть немного подкармливали. Вареными бураками. Где сейчас стоят коммерческие ларьки, были рвы. Из лагеря туда вывозили и бросали мертвых, но были среди них и живые. Те, кто сильно болел. Так и умирали. Здесь все на костях.

Мамка меня не пускала, а мальчишки, мои двоюродные братья, лазили всюду. Что и говорить, ничего хорошего в моей жизни не было. Детства не было, и старости теперь нет. Сижу вот слепая. Ехать в Минск на операцию нет денег, а здесь ее делать не берутся. Все время держится высокое давление, ни проходит. Я перенесла тяжелую онкооперацию, поэтому у меня сейчас стала и голова сдавать. Раньше все помнила хорошо, а после операции зрение ослабло, и память стала совсем плохой. Многое забываю. Живу с внучкой.

ЦЫГАНОВА
Лидия Ивановна
1938 года рождения

Родилась я в 1938 году в Витебском районе, деревня. Андроновичи. В первый день войны отец Иван Иванович Павлов ушел на фронт и не вернулся. Мать Александра Васильевна с пятью детьми осталась на оккупированной территории. В 1942 году немцы выселили нас из дома и вместе с оставшимися в деревне жителями поместили в бараке. Вместе с нами находилось несколько коров. Мы ютились в уголке, спали на полу. Питались только молоком, но вскоре коров немцы забрали, и мы стали голодать. В 1944 году нас вместе с матерью и всех проживающих в бараке погрузили в машину и вывезли в «5-й Полк».

В концлагере мы пробыли до мая 1944 года. В последних числах мая нас снова погрузили на машины и привезли на станцию Крынки. Это был лагерь под открытым небом. В народе его назвали «лагерь восьмитысячников». 3 июня 1944 года нас освободили части Красной Армии и эвакуировали в Смоленскую область.

После освобождения Витебска вернулись домой в деревню. Наша деревня была полностью сожжена. Жить начали в бункере, который сделали немцы, вырубив для этого березовую рощу.

ШИДЛОВСКИЙ
Николай Петрович
1922 года рождения

В июне 1943 года, тогда я жил в деревне Дубовка Шарковщинского района, меня и еще несколько молодых людей от 16 до 25 лет забрали на работу в Германию. Солтыс приказал явиться в Шарковщину в комендатуру. Потом погрузили в «телятники» (вагоны в которых перевозят скот) и повезли. Было самое время сенокоса. Сначала везли в открытых вагонах, но, когда один человек упал под колеса, двери стали задвигать. Молодежи везли целый эшелон, все белорусы. Покормили только раз (в дороге) в Ковно. В ведрах разнесли по вагонам похлебку.

Меня привезли во Франкфурт-на-Майне. Работал на военном заводе грузчиком. На тележке подвозил уголь. Работа тяжелая была, а еды совсем мало. Один половник подливы и три картофелины на весь день. Жили в бараках. Спали на двухъярусных дощатых нарах. Но на работе над нами не издевались. Надзиратели и мастера были или старики, или комиссованные из армии инвалиды. Они меня даже подкармливали. Предлагали кофе и незаметно совали хлеб. Не все люди добрые, не все плохие. Как и у каждого народа.

А односельчане мои, Фабиан Козловский, Иван Аналько, Николай Марков - все умерли. Семнадцать лет. Только из нашей деревни человек пять тогда забрали, а вернулся я один.

Освободили нас американцы. Предложили на выбор. Ехать к ним или на Родину возвращаться. В машину американцев село 7-м человек: 2 женщины, 5 мужчин. Мне тоже очень хотелось сесть в ту машину, но желание увидеть родных пересилило. Плохое предчувствие было, и оно не обмануло. Потому что «попал из огня да в полымя». Эшелоном как «врагов народа», «изменников Родины» привезли в шахты Донбасса. Поработав несколько месяцев в невыносимых условиях, решил бежать. Только куда убежишь ... поймали. Судили и дали пять лет каторги, правда называли это по-другому - «исправительные работы». Единственный документ, приписное свидетельство, забрали. Работа была тяжелая, кормили хуже свиней. Думал, не вернусь. Но в 1948 году отпустили домой. До Друи доехал, а потом пешком 60 км шел домой. Родные меня не узнали. Вот так и забрали у меня лагеря, немецкий и советский, пять лет жизни и здоровья.

Когда вернулся домой, подлечился, пошел работать в колхоз. Всегда был передовиком. Женился на любимой женщине Тамаре Ивановне. Вместе вырастили 5 детей, теперь вот балуем внуков. Одного у Бога прошу, чтобы им никогда не пришлось пережить то, что пережил я.

ЩЕННИКОВА
Алла Семёновна
1933 года рождения

Началась война. Жили мы в Витебске, где я и родилась. На 2-ой Пионерской улице, она и сейчас есть. До революции это была улица Тройченская. Возле нас была церковь. На Троицу были кирмаши, а при Советской Власти она стояла почти заброшенной. Бабушка на Володарской улице жила, и я часто находилась у нее,

потому что мама работала.

В нашем доме жили немцы, а на дворе стояли танки. В январе 1944 нас загнали в «5-й Полк». Мама заболела тифом. Есть давали какую-то баланду. Ну а хлеб у немцев вообще плохой - с опилками. Есть его было невозможно, но другого выхода не было. Я все время крутилась возле мамы, но тифом почему-то не заболела.

Когда нас пригнали в «5-й Полк», военнопленных там уже не было. Часть погибла, часть вывезли на разные работы, в том числе, и в Германию. Они ведь все были молодыми. Каждый барак был отдельно обнесен колючей проволокой.

Молодых женщин сортировали, отбирали для работ в Германии. С «5-го Полка» брали только женщин. Малых детей у них отбирали, оставляли их со стариками.

Воду нам привозили из сажалки (она и сейчас сохранилась), а туалетов не было никаких, по нужде ходили в канавы. Естественно, все это стекало в грунтовые воды. Антисанитария ужасная. Ступить абсолютно негде. Поначалу еще какие-то доски были положены, а потом не стало и их. Весной нас выгнали из лагеря и погрузили в вагоны. Вывезли в лес. Лиозненский район, деревня Марьяново.

Лес, болото, шалаши, сделанные из еловых лапок. Есть нечего, пить тоже. В первый день нашего приезда вокруг росла заячья капуста, съели ее за одни сутки. Потом, помню, кто-то дал нам сухари. Обыкновенный сушеный черный хлеб, а кто-то — говяжьего жира. Потому что там люди были и сельские, и у них с собой, что-то было. А мы, городские, не держали дома ничего. Сварили суп из этих сухарей и жира туда добавили. Вкуснотища, не передать словами! Сейчас курицу приготовишь, и то получается не так вкусно. Однажды я сварила такой суп своим детям, а они, говорят, что такого не едят даже поросята.

Трудное у меня было детство. Бомбили постоянно. Потому что раньше там был игольный завод (делал иголки для патефонов), а потом его сделали часовым.

В лесном лагере мы видели сплошное издевательство. «На кровь» отбирали только светленьких детей. Считалось, что они ближе к их расе. Черные – «юды», то есть евреи. Их убивали сразу же. Даже темно-русых они не очень жаловали. Я, как и моя сестра, была беленькой. Мама нас прятала, чтоб мы никуда не ходили, и никто нас не видел. Она еле двигалась, потому что от тифа была очень слабой.

Как-то утром стало тихо-тихо. Мама проснулась и говорит: что-то не так, совсем нет лая собак, громких разговоров немцев, которые всегда почти кричали. Посмотрели - нет немцев, никто нас не охраняет. Люди начали собираться в группы. Через какое-то время появился советский солдат. Все кинулись к нему, а там же в основном тифозные. Тогда старики закричали, чтобы все отошли и его не целовали. Ну а потом еще солдаты появились. Начали нас оттуда выводить. Поля были полностью заминированы. Узенькая тропочка, даже три человека вряд ли пройдут. Только след в след. Шаг влево или в вправо — взрыв.

Солдаты дали нам какие-то таблетки. Вода была зараженной. Пить ее можно было только тогда, когда растворишь там таблетку. Потом всем дали пайки: сухари, селедка, тушенка и сахар. Мы с сестрой умоляли маму, чтобы она дала нам побольше поесть, а мама выделила только по полсухарика и по кусочку сахара. Мы мучались от желания съесть побольше. Ночевали там же, в поле. Утром мама нас подняла и говорит: «Посмотрите, свозят людей, потому что они наелись и поумирали». Погибли десятки людей, ибо их желудки отвыкли от такого количества пищи.

Потом нас отвезли в Смоленскую область. Износковский район. Мама там работала на стройке, а мы ходили попрошайничать. Но нигде нам почти ничего

не давали (в лучшем случае картошину), потому что русским самим есть было нечего. И не только во время войны. У нас коров держат, поросят, а там ничего. У них и сейчас ничего нет. У меня в России живет дочка, я иногда ее навещаю. Поля — голые.

А потом мы приехали в Витебск. От нашего дома осталась только труба. Сгорел. Лебеда выше человеческого роста. Где-то в колхозе Красной Армии купили сарай и сделали из него домик-времянку. Нормальный построили позже. Окончила школу, техникум и работала завмагом, потом вышла на пенсию. Как говорится, молодость не удалась. Муж у меня погиб при исполнении служебных обязанностей, он был военнослужащий. Осталось двое малых детей. Вырастила, выучила. Оба окончили институты. Слава Богу, прекрасно живут в России.

С тем, что я была в «5-ом Полку» после войны у меня не было никаких проблем. Мама у меня была связной с партизанами. Дважды ее арестовывали полицаи, но ничего запрещенного при ней не было. Один раз отсидела в тюрьме неделю, другой - три дня. А сестра двоюродная, вообще, была подпольщицей здесь, в Витебске.

ЮРГЕЛЬ (СКУРО)
Софья Прохоровна
1937 года рождения

Я навсегда запомнила, как в нашу деревню Новинки Мядельского района, Минской области ворвались фашисты. Всех жителей согнали за деревню, отделили стариков, загнали их в сарай, расстреляли и подожгли. Среди них была и моя бабушка. Один старик выполз из горящего сарая, но через два-три часа умер в мучениях.

Немцы разрешили похоронить косточки обгоревших людей, потом согнали остальных и заперли в помещении сельского совета, которое стояло на отшибе. Потом подожгли всю деревню. Все ждали, что сожгут живьём, но нас погнали колонной в городской поселок Довчиково. Там на сутки заперли в костеле. В Довчиково согнали людей и из других мест. Дальше (кто шел пешком, кто ехал в повозках) людей погнали в Гродно, а там погрузили в «телятники» и повезли. По дороге наш состав бомбили. В некоторые вагоны попали бомбы. Поезд остановился, кричали раненые, много было убитых. Собрав живых, нас снова загнали в оставшиеся вагоны и повезли. Раненых оставили умирать.

Привезли на север Германии, в город Ресбург. Здесь прошли «санобработку». Состригли волосы, заставили помыться под шлангами. Нашу одежду обработали и вернули еще горячей и с мерзким запахом. А потом нас раздали хозяевам.

Нас к себе на хутор забрал угрюмый, злой «бауэр». Взрослые работали на полях и на ферме, а мы, дети, выпалывали сорняки на покрытой брусчаткой дороге. Ходить куда-либо запрещалось. Хозяин мог избить по любому поводу, а иногда и без повода. Его экономка, которая распоряжалась нами, называла нас «Русиш швайне». В конце 1943 года он присмирел, потому что самолеты постоянно бомбили даже их деревню Инбюрн. Приближалось освобождение. Со своей семьей немец запрещал нам общаться. Его сын был летчиком, воевал на фронте. Я видела иногда и их 2-летнюю внучку. Но для них мы были как бессловесный скот или рабы.

Наши мучения закончились в июне 1945 года, когда северную Германию освободили англичане. Нас передали русским. Некоторый период времени мы находи-

лись в фильтрационном лагере. Маму допрашивали сотрудники НКВД.

В сентябре мы вернулись домой, на пепелище. Вырыли землянку и стали в ней жить. Постоянно мучил голод и холод. Питались лебедой, ягодами, грибами. Зимой 1946 года нас забрал к себе в Глубокое мой дядя. Здесь мы с братом и жили. Я окончила школу и поступила в медицинское училище. Потом всю жизнь проработала медсестрой в детском отделении Глубокской районной больницы.

Растила с мужем двоих детей. Но сына насмерть сбила машина, когда ему было 17 лет. Пока я живу, та боль навсегда останется в моей душе. У дочери двое детей. Внуки подрастают, а я старею.

В 2003 году по приглашению немецкой стороны я съездила в Германию. Завезли нашу группу и в деревню Инбюрн, где мы были в рабстве. Хутор изменился, но я узнавала местность, хоть и была в годы войны ребенком. Прежнего хозяина, естественно, уже не было в живых, но встретилась я с его внучкой. Неприязни к ней не ощущала, она в то время маленькой была, всего два года, но ни тепла, ни искренности при нашей встрече я не ощутила. Она даже сказала, что считала нас наемными рабочими. То ли не рассказали ей правды, то ли сама знать ту правду не хотела.

До сих пор она ищет могилу своего отца, который погиб на территории Польши. Думаю, отношение к войне у нас с ней одинаковое. И она, и я потеряли близких людей, но вот правда о войне у нее своя, а у меня своя. Нельзя понять и оправдать фашизм, который уничтожил миллионы людей, как нельзя понять и оправдать то, что одни люди превращали других в рабов. Такое не должно повториться.

ЯКУБОВСКАЯ
Мария Ивановна
1936 года рождения

Хата наша стояла на горке. Прямо у окна через дорогу росла большая береза. На нее каждую весну прилетали аисты и выводили деток. Я очень любила играть под этой березой. Хотела ходить в школу, но мне родители говорили, что для этого должно исполниться шесть лет. Но пойти туда мне так и не довелось. Началась война.

Наша деревня называлась Вельбузы. Немцы два раза хотели ее занять – не получалось. Деревня находилась в лесу, и партизаны отбивали их наступления. В третий раз они прислали большой карательный отряд, и партизаны с боем ушли в глубь леса. Хорошо помню: я стояла на подоконнике и смотрела, как красиво летали, пересекая друг друга, огоньки. Тогда еще не знала, что это были трассирующие пули.

У всех деревенских в лесу были сделаны землянки. Продукты и одежду мы заранее зарыли возле своих домов. Мама подбежала ко мне, одела, посадила на санки (зима), и, захватив мешок с мукой, мы побежали за партизанами в лес.

В лесу жили семьями. Нас было три сестры, брат, мать и отец-инвалид. У старшей сестры было двое грудных деток-близнят, которые вскорости заболели и в один день оба умерли. Сестра после войны искала эту могилку, но так и не нашла.

Но это было позже, а поначалу мы жили вполне нормально. Продуктов заготовили много. Брат ушел в партизаны, муж сестры был в Армии. И так бы длилось очень долго, если б не одна женщина из нашей деревни. Она направилась за мукой, которая была зарыта в ее дворе. Как стемнело, ушла туда с дочками. Неожи-

данно к ним подошли четверо. Двое раненых. Все в солдатской одежде. Кровавые повязки на головах. Стали объяснять, что убежали из плена в Витебске, им надо срочно связаться с партизанами. Ей стало жаль этих солдат, все им рассказала. Землянки находились далеко. Лес был очень большой, непроходимый, назывался Щелбовским.

Утром приходит брат и говорит: разведка донесла – идет большой отряд эсэсовцев. Партизанам дан приказ уйти в глубь леса, а мы должны остаться. Кто мог (без детей), ушел с партизанами.

Немцы всех собрали вместе. Начали отнимать детей. Я от страха спряталась под мамину юбку и сидела там, пока детей не погрузили на машину. А сестру мою (у которой умерли детки) угнали куда-то. Потом мы узнали, что их увезли в Германию.

Шли до деревни Заполье. Там заперли в сарае. Думали, запалят. Нет. Каратели ушли, и трое суток к нам никто не заходил. Потом немцы погнали в Витебск, в «5-й Полк». Там был лагерь под открытым небом. Его огородили колючей проволокой, а с другой стороны дороги находились военнопленные. Помню, одна женщина бросила им кусочек хлеба. Немцы сразу же ее убили.

Никакой еды там не было. Люди умирали, как мухи. Выбрасывали их прямо за проволоку. Пока не соберется большая куча, не закапывали. Мы проходили там какой-то карантин. Потом всех раздели догола. Одежду тут же спалили, а нам дали штаны в полоску и такую же пижаму. Написали на спинах номера.

Через несколько дней погнали на железнодорожный вокзал. Погрузили в вагоны, в которых возят лошадей и коров, и закрыли двери. Везли очень долго. Однажды партизанская разведка ошибочно решила, что везут боеприпасы на фронт. Под рельсы подложили взрывчатку. А немцы спереди паровоза прицепили четыре вагона. Два с камнями и два с зерном. Хорошо, что ехали тихо, так они и подорвались. Паровоз перевернулся. Нас держали запертыми. Пока не пригнали другие вагоны и паровоз. Очень многие тогда умерли.Потом выгнали из вагонов. Сначала заставили погрузить камни, а потом зерно. Немцы разрешили его поесть и набрать. Если кто решался бежать, его травили собаками. Жертву разрывали сразу же.

Наконец, привезли в Слуцк. Поместили в барак. Сразу же заставили копать вдоль стены глубокий ров. Думали, будут туда бросать заживо. Оказалось – нет. Начались тиф и малярия. Пошли вши, клопы. Многие начали умирать. За день накладывали полный ров. Трупы клали один на одного, как дрова.

Барак был без дверей. Трехъярусные нары. Внизу размешались совсем слабые, а выше те, кто был немного покрепче. Спали сидя, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. На территории лагеря была высокая вышка, там сидел полицай. Периметр обнесен колючей проволокой, по ней шел электрический ток. Потом немцы его отключили. Настолько были все обессилевшие, что уже никто не мог убежать. Кормили в основном перловым супом. Плавало там, может, пять крупинок и с черными головками черви. Хлеба не давали вообще. Каждое утро стариков и детей заставляли «скородить» дорогу, потому что партизаны ее постоянно минировали. Подорвались на минах очень многие. Сначала шли старики, а дети по бокам.

Когда сняли ток с проволоки, мы собирались по два-три человека, делали подкоп и ночью ходили по деревням. Деревенские говорили, что тех, кто там был раньше и остался в живых, куда-то увезли. Им и самим есть было нечего, но нам помогали, чем могли. Под утро возвращались в лагерь, чтобы успеть на перекличку.

Помню, принесла немного картошки. Папа пошел ее варить в солдатском котелке, а полицай увидел, все выбросил и растоптал. Ударил железной тростью по голове и его в крови принесли в барак. Мы просили полицаев нас расстрелять, но они со смехом говорили, что партизанское отродье сдохнет от голода само. Дескать, немцы на нас пуль жалеют.

В 1944 году лагерь освободила Красная Армия. Нас развезли по близлежащим деревням. Семья попала в деревню Поддубье Плисского района. Отца сразу «взял» хозяин нашего дома. Он был неплохим плотником. Мог рамы, окна делать. А маму (хоть она и была очень слабая) взяла какая-то женщина. У нее было шестеро детей, и мама за ними присматривала. Получалось, что я никому, кроме них, не нужна. Тогда взрослые решили, что я должна ходить по всей деревне и жить у каждого хозяина по одной неделе. Так и делала. У кого овец пасла, у кого кур.

Потом кончилась война. Папа немного подзаработал. Купил корову. Ему выделили дом. Мы стали жить все вместе, однако вскоре решили вернуться на Родину. Папа сделал коляску, собрал весь свой заработок (мешок боба и два мешка муки), завез на железнодорожный вокзал и все это сдал в багаж. Запрягли корову в коляску, посадили в нее маму (не могла ходить – вся распухшая, ноги были все в черных язвах) и отправились своим ходом. Думали, багаж придет раньше, но не получилось.

Приехали в свою деревню. Кроме нас там никого не было. Пошла в первый класс деревни Заполье. Далеко. Шесть километров в одну сторону. Есть нечего, обуть нечего. Отец сделал мне «деревяшки». Подошва деревянная, а верх тряпичный.

Кроме этого наделал корыт и ступ. Мы грузили их на саночки и тянули на базар в Сураж. Там выменивали на еду. Чаще всего это полбанки бобов или банка муки. Дома у нас была насушена мокрица липы. Натолчем, и мама делает вкусные лепешки. Слава Богу, еще было молоко.

«В гости» начали приходить волки. Сядут на землянку и воют. Чувствуют запах нашей коровы. Однажды в Заполье сдохла лошадь. Колхозники отвезли ее километра за три от деревни и закопали недалеко от дороги. Да, видно, неглубоко. Туда стали собираться волки. А мне надо было мимо этого места идти в школу. Папа всегда встречал. Ходил он с палочкой. Ее стук по доскам (немцы сделали «ливневку») я всегда слышала издалека. Проходим захоронение лошади – волки зубами щелкают и провожают взглядами. Мы прошли мимо. Не тронули. А двое провожали нас до самой землянки. После этого случая папа отдал меня «на квартиру». В Заполье я окончила четыре класса.

Школа не отапливалась, пол поломанный, чернила замерзают, писчей бумаги нет. Прожили в своей деревне четыре года. Никто не возвращается. Решили переехать в леспромхоз, где жила моя старшая сестра с мужем. Папа устроился на работу – «теребил» сучья. В лесу нам дали участок для вырубки. Стали заготавливать бревна на дом. Я и старшая сестра тягали их на участок. Он был далеко, потому иногда приходилось запрягать корову.

Потом вернулся брат, которого после партизанщины забрали в действующую армию. Устроился работать шофером. Стало полегче. Потом я пошла уже в другую школу. Три километра от нас – деревня Заборочье. Здесь окончила семь классов и уехала в Витебск, где устроилась на обувную фабрику «Красный Октябрь». Работала (18 лет) хорошо. Была в передовиках. Даже в газете напечатали. Здесь вышла замуж.

Отец умер в 1960 году, а мама жила еще семнадцать лет. Не могла «отойти»

от лагерей - сильно болели ноги. В 1977 году она умерла. Муж умер в 1977 году. Сейчас живу вместе с дочкой.

… Иногда вижу: хлеб и булки валяются. Да если бы этот кусочек хлеба, кто дал бы нам тогда в лагере, мы бы ему ноги целовали. Все на свете отдала за то, чтоб дети мои не испытали пережитое мной. Одному Богу известно, как мы тогда выжили. Сейчас от нашей деревни ничего не осталось, одни кусты. И березки моей тоже нет. Оказывается, в нее попал немецкий снаряд. И аист уже не прилетает...

ЯЩИК
Галина Прохоровна
1931 года рождения

Моего папу повесили в 1942 году на Смоленском базаре, там сейчас памятник стоит. Его «сдали» свои, то есть русские. Потом мы жили по Суражской. Боялись немцев. Если едет жандармерия, прятались в погреб. Затем нас забрали и куда-то повезли. Вагоны для перевозки скота. Их еще называли «телятниками». Людей набилось так много, что некоторые ехали стоя, ибо места, чтобы сесть, не было. Помню, сперва приехали на станцию Мордичи, это где-то в Польше что ли. Издевались, конечно. В Мордичах мы жили без крыши. Трехярусные нары стояли прямо под открытым небом. Кормили баландой один раз в день. Всякие болезни. Люди очень много умирали. Замучали вши. В моей косе они, буквально, кишели. Грязные. Голодные. Намучились. Не дай Бог никому такого горя. Мои бабушка и дедушка попали в Освенцим, так у них на руках были выколоты номера.

Ну а потом вывезли в Беларусь, в Столбцовский район. Там всех загнали в конюшню. Думали, сожгут, но не сожгли. А когда наши уже наступали, то немцы с собаками всех довели до моста, но мост за несколько минут был взорван, и им пришлось вернуть нас обратно в эту конюшню. Маму гоняли куда-то на работу, они там что-то копали. Но разве баланда может восстановить силы? Наверное, легче было бы умереть, чем так жить. Потом когда нас освободили, то привезли в Витебск. Там тоже не было никакой еды. Мама, помню, насобирает крапивы и лебеды, наварит какой-то каши. Естественно, она не была ничем заправленной, но казалась мне такой вкусной… Надо было как-то обустраиваться. Мама работала на железной дороге. Там, где строили вокзал, меняла шпалы. Давали карточки на хлеб. Считаные граммы на одного человека. Что они туда добавляли? Бывало, не кусок, а сплошное липкое тесто. Одну карточку я нечаянно обронила в ведро с водой. Мама ее потом нашла. Вмерзшую в лед, высекала ее топором. Тяжело было, даже очень тяжело.

Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 8 п. л. Формат 60х90 1/16.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3764

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.